А. Стругацкий, Б. Стругацкий

*** Пикник на обочине ***

Из интервью, которое специальный
корреспондент Хармонтского радио
взял у доктора Валентина Пильмана
по случаю присуждения последнему
Нобелевской премии по физике за
19... год

–...Вероятно, вашим первым серьезным открытием, доктор Пильман, следует считать так называемый радиант Пильмана?

– Полагаю, что нет. Радиант Пильмана – это не первое, не серьезное и, собственно, не открытие. И не совсем мое.

– Вы, вероятно, шутите, доктор. Радиант Пильмана – понятие, известное всякому школьнику.

– Это меня не удивляет. Радиант Пильмана и был открыт впервые именно школьником. К сожалению, я не помню, как его звали. Посмотрите у Стетсона в его "Истории посещения" – там все это подробно рассказано. Открыл радиант впервые школьник, опубликовал координаты впервые студент, а назвали радиант почему–то моим именем.

– Да, с открытиями происходят иногда удивительные вещи. Не могли бы Вы обьяснить нашим слушателям, доктор Пильман...

– Послушайте, земляк. Радиант Пильмана – это совсем простая штука. Представьте себе, что Вы раскрутили большой глобус и принялись палить в него из револьвера. Дырки на глобусе лягут на некую плавную кривую. Вся суть того, что Вы называете моим первым серьезным открытием, заключается в простом факте: все шесть зон посещения располагаются на поверхности нашей планеты так, словно кто–то дал по земле шесть выстрелов из пистолета, расположенного где–то на линии земля – денеб. Денеб – это Альфа созвездия Лебедя, а точка на небесном своде, из которой, так сказать, стреляли, и называется радиантом Пильмана.

– Благодарю Вас, доктор. Дорогие хармонтцы! Наконец–то нам толком обьяснили, что такое радиант Пильмана! Кстати, позавчера исполнилось ровно тринадцать лет со дня посещения. Доктор Пильман, может быть, Вы скажете своим землякам насколько слов по этому поводу ?

– Что именно их интересует? Имейте в виду, в Хармонте меня тогда не было...

– Тем более интересно узнать, что вы подумали, когда ваш родной город оказался объуктом нашествия инопланетной сверхцивилизации...

– Честно говоря, прежде всего я подумал, что это утка. Трудно было себе представить, что в нашем старом маленьком Хармонте может случиться что–нибудь подобное. Гоби, Ньюфаундленд – это еще куда ни шло, но Хармонт !

– Однако в конце концов вам пришлось поверить.

– В конце концов – да.

– И что же ?

– Мне вдруг пришло в голову, что Хармонт и остальные пять зон посещения... Впрочем, виноват, тогда было известно только четыре... Что все они ложатся на очень гладкую кривую. Я сосчитал координаты радианта и послал их в "Нэйчур".

– И вас нисколько не взволновала судьба родного города ?

– Видите ли, в то время я уже верил в посещение, но я никак не мог заставить себя поверить паническим корреспонденциям о горящих кварталах, о чудовищах, избирательно пожирающих стариков и детей, и о кровопролитных боях между неуязвимыми пришельцами и в высшей степени уязвимыми, но неизменно доблестными королевскими танковыми частями.

– Вы были правы. Помнится, наш брат информатор тогда много напутал... Однако вернемся к науке. Открытие радианта Пильмана было первым, но, вероятно, не последним вашим вкладом в знания о посещении?

– Первым и последним.

– Но вы, без сомнения, внимательно следили все это время за ходом международных исследований в зонах посещения...

– Да... Время от времени я листаю "Доклады".

– Вы имеете в виду "Доклады международного института Внеземных культур" ?

– Да.

– И что же, по вашему мнению, является самым важным открытием за все эти тринадцать лет ?

– Сам факт посещения.

– Простите ?

– Сам факт посещения является наиболее важным открытием не только за истекшие тринадцать лет, но и за все время существования человечества. Не так уж важно, кто были эти пришельцы. Неважно, откуда они прибыли, зачем прибыли, почему так недолго пробыли и куда девались потом. Важно то, что теперь человечество твердо знает: оно не одиноко во вселенной. Боюсь, что институту внеземных культур уже никогда больше не повезет сделать более фундаментальное открытие.

– Это страшно интересно, доктор Пильман, но я, собственно, имел в виду открытия технологического порядка. Открытия, которые могла бы использовать наша земная наука и техника. Ведь целый ряд очень видных ученых полагает, что находки в зонах посещения способны изменить весь ход нашей истории.

– Н–ну, я не принадлежу к сторонникам этой точки зрения. А что касается конкретных находок, то я не специалист.

– Однако вы уже два года являетесь консультантом комиссии ООН по проблемам посещения...

– Да. Но я не имею никакого отношения к изучению внеземных культур. В "КОПРОПО" Я вместе со своими коллегами представляю международную научную общественность, когда заходит речь о контроле за выполнением решения ООН относительно интернационализации зон посещения. Грубо говоря, мы следим, чтобы инопланетными чудесами, добытыми в зонах, распоряжался только международный институт.

– А разве на эти чудеса посягает еще кто–нибудь?

– Да.

– Вы, вероятно, имеете в виду сталкеров?

– Я не знаю, что это такое.

– Так у нас в Хармонте называют отчаянных парней, которые на свой страх и риск проникают в зону и тащат оттуда все, что им удается найти. Это настоящая новая профессия.

– Понимаю. Нет, это вне нашей компетенции.

– Еще бы! Этим занимается полиция. Но было бы интересно узнать, что именно входит в вашу компетенцию, доктор Пильман...

– Имеет место постоянная утечка материалов из зон посещения в руки безответственных лиц и организаций. Мы занимаемся результатами этой утечки.

– Нельзя ли чуточку поконкретней, доктор?

– Давайте лучше поговорим об искусстве. Неужели слушателей не интересует мое мнение о несравненной Гвади Мюллер?

– О, разумеется ! Но я хотел бы сначала покончить с наукой. Вас как ученого не тянет самому заняться инопланетными чудесами ?

– Как вам сказать... Пожалуй.

– Значит, можно надеяться, что Хармонтцы в один прекрасный день увидят своего знаменитого земляка на улицах родного города ?

– Не исключено.

1. Рэдрик Шухарт, 23 года, холост, лаборант

Хармонтского филиала международного института

Внеземных культур.

Накануне стоим это мы с ним в хранилище – уже вечером, остается только спецовки сбросить, и можно закатиться в "Боржч", Принять в организм капельку–другую крепкого. Я стою просто так, стену подпираю, свое отработал и уже держу наготове сигаретку, курить хочется дико – два часа не курил, а он все возится со своим добром: один сейф загрузил, запер и опечатал, теперь другой загружает – берет с транспортера "пустышки", Каждую со всех сторон осматривает (а она тяжелая, сволочь, шесть с половиной кило, между прочим) и с кряхтеньем аккуратненько водворяет на полку.

Сколько уже времени он с этими "пустышками" бьется, и, по–моему, без всякой пользы для человечества. На его месте я давным–давно бы уже плюнул и чем–нибудь другим занялся за те же деньги. Хотя, с другой стороны, если подумать, "пустышка" действительно штука загадочная и какая–то невразумительная, что ли. Сколько я их на себе перетаскал, а все равно, каждый раз как увижу – не могу, поражаюсь. Всего–то в ней два медных диска с чайное блюдце, миллиметров пять толщиной, и расстояние между дисками миллиметров четыреста, и кроме этого расстояния, ничего между ними нет. То есть совсем ничего, пусто. Можно туда просунуть руку, можно и голову, если ты совсем обалдел от изумления, – пустота и пустота, один воздух. И при всем при том что–то между ними, конечно, есть, сила какая–то, как я это понимаю, потому что ни прижать их, эти диски, друг к другу, ни растащить их никому еще не удавалось.

Нет, ребята, тяжело эту штуку описать, если кто не видел, очень уж она проста на вид, особенно когда приглядишься и поверишь наконец своим глазам. Это все равно что стакан кому–нибудь описывать или, не дай бог, рюмку: только пальцами шевелишь и чертыхаешься от полного бессилия. Ладно, будем считать, что вы все поняли, а если кто не понял, возьмите институтские "доклады" Там в любом выпуске статьи про эти "пустышки" с фотографиями...

В общем, Кирилл бьется с этими "пустышками" уже почти год. Я у него с самого начала, но до сих пор не понимаю толком, чего он от них добивается, да, честно говоря, и понять особенно не стремлюсь. Пусть он сначала сам поймет, сам разберется, вот тогда я его, может быть, послушаю. А пока мне ясно одно: надо ему во что бы то ни стало какую–нибудь "пустышку" раскурочить, кислотами ее протравить, под прессом расплющить, расплавить в печи. И вот тогда станет ему все понятно, будет ему честь и хвала, и вся мировая наука содрогнется от удовольствия. Но покуда, как я понимаю, до этого еще очень далеко. Ничего он покуда не добился, замучился только вконец, серый какой–то стал, молчаливый, и глаза у него сделались как у больного пса, даже слезятся. Будь на его месте кто еще, напоил бы я его как лошадь, свел бы к хорошей девке, чтобы расшевелила, а на утро бы снова напоил и снова к девке, к другой, и был бы он у меня через неделю как новенький – уши торчком, хвост пистолетом. Только вот Кириллу это лекарство не подходит – не стоит и предлагать, не та порода.

Стоим, значит, мы с ним в хранилище, смотрю я на него, какой он стал, как у него глаза запали, и жалко мне его стало, сам не знаю как. И тогда я решился. То есть даже не сам я решился, а словно меня кто–то за язык потянул.

– Слушай, – говорю, – Кирилл...

А он как раз стоит, держит на весу последнюю "пустышку", и с таким видом, словно так бы в нее и влез.

– Слушай, – говорю, – Кирилл! А если бы у тебя была полная "пустышка", а ?

– Полная "пустышка"? – переспрашивает он и брови сдвигает, будто я с ним по–тарабарски заговорил.

– Ну да, – говорю. – Эта твоя гидромагнитная ловушка, как ее... Обьект семьдесят семь–бэ. Только с ерундой какой–то внутри, с синенькой.

Вижу, начало до него доходить. Поднял он на меня глаза, прищурился, и появился у него там, за собачьей слезой, какой–то проблеск разума, как он сам обожает выражаться.

– Постой, – говорит он. – Полная? Вот такая же штука, только полная?

– Ну да.

– Где ?

Вылечился мой Кирилл. Уши торчком, хвост пистолетом.

– Пойдем, – говорю, – покурим.

Он живо сунул "пустышку" в сейф, прихлопнул дверцу, запер на три с половиной оборота, и пошли мы с ним обратно в лабораторию. За пустую "пустышку" Эрнест дает четыреста монет наличными, а за полную я бы из него, сукина сына, всю его поганую кровь выпил, но хотите – верьте, хотите – нет, а я об этом даже не подумал, потому что Кирилл у меня ну просто ожил, снова стал как струна, аж звенит весь, и по лестнице скачет через четыре ступеньки, закурить человеку не дает. В общем, все я ему рассказал: и какая она, и где лежит, и как к ней лучше всего подобраться. Он сразу же вытащил карту, нашел этот гараж, пальцем его прижал и посмотрел на меня, и, ясное дело, сразу все про меня понял, да и чего здесь было не понять!..

– Ай да ты ! – говорит он, а сам улыбается. – Ну что же, надо идти. Давай прямо завтра утром. В девять я закажу пропуска и "галошу", А в десять благословясь выйдем. Давай?

– Давай, – говорю. – А кто третий?

– А зачем нам третий?

– Э, нет, – говорю. – Это тебе не пикник с девочками. А если что–нибудь с тобой случится? Зона, – говорю. – Порядок должен быть.

Он слегка усмехнулся, пожал плечами:

– Как хочешь! Тебе виднее.

Как бы не виднее! Конечно, это он свеликодушничал, для меня старался: третий лишний, сбегаем вдвоем, и все будет шито–крыто, никто про тебя не догадается. Да только я знаю, институтские вдвоем в зону не ходят. У них такой порядок: двое дело делают, а третий смотрит и, когда его потом спросят – расскажет.

– Лично я бы взял Остина, – говорит Кирилл. – Но ты его, наверно, не захочешь. Или ничего ?

– Нет, – говорю. – Только не Остина. Остина ты в другой раз возьмешь.

Остин парень неплохой, смелость и трусость у него в нужной пропорции, но он, по–моему, уже отмеченный. Кириллу этого не обьяснишь, но я–то вижу: вообразил человек о себе, будто зону знает и понимает до конца, – значит, скоро гробанется. И пожалуйста. Только без меня.

– Ну хорошо, – говорит Кирилл. – А Тендер?

Тендер – это его второй лаборант. Ничего мужик, спокойный.

– Староват, – говорю я. – И дети у него...

– Ничего. Он в зоне уже бывал.

– Ладно, – говорю. – Пусть будет Тендер.

В общем, он остался сидеть над картой, а я поскакал прямиком в "Боржч", Потому что жрать хотелось невмоготу и в глотке пересохло.

Ладно. Являюсь я утром, как всегда, к девяти, предъявляю пропуск, а в проходной дежурит этот дылдоватый сержант, которому я в прошлом году дал хорошенько, когда он по пьяному делу стал приставать к Гуте.

– Здорово, – он мне говорит. – Тебя, – говорит, – рыжий, по всему институту ищут...

Тут я его так вежливенько прерываю:

– Я тебе не рыжий, – говорю. – Ты мне в приятели не набивайся, шведская оглобля.

– Господи, рыжий ! – Говорит он в изумлении. – Да тебя же все так зовут.

Я перед зоной взвинченный, да еще трезвый вдобавок – взял я его за портупею и во всех подробностях выдал, кто он такой есть и почему от своей родительницы произошел. Он плюнул, вернул мне пропуск и уже без всех этих нежностей говорит:

– Рэдрик Шухарт, вам приказано немедленно явиться к уполномоченному отдела безопасности капитану Херцогу.

– Вот то–то, – говорю я. – Это другое дело. Учись, сержант, в лейтенанты выбьешься.

А сам думаю: "Это что за новости ? Чего это ради понадобился я капитану Херцогу в служебное время?" Ладно, иду являться. У него кабинет на третьем этаже, хороший кабинет, и решетки там на окнах, как в полиции. Сам Вилли сидит за своим столом, сипит своей трубкой и разводит писанину на машинке, а в углу копается в железном шкафу какой–то сержантик, новый какой–то, не знаю я его. У нас в институте этих сержантов больше, чем в дивизии, да все такие дородные, румяные, кровь с молоком, – им в зону ходить не надо, и на мировые проблемы им наплевать.

– Здравствуйте, – говорю я. – Вызывали ?

Вилли смотрит на меня как на пустое место, отодвигает машинку, кладет перед собой толстенную папку и принимается ее листать.

– Рэдрик Шухарт ? – Говорит.

– Он самый, – отвечаю, а самому смешно – сил нет. Нервное такое хихиканье подмывает.

– Сколько времени работаете в институте ?

– Два года, третий.

– Состав семьи ?

– Один я, – говорю. – Сирота.

Тогда он поворачивается к своему сержантику и строго ему приказывает:

– Сержант Луммер, ступайте в архив и принесите дело номер сто пятьдесят.

Сержант козырнул и смылся, а Вилли захлопнул папку и сумрачно так спрашивает:

– Опять за старое взялся ?

– За какое такое старое ?

– Сам знаешь, за какое. Опять на тебя материал пришел. "Так..." – думаю.

– И откуда материал ?

Он нахмурился и стал в раздражении колотить своей трубкой по пепельнице.

– Это тебя не касается, – говорит. – Я тебя по старой дружбе предупреждаю: брось это дело, брось навсегда. Ведь во второй раз сцапают – шестью месяцами не отделаешься. А из института тебя вышибут немедленно и навсегда, понимаешь ?

– Понимаю, – говорю. – Это я понимаю. Не понимаю только, какая же это сволочь на меня донесла...

Но он уже опять смотрит на меня оловянными глазами, сипит пустой трубкой и знай себе листает папку. Это значит вернулся сержант Луммер с делом номер сто пятьдесят.

Спасибо, Шухарт, – говорит капитан Вилли Херцог по прозвищу Боров. – Это все, что я хотел выяснить. Вы свободны.

Ну, я пошел в раздевалку, натянул спецовочку, закурил, а сам все время думаю: "Откуда же это звон идет ? Ежели из института, то ведь это все вранье, никто здесь про меня ничего не знает и знать не может. А если бумаги из полиции, опять–таки, что они там могут знать, кроме моих старых дел ? Может, Стервятник попался ? Эта сволочь, чтобы себя выгородить, кого хочешь утопит. Но ведь и Стервятник обо мне теперь ничего не знает". Думал я, думал, ничего полезного не придумал и решил – наплевать! Последний раз ночью я в зону ходил три месяца назад, хабар почти весь уже сбыл и деньги почти все растратил. С поличным не поймали, а теперь черта меня возьмешь, я скользкий.

Но тут, когда я уже поднимался по лестнице, меня вдруг осенило, да так осенило, что я вернулся в раздевалку, сел и снова закурил. Получалось, что в зону–то мне идти сегодня нельзя. И завтра нельзя, и послезавтра. Получалось, что я опять у этих жаб на заметке, не забыли они меня, а если и забыли, то им кто–то напомнил. И теперь уже неважно, кто именно. Никакой сталкер, если он совсем не свихнулся, на пушечный выстрел к зоне не подойдет, когда знает, что за ним следят. Мне сейчас в самый темный угол залезть надо. Какая, мол, зона? Я туда, мол, и по пропускам–то не хожу который месяц! Что вы, понимаешь, привязались к честному лаборанту?

Обдумал я все это и вроде бы даже облегчение почувствовал, что в зону мне сегодня идти не надо. Только как это все поделикатнее сообщить Кириллу?

Я ему сказал прямо:

– В зону не иду. Какие будут распоряжения?

Сначала он, конечно, вылупил на меня глаза. Потом, видно, чтото сообразил: взял меня за локоть, отвел к себе в кабинетик, усадил за свой столик, а сам примостился рядом на подоконнике. Закурили. Молчим. Потом он осторожно так меня спрашивает:

– Что–нибудь случилось, Рэд?

Ну что я ему скажу?

– Нет, – говорю, – ничего не случилось. Вчера вот в покер двадцать монет продул – здорово этот Нунан играет, шельма...

– Подожди, – говорит он. – Ты что, раздумал?

Тут я даже закряхтел от натуги.

– Нельзя мне, – говорю ему сквозь зубы. – Нельзя мне, понимаешь? Меня сейчас Херцог к себе вызывал.

Он обмяк. Опять у него несчастный вид сделался, и опять у него глаза стали как у больного пуделя. Передохнул он этак судорожно, закурил новую сигарету от окурка старой и тихо говорит:

– Можешь мне поверить, Рэд, я никому ни слова не сказал.

– Брось, – говорю. – Разве о тебе речь ?

– Я даже Тендеру еще ничего не сказал. Пропуск на него выписал, а самого даже не спросил, пойдет он или нет...

Я молчу, курю. Смех и грех, ничего человек не понимает.

– А что тебе Херцог сказал?

– Да ничего особенного, – говорю. – Донес кто–то на меня, вот и все.

Посмотрел он на меня как–то странно, соскочил с подоконника и стал ходить по своему кабинетику взад–вперед. Он по кабинетику бегает, а я сижу, дым пускаю и помалкиваю. Жалко мне его, конечно, и обидно, что так по–дурацки получилось: вылечил, называется, человека от меланхолии. А кто виноват? Сам я и виноват. Поманил дитятю пряником, а пряник–то в заначке, а заначку сердитые дяди стерегут... Тут он перестает бегать, останавливается около меня и, глядя куда–то вбок, неловко спрашивает:

– Слушай, Рэд, а сколько она может стоить – полная "пустышка"?

Я сначала его не понял, подумал сначала, что он ее еще где–нибудь купить рассчитывает, да только где ее такую купишь, может быть, она всего одна такая на свете, да и денег у него на это не хватило бы: откуда у него деньги – у иностранного специалиста, да еще русского? А потом меня словно обожгло: что же это он, погангец, думает – я из–за зелененьких эту бодягу развел? Ах ты, думаю, стервец, да за кого же ты меня принимаешь ?.. Я уже рот раскрыл, чтобы все это ему высказать и осекся. Потому что, действительно, а за кого ему меня еще принимать ? Сталкер – он сталкер и есть, ему бы только зелененьких побольше, он за зелененькие жизнью торгует. Вот и получалось, что вчера я, значит, удочку забросил, а сегодня приманку вожу, цену набиваю.

У меня даже язык отнялся от таких мыслей, а он на меня смотрит пристально, глаз не сводит, и в глазах его я вижу не презрение даже, а понимание, что ли. И тогда я спокойно ему объяснил.

– К гаражу, – говорю, – еще никто никогда с пропуском не ходил. Туда еще трасса не провешена, ты это знаешь. Теперь возвращаемся мы назад, и твой Тендер начинает хвастаться, как махнули мы прямо к гаражу, взяли, что надо, и сразу обратно. Словно бы на склад сходили. И каждому будет ясно, – говорю, – что заранее мы знали, за чем идем. А это значит, что кто–то нас навел. А уж кто из нас троих навел – здесь комментариев не нужно. Понимаешь, чем это для меня пахнет?

Кончил я свою речь, смотрим мы друг другу в глаза и молчим.

Потом он вдруг хлопнул ладонью о ладонь, руки потер и бодрячком этаким обьявляет:

– Ну что ж, нет так нет. Я тебя понимаю, Рэд, и осуждать не могу. Пойду сам. Авось обойдется. Не в первый раз...

Расстелил он на подоконнике карту, уперся руками, сгорбился над ней, и вся его бодрость прямо–таки на глазах испарилась. Слышу – бормочет:

– Сто двадцать метров... Даже сто двадцать два... И что там еще в самом гараже... Нет, не возьму я Тендера. Как ты думаешь, Рэд, может, не стоит Тендера брать ? Все–таки у него двое детей...

– Одного тебя не выпустят, – говорю я.

– Ничего, выпустят... – бормочет он. – У меня все сержанты знакомые... И лейтенанты. Не нравятся мне эти грузовики! Тринадцать лет под открытым небом стоят, а все как новенькие... В двадцати шагах бензовоз – ржавый, как решето, а они будто только что с конвейера... Ох уж эта зона!

Поднял он голову от карты и уставился в окно. И я тоже уставился в окно. Стекла в наших окнах толстые, свинцовые, а за стеклами – зона–матушка, вот она, рукой подать, вся как на ладони с тринадцатого этажа...

Так вот посмотришь на нее – земля как земля. Солнце на нее как на всю остальную землю светит, и ничего вроде бы на ней не изменилось, все вроде бы как тринадцать лет назад. Папаша, покойник посмотрел бы и ничего бы особенного не заметил, разве что спросил бы: чего это завод не дымит, забастовка, что ли ?.. Желтая порода конусами, кауперы на солнышке отсвечивают, рельсы, рельсы, рельсы, на рельсах паровозик с платформами... Индустриальный пейзаж, одним словом. Только людей нет. Ни живых, ни мертвых. Вон и гараж виден: длинная серая кишка, ворота нараспашку, а на асфальтовой площадке грузовики стоят. Тринадцать лет стоят, и ничего им не делается. Упаси бог между двумя машинами сунуться, их надо стороной обходить... Там одна трещина есть в асфальте, если только с тех пор колючкой не заросла... Сто двадцать два метра – это откуда же он считает? А, наверное, от крайней вешки считает. Правильно, оттуда больше не будет. Все–таки продвигаются очкарики... Смотри, до самого отвала дорога провешена, да как ловко провешена! Вон она, та канавка, где Слизняк гробанулся, всего в двух метрах от ихней дороги... А ведь говорил Мослатый Слизняку: "Держись, дурак, от канав подальше, а то ведь и хоронить нечего будет..." Как в воду глядел – нечего хоронить... С зоной ведь так: с хабаром вернулся – чудо, живой вернулся – удача, патрульная пуля мимо – везенье, а все остальное – судьба...

Тут я посмотрел на Кирилла и вижу: он за мной искоса наблюдает. И лицо у него такое, что я в этот момент снова все перерешил. Ну их, думаю, всех к черту, что они, в конце концов, жабы, сделать могут? Он бы мог вообще ничего не говорить, но он сказал. Лаборант Шухарт, – говорит. – Из официальных – подчеркиваю: из официальных источников я получил сведения, что осмотр гаража может принести большую пользу науке. Есть предложение осмотреть гараж. Премиальные гарантирую. – А сам улыбается что твоя майская роза.

– Из каких же это официальных источников ? – Спрашиваю я и тоже ему улыбаюсь, как дурак.

– Это конфиденциальные источники, – отвечает он. – Но вам я могу сказать... – Тут он перестал улыбаться и насупился. – Скажем, от доктора Дугласа.

– А, – говорю, – от доктора Дугласа... От какого же это Дугласа ?

– От Сэма Дугласа, – говорит он сухо. – Он погиб в прошлом году.

У меня мурашки по коже пошли. Так и так тебя ! Кто же перед выходом говорит о таких вещах ? Хоть кол им, очкарикам, на голове теши – ничего не соображают... Ткнул я окурок в пепельницу и говорю:

– Ладно. Где твой Тендер ? Долго мы его еще ждать будем ?

Словом, больше мы на эту тему не говорили. Кирилл позвонил в ППС, заказал "летучую галошу", А я взял карту и посмотрел, что у них там нарисовано. Ничего себе нарисовано, в норме. Фотографическим путем – сверху и с большим увеличением. Даже рубчики видны на покрышке, которая валяется у ворот гаража. Нашему бы брату сталкеру такую карту... А впрочем, черта от нее толку ночью–то, когда задницу звездам показываешь и собственных рук не видно...

А тут и Тендер заявился. Красный, запыхался. Дочка у него заболела, за доктором бегал. Извиняется за опоздание. Ну, мы ему и поднесли подарочек – в зону идти. Сперва он даже запыхиваться забыл, сердяга. "Как так в зону? – Говорит. – Почему я?" Однако, услыхав про двойные премиальные и про то, что Рэд Шухарт тоже идет, оправился и задышал снова.

В общем, спустились мы в "будуар", Кирилл смотался за пропусками, предъявили мы их еще одному сержанту, и выдал нам этот сержант по спецкостюму. Вот это полезная вещь. Перекрасить бы его из красного в какой–нибудь подходящий цвет – любой сталкер за такой костюм пятьсот монет отвалит, глазом не моргнет. Я уж давно поклялся, что изловчусь как–нибудь и сопру один обязательно. На первый взгляд – ничего особенного, костюм вроде водолазного и шлем как у водолаза, с большим окном впереди. Даже не вроде водолазного, а скорее как у летчика–реактивщика или, скажем, у космонавта. Легкий, удобный, нигде не жмет, и от жары в нем не потеешь. В таком костюмчике и в огонь можно, и газ через него никакой не проникает. Пуля, говорят, и то не берет. Конечно, и огонь, и иприт какой–нибудь, и пуля – это все земное, человеческое. В зоне ничего этого нет, в зоне не этого надо опасаться. В общем, что там говорить, и в спецкостюмах тоже мрут как миленькие. Другое дело, что без них мерли бы, может быть, еще больше. От "жгучего пуха", например, эти костюмы на сто процентов спасают. Или от плевков "чертовой капусты"... Ладно.

Натянули мы спецкостюмы, пересыпал я гайки из мешочка в набедренный карман, и побрели мы через весь институтский двор к выходу в зону. Так здесь у них это заведено, чтобы все видели: вот, мол, идут герои науки живот свой класть на алтарь во имя человечества, знания и святого духа, аминь. И точно – во все окна аж до пятнадцатого этажа сочувствующие повыставлялись, только что платочками не машут и оркестра нет.

– Шире шаг, – говорю я Тендеру. – Брюхо подбери, слабосильная команда! Благодарное человечество тебя не забудет!

Посмотрел он на меня, и вижу я, что ему не до шуток. И правильно – какие уж тут шутки!.. Но когда в зону выходишь, то уж одно из двух: либо плачь, либо шути, – а я сроду не плакал. Посмотрел я на Кирилла. Ничего держится, только губами шевелит, вроде молится.

– Молишься? – Спрашиваю. – Молись, – говорю, – молись! Дальше в зону – ближе к небу...

– Что? – Спрашивает он.

– Молись! – Кричу. – Сталкеров в рай без очереди пропускают!

А он вдруг улыбнулся и похлопал меня ладонью по спине: не бойся, мол, со мной не пропадешь, а если и пропадешь, то умираем, мол, один раз. Нет, смешной он парень, ей–богу.

Сдали мы пропуска последнему сержанту – на этот раз, в порядке исключения, это лейтенант оказался, я его знаю, у него папаша кладбищенскими оградами в Рексополе торгует, – а "летучая галоша" уже тут как тут, подогнали ее ребята из ППС и поставили у самой проходной. Все уже тут как тут: и "скорая помощь", и пожарники, и наша доблестная гвардия, бесстрашные спасатели, – куча отьевшихся бездельников со своим вертолетом. Глаза б мои на них не глядели!

Поднялись мы на "галошу", Кирилл встал за управление и говорит мне:

– Ну, Рэд, командуй.

Я без всякой торопливости приспустил "молнию" на груди, достал из–за пазухи флягу, хлебнул как следует, крышечку завинтил и сунул флягу обратно за пазуху. Не могу без этого. Который раз в зону иду, а без этого – нет, не могу. Они оба на меня смотрят и ждут.

– Так, – говорю. – Вам не предлагаю, потому что иду с вами впервые и не знаю, как на вас действует спиртное. Порядок у нас будет такой. Все, что я сказал, выполнять мигом и беспрекословно. Если кто замешкается или там начнет вопросы задавать – буду бить по чему попало, извиняюсь заранее. Вот я, например, тебе, господин Тендер, прикажу: на руки встань и иди. И в тот же момент ты, господин Тендер, должен зад свой толстый задрать и выполнять, что тебе сказано. А не выполнишь – дочку свою больную, может, и не увидишь больше. Понтно? Но уж я позабочусь, чтобы ты увидел.

– Ты, Рэд, главное приказать не забудь, – сипит Тендер, а сам весь красный, уже потеет и губами шлепает. – Уж я на зубах пойду, не то что на руках. Не новичок.

– Вы для меня оба новички, – говорю. – А уж приказать я не забуду, будь покоен. Кстати, ты "галошу" водить умеешь ?

– Умеет, – говорит Кирилл. – Хорошо водит.

– Хорошо так хорошо, – говорю. – Тогда с богом. Опустить забрала! Малый вперед по вешкам, высота три метра! У двадцать седьмой вешки – остановка.

Кирилл поднял "галошу" на три метра и дал малый вперед, а я незаметно повернул голову и тихонько дунул через левое плечо. Смотрю – гвардейцы–спасатели в свой вертолет полезли, пожарники встали от почтительности, лейтенант в дверях проходной честь нам, дурак, отдает, а над всеми над ними – здоровенный плакат, уже выцветший: "Добро пожаловать, господа пришельцы !" Тендер нацелился было им всем ручкой сделать, но я ему так в бок двинул, что у него сразу эти церемонии из головы вылетели. Я тебе покажу прощаться. Ты у меня попрощаешься!..

Поплыли.

Справа у нас был институт, слева – чумной квартал, а мы шли от вешки к вешке по самой середине улицы. Ох и давно же по этой улице никто не ходил и не ездил! Асфальт весь потрескался, трещины проросли травой, но это еще была наша трава, человеческая. А вот на тротуаре по левую руку росла уже черная колючка, и по этой колючке было видно, как четко зона себя обозначает: черные заросли у самой мостовой словно косой срезало. Нет, пришельцы эти все–таки порядочные ребята были. Нагадили, конечно, много, но сами же себе обозначили ясную границу. Ведь даже "жгучий пух" На нашу сторону из зоны – ни–ни, хотя, казалось бы, его ветром как попало мотает...

Дома в чумном квартале облупленные, мертвые, однако стекла в окнах почти везде целы, грязные только и потому как бы слепые. А вот ночью, когда проползаешь мимо, очень хорошо видно, как внутри светится, словно спирт горит, язычками такими голубоватыми. Это "ведьмин студень" Из подвалов дышит. А вообще так вот посмотришь – квартал как квартал, дома как дома, ремонта, конечно, требуют, но ничего особенного нет, людей только не видно. Вот в этом кирпичном доме, между прочим, жил наш учитель арифметики по прозвищу Запятая. Зануда он был и неудачник, вторая жена у него ушла перед самым посещением, а у дочки бельмо на глазу было, так мы ее, помню, до слез задразнивали. Когда паника началась, он со всеми прочими из этого квартала в одном белье до самого моста бежал – все шесть километров без передышки. Потом долго чумкой болел, кожа с него слезла, ногти. Почти все, кто в этом квартале жил, чумкой переболели, потому–то квартал и называется чумным. Некоторые померли, но главным образом старики, да и то не все. Я, например, думаю, что они не от чумки померли, а от страху. Страшно было очень.

А вот в тех трех кварталах люди слепли. Теперь эти кварталы так и называются: первый слепой, второй слепой... Не до конца слепли, а так, вроде куриной слепоты. Между прочим, рассказывают, что ослепли они будто бы не от вспышки какой–нибудь там, хотя вспышки, говорят, тоже были, а ослепли они от сильного грохота. Загремело, говорят, с такой силой, что сразу ослепли. Доктора им: да не может этого быть, вспомните хорошенько! Нет, стоят на своем: сильнейшиший гром, от которого и ослепли. И при этом никто, кроме них, грома не слыхал...

Да, будто здесь ничего не случилось. Вон киоск стоит стеклянный, целехонек. Детская коляска в воротах – даже бельишко в ней вроде бы чистое... Антенны вот только подвели – обросли какими–то волосами наподобие мочала. Очкарики наши на эти антенны давно уже зубы точат:

интересно, видите ли, им посмотреть, что это за мочалы – нигде такого больше нет, только в чумном квартале и только на антеннах. А главное – тут же, рядом ведь, под самыми окнами. В прошлом году догадались: спустили с вертолета якорь на стальном тросе, зацепили одну мочалку. Только он потянул – вдруг пш–ш–ш ! Смотрим – от антенны дым, от якоря дым, и сам трос уже дымится, да не просто дымится, а с ядовитым таким шипением, вроде как гремучая змея. Ну, пилот, даром что лейтенант, быстро сообразил, что к чему, трос выбросил и сам деру дал... Вон он, этот трос, висит, до самой земли почти свисает и весь мочалой оброс...

Так потихоньку–полегоньку доплыли мы до конца улицы, до поворота. Кирилл посмотрел на меня: сворачивать? Я ему махнул: самый малый! Повернула наша "галоша" и пошла самым малым над последними метрами человеческой земли. Тротуар ближе, ближе, вот уже и тень "галоши" на колючки упала... Все, зона! И сразу такой озноб по коже. Каждый раз у меня этот озноб, и до сих пор я не знаю, то ли это так зона меня встречает, то ли нервишки у сталкера шалят. Каждый раз думаю: вернусь и спрошу, у других бывает то же самое или нет, и каждый раз забываю.

Ну, ладно, ползем потихоньку над бывшими огородами, двигатель под ногами гудит ровно, спокойно – ему–то что, его не тронут. И тут мой Тендер не выдержал. Не успели мы еще до первой вешки дойти, как принялся он болтать. Ну, как обычно новички болтают в зоне: зубы у него стучат, сердце заходится, себя плохо помнит, и стыдно ему, и удержаться не может. По–моему, это у них вроде поноса, от человека не зависит, а льет себе и льет. И чего только они не болтают! То начнет пейзажем восхищаться, то примется высказывать свои соображения по поводу пришельцев, а то и вообще к делу не относящееся – вот как Тендер сейчас завел про свой новый костюм и уже остановиться не может. Сколько он заплатил за него, да какая шерсть тонкая, да как ему портной пуговицы менял...

– Замолчи, – говорю.

Он грустно так на меня посмотрел, губами пошлепал – и опять: сколько шелку на подкладку пошло. А огороды уже кончаются, под нами уже глинистый пустырь, где раньше городская свалка была, и чувствую я – ветерком здесь тянет. Только что никакого ветра не было, а тут вдруг потянуло, пылевые чертики побежали, и вроде бы я что–то слышу.

– Молчи, сволочь! – Говорю я Тендеру.

Нет, никак не может остановиться. Теперь про конский волос завел. Ну, тогда извни.

– Стой, – говорю Кириллу.

Он немедленно тормозит. Реакция хорошая, молодец. Беру я Тендера за плечо, поворачиваю его к себе и с размаху – ладонью ему по забралу. Треснулся он, бедняга, носом в стекло, глаза закрыл и замолчал. И как только он замолчал, я услышал: "Тр–р–р... Тр–р–р... Тр–р–р...". Кирилл на меня смотрит, зубы стиснуты, рот оскален. Я рукой ему показываю, – стой, мол, стой, ради бога, не шевелись. Но ведь он тоже этот треск слышит, и, как у всех новичков, у него сразу позыв – действовать, делать что–нибудь.

– Задний ход? – Шепчет.

Я ему отчаянно головой мотаю, кулаком перед самым шлемом трясу – нишкни, мол. Эх, мать честная ! С этими новичками не знаешь куда смотреть – то ли в поле смотреть, то ли на них. И тут я про все забыл. По–над кучей старого мусора, над битым стеклом и тряпьем разным поползло этакое дрожание, трепет какой–то, ну как горячий в воздух в полдень над железной крышей, перевалило через бугор и пошло, пошло, пошло нам наперерез, рядом с самой вешкой, над дорогой задержалось, постояло с полсекунды – или это мне показалось только? – И утянулось в поле, за кусты, за гнилые заборы, туда, к кладбищу старых машин.

Черт их побрал, очкариков! Надо же, сообразили, где дорогу провесить: по выемке! Ну, и я тоже хорош – куда это мои глаза дурацкие глядели, когда я ихней картой восхищался ?

– Давай малый вперед, – говорю я Кириллу.

– А что это было?

– А хрен его знает!.. Было – и нету, и слава богу. И заткнись, пожалуйста. Ты сейчас не человек, понял? Ты сейчас машина, рычаг мой...

Тут я спохватился, что меня, похоже, тоже словесный понос одолевать начинает.

– Все, – говорю. – Ни слова больше.

Хлебнуть бы сейчас! Барахло эти скафандры, вот что я вам скажу. Без скафандра я, ей–богу, столько прожил и еще столько же проживу, а без хорошего глотка в такой вот момент... Ну да ладно!

Ветерок вроде бы упал, и ничего дурного вокруг не слышно, только двигатель гудит спокойно так, сонно. А вокруг солнце, а вокруг жара... Над гаражом марево... Все вроде бы нормально, вешки одна за другой мимо проплывают. Тендер молчит, Кирилл молчит шлифуются новички. Ничего, ребята, в зоне тоже дышать можно, если умеючи... А вот и двадцать седьмая вешка – железный шест и красный круг на нем с номером 27. Кирилл на меня посмотрел, кивнул я ему, и наша "галоша" остановилась.

Цветочки кончились, пошли ягодки. Теперь самое главное для нас – полнейшее спокойствие. Торопиться некуда, ветра нет, видимость хорошая, все как на ладони. Вон канава проходит, где Слизняк гробанулся, – пестрое там что–то виднеется, может, тряпье его. Паршивый был парень, упокой господи его душу, жадный, глупый, грязный, только такие вот со Стервятником и связываются, таких Стервятник Барбридж за версту видит и под себя подгребает... А вообще–то зона не спрашивает, плохой ты или хороший, и спасибо тебе, выходит, Слизняк: дурак ты был, даже имени настоящего твоего никто не помнит, а умным людям показал, куда ступать нельзя... Так. Конечно, лучше всего добраться бы нам теперь до асфальта. Асфальт ровный, на нем все виднее, и трещина там эта знакомая. Только вот не нравятся мне эти бугорочки! Если по прямой к асфальту идти, проходить придется как раз между ними. Ишь стоят, будто ухмыляются, ожидают. Нет, промежду вами я не пойду. Вторая заповедь сталкера: либо справа, либо слева все должно быть чисто на сто шагов. А вот через левый бугорочек перевалить можно... Правда, не знаю я, что там за ним. На карте как будто ничего не было, но кто же картам верит ?..

– Слушай, Рэд, – шепчет мне Кирилл. – Давай прыгнем, а? На двадцать метров вверх и сразу вниз – вот мы и у гаража, а?

– Молчи, дурак, – говорю я. – Не мешай, молчи.

Вверх ему. А долбанет тебя там на двадцати метрах? Костей ведь не соберешь. Или "комариная плешь" где–нибудь здесь обьявится тут не то что костей, мокрого места не останется. Ох уж эти мне рисковые, не терпится ему, видишь ты: давай прыгнем... В общем, как до бугра идти – ясно, а там постоим посмотрим. Сунул я руку в карман, вытащил горсть гаек. Показал их Кириллу на ладони и говорю:

– Мальчика с пальчика помнишь? Проходили в школе? Так вот сейчас будет все наоборот. Смотри! – и бросил я первую гаечку. Недалеко бросил, как положено. Метров на десять. Гаечка прошла нормально. – Видел?

– Ну? – Говорит.

– Не "ну", А видел, я спрашиваю?

– Видел.

– Теперь самым малым веди "галошу" к этой гаечке и в двух метрах до нее не доходя остановись. Понял?

– Понял. Гравиконцентраты ищешь?

– Что надо, то и ищу. Подожди, я еще одну брошу. Следи, куда упадет, и глаз с нее больше не спускай.

Бросил я еще одну гайку. Само собой, тоже прошла нормально и легла рядом с первой.

– Давай, – говорю.

Тронул он "галошу". Лицо у него спокойное и ясное сделалось: видно, все понял. Они ведь все, очкарики, такие. Им главное название придумать. Пока не придумал – смотреть на него жалко, дурак дураком. Ну а как придумал какой–нибудь гравиконцентратор тут ему словно все понятно становится, и сразу ему жить легче.

Прошли мы первую гайку, прошли вторую, третью. Тендер вздыхает, с ноги на ногу переминается и то и дело зевает от нервности с этаким собачьим прискуливанием – томно ему, бедняге. Ничего, это ему на пользу. Пяток кило он сегодня скинет, это лучше всякой диеты... Бросил я четвертую гаечку. Как–то она не так прошла. Не могу обьяснить, в чем дело, но чувствую – не так, и сразу хвать Кирилла за руку.

– Стой, – говорю. – Ни с места...

А сам взял пятую и кинул повыше и подальше. Вот она, "плешь комариная"! Гаечка вверх полетела нормально, вниз – тоже вроде нормально было пошла, но на полпути ее словно кто–то вбок дернул, да так дернул, что она в глину ушла и с глаз исчезла.

– Видал? – говорю я шепотом.

– В кино только видел, – говорит, а сам весь вперед подался, того и гляди с "галоши" сверзится. – Брось еще одну, а?

Смех и грех. Одну! Да разве здесь одной обойдешься? Эх, наука!.. Ладно, разбросал я еще восемь гаек, пока "плешь" не обозначил. Честно говоря, и семи хватило бы, но одну я специально для него бросил, в самую середку, пусть полюбуется на свой концентрат. Ахнула она в глину, словно это не гаечка упала, а пятипудовая гиря. Ахнула – и только дырка в глине. Он даже крякнул от удовольствия.

– Ну ладно, – говорю. – Побаловались, и хватит. Сюда смотри. Кидаю проходную, глаз с нее не спускай.

Короче, обошли мы "комариную плешь" и поднялись на бугорочек. Бугорочек этот – как кот нагадил, я его до сегодняшнего дня вообще не примечал. Да... Ну зависли мы над бугорочком, до асфальта рукой подать, шагов двадцать. Место чистейшее – каждую травинку видно, каждую трещинку. Казалось бы, ну что? Кидай гайку, и с богом.

Не могу кинуть гайку.

Сам не понимаю, что со мной делается, но гайку кинуть никак не решусь.

– Ты что, – говорит Кирилл, – чего мы стоим ?

– Подожди, – говорю. – Замолчи, ради бога.

Сейчас, думаю, кину гаечку, спокойненько пройдем, как по маслу проплывем, травинка не шелохнется, – полминуты, а там и асфальт... И тут вдруг потом меня как прошибет! Даже глаза залило, и уже знаю я, что гаечку туда кидать не буду. Влево – пожалуйста, хоть две. И дорога туда длиннее, и камушки какие–то я там вижу не шибко приятные, но туда я гаечку кинуть берусь, а прямо – ни за что. И кинул я гаечку влево. Кирилл ничего не сказал, повернул "галошу", подвел к гайке и только тогда на меня посмотрел. И вид у меня, должно быть, был очень нехорош, потому что он тут же отвел глаза.

– Ничего, – я ему говорю. – Кривой дорогой ближе. – И кинул последнюю гаечку на асфальт.

Дальше дело пошло проще. Нашел я свою трещинку, чистая она оказалась, милая моя, никакой дрянью не заросла, цвет не переменила, смотрел я на нее и тихо радовался. И довела она нас до самых ворот гаража лучше всяких вешек.

Я приказал Кириллу снизиться до полутора метров, лег на брюхо и стал смотреть в раскрытые ворота. Сначала с солнца, ничего не было видно – черно и черно, потом глаза привыкли, и вижу я, что в гараже с тех пор ничего вроде бы не переменилось. Тот самосвал как стоял на яме, так и стоит, целехонький стоит, без дрыр, без пятен, и на цементном полу вокруг все как прежде – потому, наверное, что "ведьмина студня" в яме мало скопилось, не выплескивался он с тех пор ни разу. Одно мне только не понравилось: в самой глубине гаража, где канистры стоят, серебрится что–то. Раньше этого не было. Ну ладно, серебрится так серебрится, не возвращаться же теперь из–за этого! Ведь не как–нибудь особенно серебрится, а чуть–чуть, самую малость, и спокойно так, вроде бы даже ласково... Поднялся я, отряхнул брюхо и поглядел по сторонам. Вон грузовики на площадке стоят, действительно, как новенькие, – с тех пор, как я последний раз здесь был, они, по–моему, еще новее стали, а бензовоз – тот совсем, бедняга, проржавел, скоро разваливаться начнет. Вон и покрышка валяется, которая у них на карте...

Не понравилась мне эта покрышка. Тень от нее какая–то ненормальная. Солнце нам в спину, а тень к нам протянулась. Ну да ладно, до нее далеко. В общем, ничего, работать можно. Только что это там все–таки серебрится? Или это мерещится мне? Сейчас бы закурить, присесть тихонечко и поразмыслить – почему над канистрами серебрится, почему рядом не серебрится... Тень почему такая от покрышки... Стервятник Барбридж про тени что–то рассказывал, диковинное что–то, но безопасное... С тенями здесь бывает. А вот что это там все–таки серебрится? Ну прямо как паутина в лесу на деревьях. Какой же это паучок ее там сплел? Ох, ни разу я еще жучков–паучков в зоне не видел. И хуже всего, что "пустышка" моя как раз там, шагах в двух от канистр, валяется. Надо мне было тогда же ее и упереть, никаких бы забот сейчас не было. Но уж больно тяжелая, стерва, полная ведь – поднять–то я ее мог, но на горбу тащить, да еще ночью, да на карачках... А кто "пустышек" ни разу не таскал, пусть попробует: это все равно что пуд воды без ведер нести... Так идти, что ли? Надо идти. Хлебнуть бы сейчас... Повернулся я к Тендеру и говорю:

– Сейчас мы с Кириллом пойдем в гараж. Ты останешься здесь за водителя. К управлению без моего приказа не притрагивайся, что бы ни случилось, хоть земля под тобой загорится. Если струсишь – на том свете найду.

Он серьезно мне покивал – не струшу, мол. Нос у него – что твоя слива, здорово я ему врезал... Ну, спустил я тихонечко аварийные блок–тросы, посмотрел еще раз на это серебрение, махнул Кириллу и стал спускаться. Встал на асфальт, жду, пока он спустится по другому тросу.

– Не торопись, – говорю ему. – Не спеши. Меньше пыли.

Стоим мы на асфальте, "галоша" Рядом с нами покачивается, тросы под ногами ерзают. Тендер башку через перила выставил, на нас смотрит, и в глазах у него отчаяние. Надо идти. Я говорю Кириллу:

– Иди за мной шаг в шаг, в двух шагах позади, смотри мне в спину, не зевай.

И пошел. На пороге остановился, огляделся. Все–таки до чего же проще работать днем, чем ночью! Помню я, как лежал вот на этом самом пороге. Темно, как у негра в ухе, из ямы "ведьмин студень" языки высовывает, голубые, как спиртовое пламя, и ведь что обидно – ничего, сволочь, не освещает, даже темнее из–за этих языков кажется. А сейчас – что! Глаза к сумраку привыкли, все как на ладони, даже в самых темных углах пыль видна. И действительно, серебрится там, нити какие–то серебристые тянутся от канистр к потолку – очень на паутину похоже. Может, паутина и есть, но лучше от нее подальше. Вот тут–то я и напортачил. Мне бы Кирилла рядом с собой поставить, подождать, пока и у него глаза к полутьме привыкнут, и показать ему эту паутину, пальцем в нее ткнуть. А я привык один работать – у самого глаза пригляделись, а про Кирилла я и не подумал.

Шагнул это я внутрь, и прямо к канистрам. Присел над "пустышкой" на корточки, к ней паутина вроде бы не пристала. Взялся я за один конец и говорю Кириллу:

– Ну берись, да не урони – тяжелая...

Поднял я на него глаза, и горло у меня перехватило: ни слова не могу сказать. Хочу крикнуть: стой, мол, замри! – И не могу. Да и не успел бы, наверное, слишком уж быстро все получилось. Кирилл шагает через "пустышку", поворачивается задом к канистрам и всей спиной – в это серебрение. Я только глаза закрыл. Все во мне обмерло, ничего не слышу – слышу только, как эта паутина рвется. Со слабым таким сухим треском, словно обыкновенная паутина лопается, но, конечно, погромче. Сижу я с закрытыми глазами, ни рук, ни ног не чувствую, а Кирилл говорит:

– Ну, что? – Говорит. – Взяли?

– Взяли, – говорю.

Подняли мы "пустышку" и понесли к выходу, боком идем. Тяжеленная, стерва, даже вдвоем ее тащить нелегко. Вышли мы на солнышко, остановились у "галоши", Тендер к нам уже лапы протянул.

– Ну, – говорит Кирилл, – раз, два...

– Нет, – говорю, – погоди. Поставим сначала.

Поставили.

– Повернись, – говорю, – спиной.

Он без единого слова повернулся. Смотрю я – ничего у него на спине нет. Я и так и этак – нет ничего. Тогда я поворачиваюсь и смотрю на канистры. И там ничего нет.

– Слушай, – говорю я Кириллу, а сам все на канистры смотрю. Ты паутину видел?

– Какую паутину? Где?

– Ладно, – говорю. – Счастлив наш бог. – А сам про себя думаю: сие, впрочем, пока неизвестно. – Давай, – говорю, – берись.

Взвалили мы "пустышку" на "галошу" и поставили ее на попа, чтобы не каталась. Стоит она, голубушка, новенькая, чистенькая, на меди солнышко играет, и синяя начинка между медными дисками туманно так переливается, струйчато. И видно теперь, что не "пустышка" это, а именно вроде сосуда, вроде стеклянной банки с синим сиропом. Полюбовались мы на нее, вскарабкались на "галошу" сами и без лишних слов – в обратный путь.

Лафа этим ученым! Во–первых, днем работают. А во–вторых, ходить им тяжело только в зону, а из зоны "галоша" сама везет есть у нее такое устройство, курсограф, что ли, которое ведет "галошу" точно по тому же курсу, по какому она сюда шла. Плывем мы обратно, все маневры повторяем, останавливаемся, повисим немного – и дальше, и над всеми моими гайками проходим, хоть собирай их обратно в мешок.

Новички мои, конечно, сразу воспрянули духом. Головами вертят вовсю, страха у них почти не осталось – одно любопытство да радость, что все благополучно обошлось. Принялись болтать. Тендер руками замахал и грозится, что вот сейчас пообедает – и сразу обратно в зону, дорогу к гаражу провешивать, а Кирилл взял меня за рукав и принялся мне обьяснять про этот свой гравиконцентрат, про "комариную плешь" то есть. Ну, я их не сразу, правда, но укротил. Спокойненько так рассказал им, сколько дураков гробанулись на радостях на обратном пути. Молчите, говорю, и глядите как следует по сторонам, а то будет с вами как с Линдоном – Коротышкой. Подействовало. Даже не спросили, что случилось с Линдоном Коротышкой. Плывем в тишине, а я об одном думаю: как буду свинчивать крышечку. Так и этак представляю себе, как первый глоток сделаю, а перед глазами нет–нет да паутинка и блестнет.

Короче говоря, выбрались мы из зоны, загнали нас с "галошей" вместе в "вошебойку", или, говоря по–научному, в санитарный ангар. Мыли нас там в трех кипятках и трех щелочах, облучали какойто ерундой, обсыпали чем–то и снова мыли, потом высушили и сказали: "Валяйте, ребята, свободны!". Тендер с Кириллом поволокли "пустышку". Народу набежало смотреть – не протолкнешься, и ведь что характерно: все только смотрят и издают приветственные возгласы, а взяться и помочь усталым людям тащить – ни одного смельчака не нашлось... Ладно, меня это все не касается. Меня теперь ничто не касается...

Стянул я с себя спецкостюм, бросил его прямо на пол – холуи–сержанты подберут, – а сам двинул в душевую, потому что мокрый я был весь с головы до ног. Заперся я в кабинке, вытащил флягу, отвинтил крышечку и присосался к ней, как клоп. Сижу на лавочке, в коленках пусто, в голове пусто, в душе пусто, знай себе глотаю крепкое как воду. Живой. Отпустила зона. Отпустила, поганка. Подлая. Живой. Очкарикам этого не понять. Никому, кроме сталкера, этого не понять. И текут у меня по щекам слезы – то ли от крепкого, то ли сам не знаю отчего. Высосал флягу досуха – сам мокрый, фляга сухая. Одного последнего глотка, конечно, не хватило. Ну ладно, это поправимо. Теперь все поправимо. Живой. Закурил сигарету, сижу. Чувствую – отходить начал. Премиальные в голову пришли. Это у нас в институте поставлено здорово. Прямо хоть сейчас иди и получай конвертик. А может, и сюда принесут, прямо в душевую.

Стал я потихоньку раздеваться. Снял часы, смотрю – а в зоне–то мы пробыли пять часов с минутами, господа мои! Пять часов. Меня аж передернуло. Да, господа мои, в зоне времени нет. Пять часов... А если разобраться, что такое для сталкера пять часов? Плюнуть и растереть. А двенадцать часов не хочешь? А двое суток не хочешь? Когда за ночь не успел, целый день в зоне лежишь рылом в землю и уже не молишься даже, а вроде бы бредишь, и сам не знаешь, живой ты или мертвый... А во вторую ночь дело сделал, подобрался с хабаром к кордону, а там патрули–пулеметчики, жабы, они же тебя ненавидят, им же тебя арестовывать никакого удовольствия нет, они тебя боятся до смерти, что ты заразный, они тебя шлепнуть стремятся, и все козыри у них на руках – иди потом доказывай, что шлепнули тебя незаконно... И значит, снова рылом в землю – молиться до рассвета и опять до темноты, а хабар рядом лежит, и ты даже не знаешь, то ли он просто лежит, то ли он тебя тихонько убивает. Или как Мослатый Исхак – застрял на рассвете на открытом месте, застрял между двумя канавами – ни вправо, ни влево. Два часа по нему стреляли, попасть не могли. Два часа он мертвым притворялся. Слава богу, поверили, ушли наконец. Я его потом увидел – не узнал, сломали его, как не было человека...

Отер я слезы и включил воду. Долго мылся. Горячей мылся, холодной мылся, снова горячей. Мыла целый кусок извел. Потом надоело. Выключил душ и слышу – барабанят в дверь, и Кирилл весело орет:

– Эй, сталкер, вылезай! Зелененькими пахнет!

Зелененькие – это хорошо. Открыл я дверь, стоит Кирилл в одних трусах, веселый, без никакой меланхолии и конверт мне протягивает.

– Держи, – говорит, – от благодарного человечества.

– Кашлял я на твое человечество! Сколько здесь?

– В виде исключения и за геройское поведение в опасных обстоятельствах – два оклада!

Да. Так жить можно. Если бы мне здесь за каждую "пустышку" по два оклада платили, я бы Эрнеста давным–давно подальше послал.

– Ну как, доволен? – Спрашивает Кирилл, а сам сияет, рот до ушей.

– Ничего, – говорю. – А ты?

Он ничего не сказал. Обхватил меня за шею, прижал к потной своей груди, притиснул, оттолкнул и скрылся в соседней кабине.

– Эй! – Кричу я ему вслед. – А Тендер что? Подштанники небось стирает?

– Что ты! Тендера там корреспонденты окружили, ты бы на него посмотрел, какой он важный... Он им так компетентно излагает...

– Как, – говорю, – излагает?

– Компетентно.

– Ладно, – говорю, – сэр. В следующий раз захвачу словарь, сэр. – И тут меня словно током ударило. – Подожди, Кирилл, – говорю. – Ну–ка выйди сюда.

– Да я уже голый, – говорит.

– Выйди, я не баба!

Ну, он вышел. Взял я его за плечи, повернул спиной. Нет. Показалось. Чистая спина. Струйки пота засохли.

– Чего тебе моя спина далась? – Спрашивает он.

Отвесил я ему пинка по голому телу, нырнул к себе в душевую и заперся. Нервы, черт бы их подрал. Там мерещилось, здесь мерещится... К дьяволу все это! Напьюсь сегодня как лошадь. Ричарда бы ободрать, вот что! Надо же, стервец, как играет... Ни с какой картой его не возьмешь. Я уж и передергивать пробовал, и карты под столом крестил, и по–всякому...

– Кирилл! – Кричу. – В "Боржч" Сегодня придешь?

– Не в "Боржч", а в "Борщ", Сколько раз тебе говорить...

– Брось! Написано "Боржч". Ты к нам со своими порядками не суйся. Так придешь или нет? Ричарда бы ободрать...

– Ох, не знаю, Рэд. Ты ведь, простая твоя душа, и не понимаешь, какую мы штуку притащили...

– А ты–то понимаешь?

– Я, впрочем, тоже не понимаю. Это верно. Но теперь, во–первых, понятно, для чего эти "пустышки" служили, а во–вторых, если одна моя идейка пройдет... Напишу статью, и тебе ее персонально посвящу: Рэдрику Шухарту, почетному сталкеру, с благоговением и благодарностью посвящаю.

– Тут–то меня и упекут на два года, – говорю я.

– Зато в науку войдешь. Так эту штуку и будут называть – "Банка Шухарта". Звучит ?

Пока мы так трепались, я оделся. Сунул пустую флягу в карман, пересчитал зелененькие и пошел себе.

– Счастливо тебе оставаться, сложная твоя душа...

Он не ответил – вода сильно шумела. Смотрю – в коридоре господин Тендер собственной персоной, красный весь и надутый, что твой индюк. Вокруг него толпа – тут и сотрудники, и корреспонденты, и пара сержантов затесалась (только что с обеда, в зубах ковыряют), а он знай себе болбочет: "Та техника, которой мы располагаем, болбочет, дает почти стопроцентную гарантию успеха и безопасности..." Тут он меня увидал и сразу несколько усох – улыбается, ручкой делает. Ну, думаю, надо удирать. Рванул я, однако не успел. Слышу – топочут позади.

– Господин Шухарт! Господин Шухарт! Два слова о гараже!

– Комментариев не имею, – отвечаю я и перехожу на бег. Но черта с два от них оторвешься: один, с микрофоном, – справа, другой, с фотоаппаратом, – слева.

– Видели вы в гараже что–нибудь необычное? Буквально два слова!

– Нет у меня комментариев! – Говорю я, стараясь держаться к обьективу затылком. – Гараж как гараж...

– Благодарю вас. Какого вы мнения о турбоплатформах?

– Прекрасного, – говорю я, а сам нацеливаюсь точнехонько в сортир.

– Что вы думаете о целях посещения?

– Обратитесь к ученым, – говорю. И раз – за дверь.

Слышу – скребутся. Тогда я им через дверь говорю: – настоятельно рекомендую, – говорю, – расспросите господина Тендера, почему у него нос как свекла. Он по скромности замалчивает, а это было наше самое увлекательное приключение.

Как они двинут по коридору! Как лошади, ей–богу. Я выждал минуту – тихо. Высунулся – никого. И пошел себе, посвистывая. Спустился в проходную, предьявил дылде пропуск, смотрю – он мне честь отдает. Герою дня, значит.

– Вольно, сержант, – говорю. – Я вами доволен.

Он осклабился, как будто я ему бог весть как польстил.

– Ну, ты, рыжий, молодец, – говорит. – Горжусь, – говорит, таким знакомством.

– Что, – говорю, – будет тебе в твоей Швеции о чем девкам рассказывать?

– Спрашиваешь! – Говорит. – Они ж у меня будут таять, как свечки!

Нет, ничего он парень. Я, если честно, таких рослых и румяных не люблю. Девки от них без памяти, а чего, спрашивается? Не в росте ведь дело... Иду это я по улице и размышляю, в чем же тут дело. Солнышко светит, безлюдно вокруг. И захотелось мне вдруг прямо сейчас же Гуту увидеть. Просто так. Посмотреть на нее, за руку подержать. После зоны человеку только одно и остается – за руку девочку подержать. Особенно когда вспомнишь все эти разговоры про детей сталкеров – какие они получаются... Да уж какая сейчас Гута, мне сейчас для начала бутылку крепкого, не меньше.

Миновал я автомобильную стоянку, а там и кордон. Стоят две патрульные машины во всей своей красе, широкие, желтые, прожекторами и пулеметами, жабы, ощетинились, ну и, конечно, голубые каски – всю улицу загородили, не протолкнешься. Я иду, глаза опустил, лучше мне сейчас на них не смотреть, днем на них мне лучше не смотреть совсем: есть там два–три типчика, так я боюсь их узнать, скандал большой получится, если я их узнаю. Повезло им, ейбогу, что Кирилл меня в институт сманил, я их, гадов, искал тогда, пришил бы и не дрогнул...

Прохожу я через эту толпу плечом вперед, совсем прошел уже, и тут слышу: "Эй, сталкер !" Ну, это меня не касается, иду дальше, волоку из пачки сигаретку. Догоняет сзади кто–то, берет за рукав. Я эту руку с себя стряхнул и вполоборота вежливенько так спрашиваю:

– Какого дьявола цепляешься, мистер?

– Постой, сталкер, – говорит он. – Два вопроса.

Поднял я на него глаза – капитан Квотерблад. Старый знакомый. Совсем ссохся, желтый стал какой–то.

– А, – говорю, – здравия желаю, капитан. Как ваша печень?

– Ты, сталкер, мне зубы не заговаривай, – говорит он сердито, а сам так и сверлит меня глазами. – Ты мне лучше скажи, почему сразу не останавливаешься, когда тебя зовут?

И уже тут как тут две голубые каски у него за спиной – лапы на кобурах, глаз не видно, только челюсти под касками шевелятся. И где у них в Канаде таких набирают? На племя их нам прислали, что ли?.. Днем я патрулей вообще–то не боюсь, но вот обыскать, жабы, могут, а это мне в данный момент ни к чему.

– Да разве вы меня звали, капитан? – Говорю. – Вы же какого–то сталкера...

– А ты, значит, уже и не сталкер?

– Как по вашей милости отсидел – бросил, – говорю. – Завязал. Спасибо вам, капитан, глаза у меня тогда открылись. Если бы не вы...

– Что в предзоннике делал?

– Как что? Я там работаю. Два года уже.

И чтобы закончить этот неприятный разговор, вынимаю я свое удостоверение и предьявляю его капитану Квотербладу. Он взял мою книжечку, перелистал, каждую страничку, каждую печать просто–таки обнюхал, чуть ли не облизал. Возвращает мне книжечку, а сам доволен, глаза разгорелись, и даже зарумянился.

– Извини, – говорит, – Шухарт. Не ожидал. Значит, – говорит, не прошли для тебя мои советы даром. Что ж, это прекрасно. Хочешь – верь, хочешь – не верь, а я еще тогда предполагал, что из тебя толк должен получиться. Не допускал я, чтобы такой парень...

И пошел, и пошел. Ну, думаю, вылечил я еще одного меланхолика себе на голову, а сам, конечно, слушаю, глаза смущенно опускаю, поддакиваю, руками развожу и даже, помнится, ножкой застенчиво этак панель ковыряю. Эти громилы у капитана за спиной послушали–послушали, замутило их, видно, гляжу – потопали прочь, где веселее. А капитан знай мне о перспективах излагает: ученье, мол, свет, неученье – тьма кромешная, господь, мол, честный труд любит и ценит, – в общем, несет он эту разнузданную тягомотину, которой нас священник в тюрьме каждое воскресенье травил. А мне выпить хочется – никакого терпежу нет. Ничего, думаю, Рэд, это ты, браток, тоже выдержишь. Надо, Рэд, терпи! Не сможет он долго в таком же темпе, вот уже и задыхаться начал... Тут, на мое счастье, одна из патрульных машин принялась сигналить. Капитан Квотерблад оглянулся, крякнул с досадой и протягивает мне руку.

– Ну что ж, – говорит. – Рад был с тобой познакомиться, честный человек Шухарт. С удовольствием бы опрокинул с тобой стаканчик в честь такого знакомства. Крепкого, правда, мне нельзя, доктора не велят, но пивка бы я с тобой выпил. Да вот видишь служба! Ну, еще встретимся, – говорит.

Не приведи господь, думаю. Но ручку ему пожимаю и продолжаю краснеть и делать ножкой – все как ему хочется. Потом он ушел наконец, а я чуть ли не стрелой – в "Боржч".

В "Боржче" в это время пусто. Эрнест стоит за стойкой, бокалы протирает и смотрит их на свет. Удивительная, между прочим, вещь: как ни придешь – вечно эти бармены бокалы протирают, словно у них от этого зависит спасение души. Вот так и будет стоять хоть целый день – возьмет бокал, прищурится, посмотрит на свет, подышит на него и давай тереть: потрет–потрет, опять посмотрит, теперь уже через донышко, и опять тереть...

– Здорово, Эрни! – Говорю. – Хватит тебе его мучить, дыру протрешь !

Поглядел он на меня через бокал, пробурчал что–то, будто животом, и, не говоря лишнего слова, наливает мне на четыре пальца крепкого. Я взгромоздился на табурет, глотнул, зажмурился, головой помотал и опять глотнул. Холодильник пощелкивает, из музыкального автомата доносится какое–то тихое пиликанье. Эрнест сопит в очередной бокал – хорошо, спокойно... Я допил, поставил бокал на стойку, и Эрнест без задержки наливает мне еще на четыре пальца прозрачного.

– Ну что, полегче стало ? – Бурчит. – Оттаял, сталкер?

– Ты знай себе три, – говорю. – Знаешь, один тер–тер и злого духа вызвал. Жил потом в свое удовольствие.

– Это кто же такой? – Спрашивает Эрни с недоверием.

– Да был такой бармен здесь, – отвечаю. – Еще до тебя.

– Ну и что?

– Да ничего. Ты думаешь, почему посещение было? Тер он, тер... Ты думаешь, кто нас посетил, а?

– Трепло ты, – говорит Эрни с одобрением.

Вышел он на кухню и вернулся с тарелкой – жареных сосисок принес. Тарелку поставил передо мной, пододвинул кетчуп, а сам снова за бокалы. Эрнест свое дело знает. Глаз у него наметанный, сразу видит, что сталкер из зоны, что хабар будет, и знает Эрни, чего сталкеру после зоны надо. Свой человек Эрни! Благодетель.

Доевши сосиски, я закурил и стал прикидывать, сколько же Эрнест на нашем брате зарабатывает. Какие цены на хабар в Европе я не знаю, но краем уха слышал, что "пустышка", например, идет там чуть ли не за две с половиной тысячи, а Эрни дает нам всего четыреста. "Батарейки" там стоят не меньше ста, а мы получаем от силы по двадцать. Наверное, и все прочее в том же духе. Правда, переправить хабар в Европу тоже, конечно, денег стоит. Тому на лапу, этому на лапу, начальник станции наверняка у них на содержании... В общем, если подумать, не так уж много Эрнест и заколачивает – процентов пятнадцать–двадцать, не больше, а если попадется – десять лет каторги ему обеспечено...

Тут мои благочестивые размышления прерывает какой–то вежливый тип. Я даже не слыхал, как он вошел. Обьявляется он возле моего правого локтя и спрашивает:

– Разрешите?

– О чем речь! – Говорю. – Прошу.

Маленький такой, худенький, с востреньким носиком и при галстуке бабочкой. Фотокарточка его вроде мне знакома, где–то я его уже видел, но где – не помню. Залез он на табурет рядом и говорит Эрнесту:

– "Бурбон", пожалуйста! – И сразу же ко мне: – Простите, кажется, я вас знаю. Вы в международном институте работаете, так?

– Да, – говорю. – А вы?

Он ловко выхватывает из кармашка визитку и кладет передо мной. Читаю: "Алоиз Макно, полномочный агент бюро эмиграции". Ну, конечно, знаю я его. Пристает к людям, чтобы они из города уехали. Кому–то очень надо, чтобы мы все из города уехали. Нас, понимаешь, в Хармонте и так едва половина осталась от прежнего, так им нужно совсем место от нас очистить. Отодвинул я карточку ногтем и говорю ему:

– Нет, – говорю, – спасибо. Не интересуюсь. Мечтаю, знаете ли, умереть на родине.

– А почему? – живо спрашивает он. – Простите за нескромность, но что вас здесь удерживает?

Так ему прямо и скажи, что меня здесь держит.

– А как же! – говорю. – Сладкие воспоминания детства. Первый поцелуй в городском саду. Маменька, папенька. Как в первый раз пьян надрался в этом вот баре. Милый сердцу полицейский участок... – Тут я достаю из кармана свой засморканный носовой платок и прикладываю к глазам. – Нет, – говорю. – Ни за что!

Он посмеялся, лизнул свой "бурбон" и задумчиво так говорит:

– Никак я вас, хармонтцев, не могу понять. Жизнь в городе тяжелая. Власть принадлежит военным организациям. Снабжение неважное. Под боком – зона, живете как на вулкане. В любой момент может либо эпидемия какая–нибудь разразиться, либо что–нибудь похуже... Я понимаю – старики. Им трудно сняться с насиженного места. Но вот вы... Сколько вам лет? Года двадцать два – двадцать три, не больше... Вы поймите, наше бюро – организация благотворительная, никакой корысти мы не извлекаем. Просто хочется, чтобы люди ушли с этого дьявольского места и включились бы в настоящую жизнь. Ведь мы обеспечиваем подьемные, трудоустройство на новом месте... Молодым – таким, как вы, – обеспечиваем возможность учиться... Нет, не понимаю!

– А что, – говорю я, – никто не хочет уезжать?

– Да нет, не то чтобы никто... Некоторые соглашаются, особенно люди с семьями. Но вот молодежь, старики... Ну что вам в этом городе? Это же дыра, провинция...

И тут я ему выдал.

– Господин Алоиз Макно! – Говорю. – Все правильно. Городишко наш – дыра. Всегда дырой был и сейчас дыра. Только сейчас, – говорю, – это дыра в будущее. Через эту дыру мы такое в ваш паршивый мир накачаем, что все переменится. Жизнь будет другая, правильная, у каждого будет все, что надо. Вот вам и дыра. Через эту дыру знания идут. А когда знание будет, мы и богатыми всех сделаем, и к звездам полетим, и куда хочешь доберемся. Вот такая у нас здесь дыра...

На этом месте я оборвал, потому что заметил, что Эрнест смотрит на меня с огромным удивлением, и стало мне неловко. Я вообще не люблю чужие слова повторять, даже если эти слова мне, скажем, нравятся. Тем более что у меня это как–то коряво выходит. Когда Кирилл говорит, заслушаться можно, рот забываешь закрывать. А я вроде бы то же самое излагаю, но получается как–то не так. Может быть, потому, что Кирилл никогда Эрнесту под прилавок хабар не складывал. Ну ладно...

Тут мой Эрни спохватился и торопливо налил мне сразу пальцев на шесть: очухайся, мол, парень, что это с тобой сегодня ? А востроносый господин Макно снова лизнул свой "бурбон" и говорит:

– Да, конечно... Вечные аккумуляторы, "синяя панацея"... Но вы и в самом деле верите, что будет так, как вы сказали?

– Это не ваша забота, во что я там на самом деле верю, – говорю я. – Это я про город говорил. А про себя я так скажу: чего я у вас там, в Европе, не видел? Скуки вашей не видел? День вкалываешь, вечер телевизор смотришь, ночь пришла – к постылой бабе под одеяло, ублюдков плодить. Стачки ваши, демонстрации, политика раздолбанная... В гробу я вашу Европу видел, – говорю, – занюханную.

– Ну почему же обязательно Европа?..

– А, – говорю, – везде одно и то же, а в Антарктиде еще вдобавок холодно.

И ведь что удивительно: говорил я ему и всеми печенками верил в то, что говорил. И зона наша, гадина, стервозная, убийца, во сто раз милее мне в этот момент была, чем все ихние Европы и Африки. И ведь пьян еще не был, а просто представилось мне на мгновение, как я весь измочаленный с работы возвращаюсь в стаде таких же кретинов, как меня в ихнем метро давят со всех сторон и как все мне обрыдло, и ничего мне не хочется.

– А вы что скажете? – обращается востроносый к Эрнесту.

– У меня дело, – веско отвечает Эрни. – Я вам не сопляк какойнибудь! Я все свои деньги в это дело вложил. Ко мне иной раз сам комендант заходит, генерал, понял? Чего же я отсюда поеду?..

Господин Алоиз Макно принялся ему что–то втолковывать с цифрами, но я его уже не слушал. Хлебнул я как следует из бокала, выгреб из кармана кучу мелочи, слез с табуретки и первым делом запустил музыкальный автомат на полную катушку. Есть там одна такая песенка – "Не возвращайся, если не уверен". Очень она на меня хорошо действует после зоны... Ну, автомат, значит, гремит и завывает, а я забрал свой бокал и пошел в угол к "однорукому бандиту" старые счеты сводить. И полетело время, как птичка... Просаживаю это я последний никель, и тут вваливаются под гостеприимные своды Ричард Нунан с Гуталином. Гуталин уже на бровях вращает белками и ищет, кому бы дать в ухо, а Ричард Нунан нежно держит его под руку и отвлекает анекдотами. Хороша парочка ! Гуталин здоровенный, черный, как офицерский сапог, курчавый, ручищи до колен, а Дик – маленький, кругленький, розовенький весь, благостный, только что не светится.

– А! – кричит Дик, увидев меня. – Вот и Рэд здесь! Иди к нам, Рэд!

– Пр–равильно! – ревет Гуталин. – Во всем городе есть только два человека – Рэд и я! Все остальные – свиньи, дети сатаны. Рэд! Ты тоже служишь сатане, но ты все–таки человек...

Я подхожу к ним со своим бокалом, Гуталин сгребает меня за куртку, сажает за столик и говорит:

– Садись, рыжий! Садись, слуга сатаны! Люблю тебя. Поплачем о грехах человеческих. Горько восплачем!

– Восплачем, – говорю. – Глотнем слез греха.

– Ибо грядет день, – возвещает Гуталин. – Ибо взнуздан уже конь бледный, и уже вложил ногу в стремя всадник его. И тщетны молитвы продавшихся сатане. И спасутся только ополчившиеся на него. Вы, дети человеческие, сатаною прельщенные, сатанинскими игрушками играющие, сатанинских сокровищ взалкавшие, – вам говорю: "Слепые! Опомнитесь, сволочи, пока не поздно! Растопчите дьявольские бирюльки!" – Тут он вдруг замолчал, словно забыл, как будет дальше. – А выпить мне здесь дадут? – Спросил он уже другим голосом. – Или где это я?.. Знаешь, рыжий, опять меня с работы поперли. "Агитатор", – говорят. Я им обьясняю: "Опомнитесь, сами, слепые, в пропасть валитесь и других слепцов за собой тянете!" Смеются. Ну, я дал управляющему по харе и ушел. Посадят теперь. А за что?

Подошел Дик, поставил на стол бутылку.

– Сегодня я плачу! – крикнул я Эрнесту.

Дик на меня скосился.

– Все законно, – говорю. – Премию будем пропивать.

– В зону ходили? – Спрашивает Дик. – Что–нибудь вынесли?

– Полную "пустышку", – Говорю я. – На алтарь науки. И полные штаны вдобавок. Ты разливать будешь или нет?

– "Пустышку"!.. – горестно гудит Гуталин, – за какую–то "пустышку" жизнью своей рисковал! Жив остался, но в мир принес еще одно дьявольское изделие. А как ты можешь знать, рыжий, сколько горя и греха...

– Засохни, Гуталин, – говорю я ему строго. – Пей и веселись, что я живой вернулся. За удачу, ребята!

Хорошо пошло за удачу. Гуталин совсем раскис – сидит, плачет, течет у него из глаз как из водопроводного крана. Ничего, я его знаю. Это у него стадия такая – обливаться слезами и проповедовать, что зона, мол, есть дьявольский соблазн, выносить из нее ничего нельзя, а что уже вынесли – вернуть обратно и жить так, будто зоны вовсе нет. Дьяволово, мол, дьяволу.

Я его люблю, Гуталина. Я вообще чудаков люблю. У него когда деньги есть, он у кого попало хабар скупает, не торгуясь, за сколько спросят, а потом ночью прет этот хабар обратно, в зону, и там закапывает... Во ревет–то, господи! Ну ничего, он еще разойдется.

– А что это такое – полная "пустышка"? – спрашивает Дик. Просто "пустышку" я знаю, а вот что такое полная? Первый раз слышу.

Я ему обьяснил. Он головой покачал, губами почмокал.

– Да, – говорит. – Это интересно. Это, – говорит, – что–то новенькое. А с кем ты ходил? С русским?

– Да, – отвечаю. – С Кириллом и с Тендером. Знаешь, наш лаборант.

– Намучился с ними, наверное...

– Ничего подобного. Вполне прилично держались ребята. Особенно Кирилл. Прирожденный сталкер, – говорю. – Ему бы опыта побольше, торопливость с него эту ребячью сбить, я бы с ним каждый день в зону ходил.

– И каждую ночь? – Спрашивает он с пьяным смешком.

– Ты это брось, – говорю. – Шутки шутками...

– Знаю, – говорит он. – Шутки шутками, а за такое можно и схлопотать. Считай, что я тебе должен две плюхи...

– Кому две плюхи? – Встрепенулся Гуталин. – Который здесь?

Схватили мы его за руки, еле усадили. Дик ему сигарету в зубы вставил и зажигалку поднес. Успокоили. А народу тем временем все прибавляется. Стойку уже облепили, многие столики заняты. Эрнест своих девок кликнул, бегают они, разносят кому что – кому пива, кому коктейлей, кому чистого. Я смотрю, последнее время в городе много незнакомых появилось – все больше какие–то молокососы в пестрых шарфах до полу. Я сказал об этом Дику. Дик кивнул.

– А как же, – говорит. – Начинается большое строительство. Институт три новых здания закладывает, а кроме того, зону собираются стеной огородить – от кладбища до старого ранчо. Хорошие времена для сталкеров кончаются...

– А когда они у сталкеров были? – Говорю. А сам думаю: "Вот тебе и на, что еще за новости? Значит, теперь не подработаешь. Ну что ж, может, это и к лучшему – соблазна меньше. Буду ходить в зону днем, как порядочный, – деньги, конечно, не те, но зато куда безопаснее: "галоша", спецкостюм, то–се, и на патрулей наплевать... Прожить можно и на зарплату, а выпивать буду на премиальные". И такая меня тоска взяла! Опять каждый грош считать: это можно себе позволить, это нельзя себе позволить, Гуте на любую тряпку копи, в бар не ходи, ходи в кино... И серо все, серо. Каждый день серо, и каждый вечер, и каждую ночь.

Сижу я так, думаю, а Дик над ухом гудит:

– Вчера в гостинице зашел я в бар принять ночной колпачок сидят какие–то новые. Сразу они мне не понравились. Подсаживается один ко мне и заводит разговор издалека, дает понять, что он меня знает, знает, кто я, где работаю, и намекает, что готов хорошо оплачивать разнообразные услуги...

– Шпик, – говорю я. Не очень мне интересно было это, шпиков я здесь навидался и разговоров насчет услуг наслышался.

– Нет, милый мой, не шпик. Ты послушай. Я немножко с ним побеседовал, – осторожно, конечно, дурачка такого состроил. Его интересуют кое–какие предметы в зоне, и при этом предметы серьезные. Аккумуляторы, "зуда", "черные брызги" и прочая бижутерия ему не нужна. А на то, что ему нужно, он только намекал.

– Так что же ему нужно? – спрашиваю я.

– "Ведьмин студень", как я понял, – говорит Дик и странно както на меня смотрит.

– Ах, "ведьмин студень" ему нужен! – говорю я. – А "смерть–лампа" ему, случайно, не нужна?

– Я его тоже так спросил.

– Ну?

– Представь себе, нужна.

– Да? – говорю я. – Ну так пусть сам и добывает все это. Это же раз плюнуть! "Ведьмина студня" вон полные подвалы, бери ведро да зачерпывай. Похороны за свой счет.

Дик молчит, смотрит на меня исподлобья и даже не улыбается. Что за черт, нанять он меня хочет, что ли? И тут до меня дошло.

– Подожди, – говорю. – Кто же это такой был? "Студень" запрещено даже в институте изучать...

– Правильно, – говорит Дик неторопливо, а сам все на меня смотрит. – Исследования, представляющие потенциальную опасность для человечества. Понял теперь, кто это?

Ничего я не понимал.

– Пришельцы, что ли? – говорю.

Он расхохотался, похлопал меня по руке и говорит:

– Давай–ка лучше выпьем, простая ты душа!

– Давай, – говорю, но злюсь. Тоже мне – нашли себе простую душу, сукины дети! – Эй, – говорю, – Гуталин! Хватит спать, давай выпьем.

Нет, спит Гуталин. Положил свою черную ряшку на черный столик и спит, руки до полу свесил. Выпили мы с диком без Гуталина.

– Ну ладно, – говорю. – Простая я там душа или сложная, а про этого типа я бы тут же донес куда следует. Уж на что я не люблю полицию, а сам бы пошел и донес.

– Угу, – говорит Дик. – А тебя бы в полиции спросили: а почему, собственно, оный тип именно к вам обратился? А?

Я помотал головой:

– Все равно. Ты, толстый боров, в городе третий год, а в зоне ни разу не был, "ведьмин студень" только в кино видел, а посмотрел бы ты его в натуре, да что он с человеком делает – ты бы тут же и обгадился. Это, милок, страшная штука, ее из зоны выносить нельзя... Сам знаешь, сталкеры – люди грубые, им только капусту подавай, да побольше, но на такое даже покойный Слизняк не пошел бы. Стервятник Барбридж на такое не пойдет... Я даже представить себе боюсь, кому и для чего "ведьмин студень" может понадобиться...

– Что ж, – говорит Дик. – Все это правильно. Только мне, понимаешь, не хочется, чтобы в одно прекрасное утро нашли меня в постельке покончившего жизнь самоубийством. Я не сталкер, однако человек тоже грубый и деловой, и жить, понимаешь, люблю. Давно живу, привык уже...

Тут Эрнест вдруг заорал из–за стойки:

– Господин Нунан! Вас к телефону!

– Вот дьявол, – говорит Дик злобно. – Опять, наверное, рекламация. Везде найдут. Извини, – говорит, – Рэд.

Встает он и уходит к телефону. А я остаюсь с Гуталином и с бутылкой, и поскольку от Гуталина проку никакого нет, то принимаюсь я за бутылку вплотную. Черт бы побрал эту зону, нигде то нее спасения нет. Куда ни пойдешь, с кем ни заговоришь – зона, зона, зона... Хорошо, конечно, Кириллу рассуждать, что из зоны проистечет вечный мир и благорастворение воздухов. Кирилл – хороший парень, никто его дураком не назовет, наоборот – умница, но ведь он же о жизни ни черта не знает. Он же представить себе не может, сколько всякой сволочи крутится вокруг зоны. Вот теперь пожалуйста: "ведьмин студень" кому–то понадобился. Нет, Гуталин хоть и пропойца, хоть и психованый он на религиозной почве, но иногда подумаешь–подумаешь, да и скажешь: может, действительно оставить дьяволово дьяволу? Не тронь дерьмо...

Тут усаживается на место дика какой–то сопляк в пестром шарфе.

– Господин Шухарт? – Спрашивает.

– Ну? – Говорю.

– Меня зовут Креон, – говорит. – Я с Мальты.

– Ну, – говорю. – И как там у вас на Мальте ?

– У нас на Мальте неплохо, но я не об этом. Меня к вам направил Эрнест.

Так, думаю. Сволочь все–таки этот Эрнест. Ни жалости в нем нет, ничего. Вот сидит парнишка – смугленький, чистенький, красавчик, не брился поди еще ни разу и девку еще ни разу не целовал, а Эрнесту все равно, ему бы только побольше народу в зону загнать, один из трех с хабаром вернется – уже капуста...

– Ну и как поживает старина Эрнест? – Спрашиваю.

Он оглянулся на стойку и говорит:

– По–моему, он неплохо поживает. Я бы с ним поменялся.

– А я бы нет, – говорю. – Выпить хочешь ?

– Спасибо, я не пью.

– Ну закури, – говорю.

– Извините, но я и не курю тоже.

– Черт тебя подери ! – Говорю я ему. – Так зачем тебе тогда деньги ?

Он покраснел, перестал улыбаться и негромко так говорит:

– Наверное, – говорит, – это только меня касается, господин Шухарт, правда ведь ?

– Что правда, то правда, – говорю я и наливаю себе на четыре пальца. В голове, надо сказать, уже немного шумит и в теле этакая приятная расслабленность: совсем отпустила зона. – Сейчас я пьян, – говорю. – Гуляю, как видишь. Ходил в зону, вернулся живой и с деньгами. Это не часто бывает, чтобы живой, и уже совсем редко, чтобы с деньгами. Так что давай отложим серьезный разговор... Тут он вскакивает, говорит "извините", и я вижу, что вернулся Дик. Стоит рядом со своим стулом, и по лицу его я понимаю – что–то случилось.

– Ну, – спрашиваю, – опять твои баллоны вакуум не держат ?

– Да, – говорит он. – Опять...

Садится, наливает себе, подливает мне, и вижу я, что не в рекламации дело. На рекламации он, надо сказать, поплевывает – тот еще работничек!

– Давай, – говорит, – выпьем, Рэд. – И, не дожидаясь меня, опрокидывает залпом всю свою порцию и наливает новую. – Ты знаешь, – говорит он, – Кирилл Панов умер.

Сквозь хмель я его не сразу понял. Умер там кто–то и умер.

– Что ж, – говорю, – выпьем за упокой души...

Он глянул на меня круглыми глазами, и только тогда я почувствовал, словно все у меня внутри оборвалось. Помнится, я встал, уперся в столешницу и смотрю на него сверху вниз.

– Кирилл?!.. – а у самого перед глазами серебряная паутина, и снова я слышу, как она потрескивает, разрываясь. И через это жуткое потрескивание голос Дика доходит до меня как из другой комнаты:

– Разрыв сердца. В душевой его нашли, голого. Никто ничего не понимает. Про тебя спрашивали, я сказал, что ты в полном порядке...

– А чего тут не понимать? – говорю. – Зона...

– Ты сядь, – говорит мне Дик. – Сядь и выпей.

– Зона... – повторяю я и не могу остановиться. – Зона... Зона...

Ничего вокруг не вижу, кроме серебряной паутины. Весь бар запутался в паутине, люди двигаются, а паутина тихонько потрескивает, когда они ее задевают. А в центре мальтиец стоит, лицо у него удивленное, детское – ничего не понимает.

– Малыш, – говорю я ему ласково. – Сколько тебе денег надо? Тысячи хватит? На! Бери, бери! – сую я ему деньги и уже кричу: Иди к Эрнесту и скажи ему, что он сволочь и подонок, не бойся, скажи! Он же трус!.. Скажи и сейчас же иди на станцию, купи себе билет и прямиком на свою Мальту! Нигде не задерживайся!..

Не помню, что я там еще кричал. Помню, оказался я перед стойкой, Эрнест поставил передо мной бокал освежающего и спрашивает:

– Ты сегодня вроде при деньгах ?

– Да, – говорю, – при деньгах...

– Может, должок отдашь? Мне завтра налог платить.

И тут я вижу – в кулаке у меня пачка денег. Смотрю я на эту капусту зеленую и бормочу:

– Надо же, не взял, значит, Креон мальтийский... Гордый, значит... Ну, все остальное – судьба.

– Что это с тобой? – спрашивает друг Эрни. – Перебрал малость?

– Нет, – говорю. – Я, – говорю, – в полном порядке. Хоть сейчас в душ.

– Шел бы ты домой, – говорит друг Эрни. – Перебрал ты малость.

– Кирилл умер, – говорю я ему.

– Это который Кирилл? Шелудивый, что ли?

– Сам ты шелудивый, сволочь, – говорю я ему. – Из тысячи таких, как ты, одного Кирилла не сделать. Паскуда ты, – говорю. Торгаш вонючий. Смертью ведь торгуешь, морда. Купил нас всех за зелененькие... Хочешь, сейчас всю твою лавочку разнесу?

И только я замахнулся как следует, вдруг меня хватают и тащат куда–то. А я уже ничего не соображаю и соображать не хочу. Ору чего–то, отбиваюсь, ногами кого–то бью, потом опомнился – сижу в туалетной, весь мокрый, морда разбита. Смотрю на себя в зеркало и не узнаю, и тик мне какой–то щеку сводит, никогда этого раньше не было. А из зала – шум, трещит что–то, посуда бьется, девки визжат, и слышу – Гуталин ревет, что твои гризли:

"Покайтесь, паразиты! Где рыжий? Куда рыжего дели, чертово семя ?.."

Полицейская сирена завывает. Как она завыла, тут у меня в мозгу все словно хрустальное сделалось. Все помню, все знаю, все понимаю. И в душе уже больше ничего нет – одна ледяная злоба. "Так, – думаю, – я тебе сейчас устрою вечерочек! Я тебе покажу, что такое сталкер, торгаш вонючий!" Вытащил я из часового карманчика "зуду", новенькую, ни разу не пользованную, пару раз сжал ее между пальцами для разгона, дверь в зал приоткрыл и бросил ее тихонько в плевательницу. А сам окошко в сортире распахнул – и на улицу. Очень мне, конечно, хотелось посмотреть, как все это получится, но надо было убираться поскорее. Я эту "зуду" переношу плохо, у меня от нее кровь из носа идет.

Перебежал я через двор и слышу: заработала моя "зуда" на всю катушку. Сначала завыли и залаяли собаки по всему кварталу – они первыми "зуду" чуют. Потом завопил кто–то в кабаке, так что у меня даже уши заложило на расстоянии. Я так и представил себе, как там народишко заметался, – кто в меланхолию впал, кто в дикое буйство, кто от страха не знает, куда деваться... Страшная штука – "зуда". Теперь у Эрнеста не скоро полный кабак наберется. Он, конечно, догадается про меня, да только мне наплевать... Все. Нет больше сталкера Рэда. Хватит с меня этого. Хватит мне самому на смерть ходить и других дураков этому делу обучать. Ошибся ты, Кирилл, дружок мой милый. Прости, да только, выходит, не ты прав, а Гуталин прав. Нечего здесь людям делать. Нет в зоне добра.

Перелез я через забор и побрел потихоньку домой. Губы кусаю, плакать хочется, а не могу. Впереди пустота, ничего нет. Тоска, будни. "Кирилл, дружок мой единственный, как же это мы с тобой? Как же я теперь без тебя? Перспективы мне рисовал, про новый мир, про измененный мир... А теперь что? Заплачет по тебе кто–то в далекой России, а я вот и заплакать не могу. И ведь я во всем виноват, паразит, не кто–нибудь, а я! Как я, скотина, смел его в гараж вести, когда у него глаза к темноте не привыкли? Всю жизнь волком жил, всю жизнь об одном себе думал... И вот в кои–то веки вздумал облагодетельствовать, подарочек поднести. На кой черт я вообще ему про эту "пустышку" сказал ?" И как вспомнил я об этом – взяло меня за глотку, хоть и вправду волком вой. Я, наверное, и завыл – люди от меня что–то шарахаться стали, а потом вдруг словно бы полегчало: смотрю, Гута идет.

Идет она мне навстречу, моя красавица, девочка моя, идет, ножками своими ладными переступает, юбочка над коленками колышется, из всех подворотен на нее глазеют, а она идет как по струночке, ни на кого не глядит, и почему–то я сразу понял, что это она меня ищет.

– Здравствуй, – говорю, – Гута. Куда это ты, – говорю, – направилась?

Она окинула меня взглядом, в момент все увидела – и морду у меня разбитую, и куртку мокрую, и кулаки в ссадинах, но ничего про это не сказала, а говорит только:

– Здравствуй, Рэд. А я как раз тебя ищу.

– Знаю, – говорю. – Пойдем ко мне.

Она молчит, отвернулась и в сторону смотрит. Ах как у нее головка–то посажена, шейка какая – как у кобылки молоденькой, гордой, но покорной уже своему хозяину. Потом она говорит:

– Не знаю, Рэд. Может, ты со мной больше встречаться не захочешь.

У меня сердце сразу сжалось – что еще? Но я спокойно ей так говорю:

– Что–то я тебя не понимаю, Гута. Ты меня извини, я сегодня маленько того, может, поэтому плохо соображаю... Почему это я вдруг с тобой не захочу встречаться?

Беру я ее под руку, и идем мы не спеша к моему дому, и все, кто только что на нее глазел, теперь торопливо рыла прячут. Я на этой улице всю жизнь живу, Рэда Рыжего здесь все прекрасно знают. А кто не знает, тот у меня быстро узнает, и он это чувствует.

– Мать велит аборт делать, – говорит вдруг Гута. – А я не хочу.

Я еще несколько шагов прошел, прежде чем понял, а Гута продолжает:

– Не хочу я никаких абортов, я ребенка хочу от тебя. А ты как угодно. Можешь на все четыре стороны, я тебя не держу.

Слушаю я ее, как она понемножку накаляется, сама себя заводит, слушаю и потихоньку балдею. Ничего толком сообразить не могу. В голове какая–то глупость вертится: одним человеком меньше – одним человеком больше.

– Она мне толкует, – говорит Гута, – ребенок, мол, от сталкера, чего тебе уродов плодить? Проходимец он, говорит, ни семьи у вас не будет, ничего. Сегодня он на воле – завтра в тюрьме. А только мне все равно, я на все готова. Я и сама могу. Сама рожу, сама подниму, сама человеком сделаю. И без тебя обойдусь. Только ты ко мне больше не подходи – на порог не пущу...

– Гута, – говорю, – девочка моя! Да подожди ты... – А сам не могу, смех меня разбирает какой–то нервный, идиотский. – Ласточка моя, – говорю, – чего же ты меня гонишь, в самом деле?

Я хохочу как последний дурак, а она остановилась, уткнулась мне в грудь и ревет.

– Как же мы теперь будем, Рэд? – Говорит она сквозь слезы. Как же мы теперь будем?

2. Рэдрик Шухарт, 28 лет, женат, без определенных занятий.

Рэдрик Шухарт лежал за могильным камнем и, отведя рукой ветку рябины, глядел на дорогу. Прожектора патрульной машины метались по кладбищу и время от времени били его по глазам, и тогда он зажмуривался и задерживал дыхание.

Прошло уже два часа, а на дороге все оставалось по–прежнему. Машина, мерно клокоча двигателем, работающим вхолостую, стояла на месте и все шарила своими тремя прожекторами по запущенным могилам, по покосившимся ржавым крестам и по плитам, по неряшливо разросшимся кустам рябины, по гребню трехметровой стены, обрывавшейся слева. Патрульные боялись зоны. Они даже не выходили из машины. Здесь, возле кладбища они даже не решались стрелять. Иногда до Рэдрика доносились приглушенные голоса, иногда он видел, как из машины вылетал огонек сигаретного окурка и катился по шоссе, подпрыгивая и рассыпая слабые красноватые искры. Было очень сыро, недавно прошел дождь, и даже сквозь непромокаемый комбинезон Рэдрик ощущал влажный холод.

Он осторожно отпустил ветку, повернул голову и прислушался. Где–то справа, не очень далеко, но и не близко, здесь же на кладбище был кто–то еще. Там снова прошуршала листва и вроде бы посыспалась земля, а потом с негромким стуком упало тяжелое и твердое. Рэдрик осторожно, не поворачиваясь, пополз задом, прижимаясь к мокрой траве. Снова над головой скользнул прожекторный луч. Рэдрик замер, следя за его бесшумным движением, ему показалось, что между крестами сидит на могиле неподвижный человек в черном. Сидит, не скрываясь, прислонившись спиной к мраморному обелиску, повернув в сторону Рэдрика белое лицо с темными ямами глаз. На самом деле Рэдрик не видел и за долю секунды не мог увидеть всех этих подробностей, но он представлял себе, как это должно было выглядеть. Он отполз еще на несколько шагов, нащупал за пазухой флягу, вытащил ее и некоторое время полежал, прижимая к щеке теплый металл. Затем, не выпуская фляги из рук, пополз дальше. Он больше не прислушивался и не смотрел по сторонам.

В ограде был пролом, и у самого пролома на расстеленном просвинцованном плаще лежал Барбридж. Он по–прежнему лежал на спине, оттягивая обеими руками воротник свитера, и тихонько, мучительно кряхтел, то и дело срываясь на стоны. Рэдрик сел рядом с ним и отвинтил колпачок у фляги. Потом он осторожно запустил руку под голову Барбриджа, всей ладонью ощущая липкую от пота, горячую лысину, и приложил горлышко фляги к губам старика. Было темно, но в слабых отсветах прожекторов Рэдрик видел широко раскрытые и словно бы остекленевшие глаза Барбриджа, черную щетину, покрывавшую его щеки. Барбридж жадно глотнул несколько раз, а затем беспокойно задвигался, ощупывая рукой мешок с хабаром.

– Вернулся... – Проговорил старик. – Хороший парень... Рыжий... Не бросишь старика... Подыхать...

Рэдрик, запрокинув голову, сделал хороший глоток.

– Стоит, жаба, – сказал он. – Как приклеенная.

– Это... Неспроста... – Проговорил Барбридж. Говорил он отрывисто, на выдохе. – Донес кто–то. Ждут.

– Может быть, – сказал Рэдрик. – Дать еще глоток?

– Нет. Хватит пока. Ты меня не бросай. Не бросишь – не помру. Тогда не пожалеешь. Не бросишь, рыжий?

Рэдрик не ответил. Он смотрел в сторону шоссе на голубые сплохи прожекторов. Мраморный обелиск был виден отсюда, но непонятно было, сидит там этот или сгинул.

– Слушай, рыжий. Я не треплюсь. Не пожалеешь. Знаешь, почему старик Барбридж до сих пор жив? Знаешь? Боб Горилла сгинул, Фараон Банкер погиб, как не было. Какой был сталкер! А погиб. Слизняк тоже. Норман Очкарик. Каллоген. Пит Болячка. Все. Один я остался. Почему? Знаешь?

– Подлец ты всегда был, – сказал Рэдрик, не отрывая глаз от шоссе. – Стервятник.

– Подлец. Это верно. Без этого нельзя. Но ведь и все так. Фараон. Слизняк. А остался один я. Знаешь почему?

– Знаю, – сказал Рэдрик, чтобы отвязаться.

– Врешь. Не знаешь. Про золотой шар слыхал?

– Слыхал.

– Думаешь – сказка?

– Ты бы молчал лучше, – посоветовал Рэдрик. – Силы ведь теряешь!

– Ничего, ты меня вынесешь. Мы с тобой столько ходили! Неужели бросишь? Я тебя вот такого. Маленького знал. Отца твоего.

Рэдрик молчал. Очень хотелось курить, он вытащил сигарету, выкрошил табак на ладонь и стал нюхать. Не помогало.

– Ты меня должен вытащить, – проговорил Барбридж.

– Это из–за тебя я погорел. Это ты Мальтийца не взял. Мальтиец очень набивался пойти с ними. Целый день угощал, предлагал хороший залог, клялся, что достанет спецкостюм, и Барбридж, сидевший рядом с Мальтийцем, загородившись от него тяжелой морщинистой ладонью, яростно подмигивал Рэдрику: соглашайся, мол, не прогадаем. Может быть, именно поэтому Рэдрик сказал тогда "нет".

– Из–за жадности своей ты погорел, – холодно сказал Рэдрик. Я здесь ни при чем. Помолчи лучше.

Некоторое время Барбридж только кряхтел. Он снова запустил пальцы за воротник и совсем запрокинул голову.

– Пусть весь хабар будет твой, – прокряхтел он, – только не бросай.

Рэдрик посмотрел на часы. До рассвета оставалось совсем немного, а патрульная машина все не уходила. Прожектора ее продолжали шарить по кустам, и где–то там, совсем рядом с патрулем, стоял замаскированный "лендровер", и каждую минуту его могли обнаружить.

– Золотой шар, – сказал Барбридж. – Я его нашел. Вранья вокруг него потом наплели! Я и сам плел. Что любое, мол, желание выполняет. Как же – любое! Если бы любое, меня б здесь давно не было. Жил бы в Европе. В деньгах бы купался.

Рэдрик посмотрел на него сверху вниз. В бегучих голубых отсветах запрокинутое лицо Барбриджа казалось мертвым. Но стеклянные глаза его выкатились и пристально, не отрываясь, следили за Рэдриком.

– Вечную молодость – черта я получил, – бормотал он. – Денег черта. А вот здоровье – да. И дети у меня хорошие. И жив. Ты такого во сне не видел, где я был. И все равно – жив. – Он облизал губы. – Я его только об этом прошу. Жить, мол, дай. И здоровья. И чтобы дети.

– Да заткнись ты, – сказал наконец Рэдрик. – Что ты как баба? Если смогу – вытащу. Дину мне твою жалко – на панель ведь пойдет девка...

– Дина... – Прохрипел Барбридж. – Деточка моя. Красавица. Они ж у меня балованные, Рыжий. Отказа не знали. Пропадут. Артур. Арчи мой. Ты ж его знаешь, Рыжий. Где ты еще таких видел?

– Сказано тебе: смогу – вытащу.

– Нет, – упрямо сказал Барбридж. – Ты меня в любом случае вытащишь. Золотой шар. Хочешь – скажу где?

– Ну, скажи.

Барбридж застонал и пошевелился.

– Ноги мои... – Прокряхтел он. – Пощупай, как там.

Рэдрик протянул руку и, ощупывая, провел по его ноге ладонью от колена и ниже.

– Кости... – Хрипел Барбридж. – Кости еще есть ?

– Есть, есть, – соврал Рэдрик. – Не суетись.

На самом деле прощупывалась только коленная чашечка. Ниже, до самой ступни, нога была как резиновая палка, ее можно было узлом завязать.

– Врешь ведь, – сказал Барбридж с тоской. – Ну, ладно. Ты только меня вытащи. Я тебе все. Золотой шар. Карту нарисую. Все ловушки укажу. Все расскажу...

Он говорил и обещал еще что–то, но Рэдрик уже не слушал его. Он смотрел в сторону шоссе. Прожектора больше не метались по кустам, они замерли, скрестившись на том самом мраморном обелиске, и в ярком голубом тумане Рэдрик отчетливо увидел согнутую фигуру, бредущую среди кустов. Фигура эта двигалась, как бы вслепую, прямо на прожектора. Рэдрик увидел, как она налетела на огромный крест, отшатнулась, снова ударилась о крест и только тогда обогнула его и двинулась дальше, вытянув вперед длинные руки с растопыренными пальцами. Потом она вдруг исчезла, словно провалилась под землю, и через несколько секунд появилась опять, правее и дальше, шагая с каким–то нелепым, нечеловеческим упорством, как заведенный механизм.

И вдруг прожектора погасли. Заскрежетало сцепление, дико взревел двигатель, сквозь кусты мелькнули красные и синие сигнальные огни, и патрульная машина, сорвавшись с места, бешено набирая скорость, понеслась к городу и исчезла за стеной. Рэдрик судорожно глотнул и распустил "молнию" на комбинезоне.

– Никак уехали... – лихорадочно бормотал Барбридж. – Рыжий, давай... Давай по–быстрому! Он заерзал, зашарил вокруг себя руками, схватил мешок с хабаром и попытался подняться. – Ну давай, чего сидишь!

Рэдрик все смотрел в сторону шоссе. Теперь там было темно и ничего не было видно, но где–то там был этот – вышагивал словно заводная кукла, оступаясь, падая, налетая на кресты, путаясь в кустарнике.

– Ладно, – сказал Рэдрик вслух. – Пойдем.

Он поднял Барбриджа. Старик как клещами обхватил его левой рукой за шею, и Рэдрик, не в силах выпрямиться, на четвереньках поволок его через дыру в ограде, хватаясь руками за мокрую траву.

– Давай, давай... – Хрипел Барбридж. – Не беспокойся, хабар я держу, не выпущу... Давай!

Тропа была знакомая, но мокрая трава скользила, ветки рябины хлестали по лицу, грузный старик был неимоверно тяжел, словно мертвец, да еще мешок с хабаром, позвякивая и постукивая, все время цеплялся за что–то, и еще страшно было наткнуться на этого, который, может быть, все еще блуждал здесь в потемках.

Когда они выбрались на шоссе, было еще совсем темно, но чувствовалось, что рассвет близок. В лесочке по ту сторону шоссе сонно и неуверенно заговорили птицы, а над черными домами далекой окраины, над редкими желтыми фонарями ночной мрак уже засинел, и потянуло оттуда знобким влажным ветерком. Рэдрик положил барбриджа на обочину, огляделся и, как большой черный паук, перебежал через дорогу. Он быстро нашел "лендровер", сбросил с капота и кузова маскирующие ветки, сел за руль и осторожно, не зажигая фар, выехал на асфальт. Барбридж сидел, одной рукой держась за мешок с хабаром, а другой ощупывая ноги.

– Быстро! – прохрипел он. – Быстро давай! Колени, целы еще у меня колени... Колени бы спасти!

Рэдрик поднял его и, скрипя зубами от напряжения, перевалил через борт. Барбридж со стуком рухнул на заднее сиденье и застонал. Мешок он так и не выпустил. Рэдрик подобрал с земли и бросил на него сверху просвинцованный плащ. Барбридж ухитрился притащить с собой и плащ.

Рэдрик достал фонарик и прошелся взад–вперед по обочине, высматривая следы. Следов, в общем, не было. Выкатываясь на шоссе, "лендровер" примял высокую густую траву, но трава эта должна была подняться через несколько часов. Вокруг места, где стоял патрульный автомобиль, валялось огромное количество окурков. Рэдрик вспомнил, что давно хочет курить, вытащил сигарету и закурил, хотя больше всего ему сейчас хотелось вскочить в машину и гнать, гнать, гнать поскорее отсюда. Но гнать было пока нельзя. Все надо было делать медленно и расчетливо.

– Что же ты? – Плачущим голосом сказал из машины Барбридж. Воду не вылил, снасти все сухие... Чего стоишь? Прячь хабар!

– Заткнись! – сказал Рэдрик. – Не мешай! Он затянулся. – На южную окраину свернем, – сказал он.

– Как на окраину? Да ты что? Колени же мне загубишь, паскудник! Колени!

Рэдрик затянулся последний раз и сунул окурок в спичечный коробок.

– Не пыли, стервятник, – сказал он. – Прямо через город нельзя. Три заставы, хоть на одной да остановят.

– Ну и что?

– Посмотрят твои копыта – и конец.

– А чего копыта? Рыбу глушили, ноги мне перешибло, вот и весь разговор!

– А если кто–нибудь пощупает?

– Пощупает... Я так заору, что вперед забудет, как щупать.

Но Рэдрик все уже решил. Он поднял водительское сиденье, подсвечивая себе фонариком, открыл потайную крышку и сказал.

– Давай сюда хабар.

Бензобак под сиденьем был фальшивым. Рэдрик принял мешок и затолкал его внутрь, слыша как в мешке звякает и перекатывается.

– Мне рисковать нельзя, – пробормотал он. – Не имею права.

Он поставил на место крышку, присыпал мусором, навалил поверху тряпок и опустил сиденье. Барбридж кряхтел, постанывал, жалобно требовал поторопиться, опять принялся обещать золотой шар, а сам все вертелся на своем сиденье, встревоженно вглядываясь в редеющую тьму. Рэдрик не обращал на него внимания. Он вспорол налитый водой пластикатовый пузырь с рыбой, воду вылил на рыболовные снасти, уложенные на дне кузова, а бьющуюся рыбу пересыпал в брезентовый мешок. Пластикатовый пузырь он сложил и сунул в карман комбинезона. Теперь все было в порядке: рыбаки возвращались с не слишком удачного лова. Он сел за руль и тронул машину.

До самого поворота он ехал, не включая фар. Слева тянулась могучая трехметровая стена, ограждающая зону, а справа были кусты, реденькие рощицы, иногда попадались заброшенные коттеджи с заколоченными окнами и облупившимися стенами. Рэдрик хорошо видел в темноте, да и темнота не была уже такой плотной и, кроме того, он знал, что сейчас будет, поэтому, когда впереди показалась мерно шагающая, согнутая фигура, он даже не сбавил хода. Он только пригнулся пониже к рулю. Этот вышагивал прямо посередине шоссе как и все они, он шел в город. Рэдрик обогнал его, прижав машину к обочине, и, обогнав, сильнее нажал на акселератор.

– Матерь божия! – Пробормотал сзади Барбридж. – Рыжий, ты видел?

– Да, – сказал Рэдрик.

– Господи!.. Этого нам еще не хватало!.. – Бормотал Барбридж и вдруг принялся громко читать молитву.

– Заткнись! – прикрикнул на него Рэдрик.

Поворот должен быть где–то здесь. Рэдрик замедлил ход, всматриваясь в линию покосившихся домиков и заборов, протянувшихся справа. Старая трансформаторная будка... Столб с подпоркой... Подгнивший мостик через кювет... Рэдрик повернул руль. Машину подбросило на колдобине.

– Ты куда?! – дико заорал Барбридж. – Ноги мне загубишь, сволочь!

Рэдрик на секунду повернулся и наотмашь ударил старика по лицу, ощутив тыльной стороной ладони колючую щеку. Барбридж поперхнулся и замолк. Машину подбрасывало, колеса то и дело пробуксовывали в свежей после ночного дождя грязи. Рэдрик включил фары. Белый прыгающий свет озарил заросшие травой старые колеи, огромные лужи, гнилые, покосившиеся заборы по сторонам. Барбридж плакал, всхлипывая и сморкаясь. Он больше ничего не обещал, он жаловался и грозился, но очень негромко и неразборчиво, так, что Рэдрику были слышны только отдельные слова. Что–то о ногах, о коленях, о красавчике Арчи... Потом он затих...

Поселок тянулся вдоль западной окраины города. Когда–то здесь были дачи, огороды, фруктовые сады, летние резиденции городского начальства и заводской администрации. Зеленые веселые места, маленькие озера с чистыми песчаными берегами, прозрачные березовые рощи, пруды, в которых разводили карпов. Заводская вонь и заводские едкие дымы сюда никогда не доходили, так же как и городская канализация. Теперь все здесь было покинуто и заброшено, и за все время им попался всего один жилой дом – желто светилось задернутое занавеской окошко, висело на веревках промокшее от дождя белье, и огромный пес, заходясь от ярости, вылетел сбоку и некоторое время гнался за машиной в вихре комьев грязи, летевшей из–под колес.

Рэдрик осторожно переехал еще через один старый перекосившийся мостик, и когда впереди завиднелся поворот на западное шоссе, остановил машину и заглушил двигатель. Потом он вылез на дорогу, не обернувшись на Барбриджа, и пошел вперед, зябко засунув руки в сырые карманы комбинезона. Было уже совсем светло. Все вокруг было мокрое, тихое, сонное. Он дошел до шоссе и осторожно выглянул из–за кустов. Полицейская застава хорошо была видна отсюда: маленький домик на колесах, три светящихся окошка; патрульная машина стояла у обочины, в ней никого не было. Некоторое время Рэдрик стоял и смотрел. На заставе не было никакого движения: видимо патрульные озябли и измотались за ночь и теперь грелись в домике – дремали с сигареткой, прилипшей к нижней губе.

– Жабы, – негромко сказал Рэдрик. Он нащупал в кармане кастет, просунул пальцы в овальные отверстия, зажал в кулаке холодный металл и, все так же зябко сутулясь, не вынимая рук из карманов, пошел обратно.

"Лендровер", слегка накренившись, стоял между кустами. Место было глухое, заброшенное – никто сюда, наверное, не заглядывал уже лет десять. Когда Рэдрик подошел к машине, Барбридж приподнялся и посмотрел на него, приоткрыв рот. Сейчас он выглядел даже старше, чем обычно, – морщинистый, лысый, обросший нечистой щетиной, гнилозубый. Некоторое время они молча смотрели друг на друга, и вдруг Барбридж сказал невнятно:

– Карту дам... Все ловушки, все... Сам найдешь, не пожалеешь...

Рэдрик слушал его, не двигаясь, потом разжал пальцы, выпуская в кармане кастет, и сказал:

– Ладно. Твое дело – лежать в обмороке, понял? Стони и не давай прикасаться.

Он сел за руль, включил двигатель и тронул машину.

И все обошлось. Никто не вышел из домика, когда "лендровер" В аккуратном соответствии со знаками и указателями медленно прокатился мимо, а затем, все наращивая и наращивая скорость, помчался в город через южную окраину. Было шесть часов утра, улицы были пусты, асфальт мокрый и черный, автоматические светофоры одиноко и ненужно перемигивались на перекрестках. Они миновали пекарню с высокими, ярко освещенными окнами, и Рэдрика обдало волной теплого необыкновенно вкусного запаха.

– Жрать охота, – сказал Рэдрик и, разминая затекшие от напряжения мы7ы, потянулся, упираясь руками в руль.

– Что? – испуганно спросил Барбридж.

– Жрать, говорю, охота... Тебя куда? Домой или прямо к мяснику?

– К мяснику, к мяснику гони! – торопливо забормотал Барбридж, весь подавшись вперед, лихорадочно и горячо дыша Рэдрику в затылок. – Прямо к нему! Прямо давай! Он мне еще семьсот монет должен. Да гони ты, гони, что ты ползешь как вошь по мокрому месту! – И вдруг принялся ругаться бессильно и злобно, черными, грязными словами, брызгая слюной, задыхаясь и заходясь в приступах кашля.

Рэдрик не отвечал ему. Не было ни времени, ни сил утихомирить расходившегося Стервятника. Надо было скорее кончать со всем этим и хоть часок, хоть полчаса поспать перед свиданием в

"Метрополе". Он вывернул на Шестнадцатую улицу, проехал два квартала и остановил машину перед серым двухэтажным особняком. Мясник открыл ему сам – видимо, только что встал и собирался в ванную. Он был в роскошном халате с золотыми кистями, в руке – стакан со вставной челюстью. Волосы были взлохмачены, под мутными глазами набрякли темные мешочки.

– А! – Сказал он, – Рыший? Што скашешь?

– Надевай зубы и пойдем, – сказал Рэдрик.

– Угу, – отозвался мясник, приглашающе мотнул головой в глубину холла, а сам, шаркая персидскими туфлями и двигаясь с удивительной быстротой, направился в ванную.

– Кто? – спросил он оттуда.

– Барбридж, – ответил Рэдрик.

– Что?

– Ноги.

В ванной полилась вода, раздалось фырканье, плеск, что–то упало и покатилось по кафельному полу. Рэдрик устало присел в кресло, вынул сигарету и закурил озираясь. Да, холл был ничего себе. Мясник денег не жалел. Он был очень опытным и очень модным хирургом, светилом медицины не только города, но и штата, и со сталкерами он связался, конечно, не из–за денег. Он тоже брал свою долю с зоны: брал натурой, разным хабаром, который применял в своей медицине; брал знаниями, изучая на покалеченных сталкерах неизвестные ранее болезни, уродства и повреждения человеческого организма; брал славой, славой первого на планете врача – специалиста по нечеловеческим заболеваниям человека. Деньгами он впрочем тоже брал с охотой.

– Что именно с ногами? – спросил, он появляясь из ванной с огромным полотенцем на плече. Краем полотенца он осторожно вытирал длинные нервные пальцы.

– Вляпался в "студень", – сказал Рэдрик.

Мясник свистнул.

– Значит, конец Барбриджу, – пробормотал он. – Жалко, знаменитый был сталкер.

– Ничего, – сказал Рэдрик, откидываясь в кресле. – Ты ему протезы сделаешь. Он еще на протезах по зоне попрыгает.

– Ну хорошо, – сказал мясник. Лицо у него сделалось совсем деловое.

– Подожди, я сейчас оденусь.

Пока он одевался, пока звонил куда–то, вероятно в свою клинику, чтобы все приготовили для операции, Рэдрик неподвижно полулежал в кресле и курил. Только один раз он пошевелился, чтобы вытащить флягу. Он пил маленькими глотками, потому что во фляге оставалось на донышке, и старался ни о чем не думать. Он просто ждал.

Потом они вместе вышли к машине, Рэдрик сел за руль, мясник сел рядом и сразу же, перегнувшись через сиденье, стал ощупывать ноги Барбриджа. Барбридж, притихший, сьежившийся, бормотал что–то жалостное, клялся озолотить, поминал снова и снова детей и покойную жену и умолял спасти ему хоть колени. Когда они подьехали к клинике, мясник выругался, не обнаружив санитаров у подьезда, еще на ходу выскочил из машины и скрылся за дверью. Рэдрик снова закурил, а Барбридж вдруг сказал ясно и раздельно, словно совсем успокоившись:

– Ты меня убить хотел. Я тебе это запомню.

– Не убил ведь, – равнодушно сказал Рэдрик.

– Да, не убил... – Барбридж помолчал. – Это я тоже запомню.

– Запомни, запомни, – сказал Рэдрик. – Ты бы, конечно, меня убивать не стал... – Он обернулся и посмотрел на Барбриджа. Старик неуверенно кривил рот, подергивая пересохшими губами. – Ты бы меня просто бросил, – сказал Рэдрик. – Оставил бы меня в зоне, и концы в воду. Как Очкарика.

– Очкарик сам помер, – угрюмо возразил Барбридж. – Я тут ни при чем. Приковало его.

– Сволочь ты, – равнодушно сказал Рэдрик, отворачиваясь. Стервятник.

Из подьезда выскочили сонные встрепанные санитары и, на ходу разворачивая носилки, подбежали к машине. Рэдрик, время от времени затягиваясь, смотрел, как они ловко выволокли Барбриджа из кузова, уложили на носилки и понесли к подьезду. Барбридж лежал неподвижно, сложив руки на груди, и отрешенно глядя в небо. Огромные ступни его, жестоко обьеденные "студнем", были странно и неестественно вывернуты.

Он был последним из старых сталкеров, из тех кто начал охоту за внеземными сокровищами сразу же после посещения, когда зона еще не называлась зоной, когда не было ни институтов, ни стены, ни полицейских сил ООН, когда город был парализован ужасом, а мир хихикал над новой выдумкой газетчиков. Рэдрику было тогда десять лет, а Барбридж был еще крепким и ловким мужчиной – он обожал выпить за чужой счет, подраться, притиснуть в углу зазевавшуюся девчонку. Собственные дети тогда его совершенно не интересовали, а мелкой сволочью он уже был, потому что напившись, с каким–то гнусным наслаждением избивал свою жену, шумно, всем напоказ... Так и забил до смерти.

Рэдрик развернул "лендровер" и, не обращая внимания на светофоры, погнал его, рявкая сигналом на редких прохожих, срезая углы, прямо к себе домой.

Он остановился перед гаражом, а когда вылез из машины, увидел управляющего, который шел к нему со стороны скверика. Как всегда, управляющий был не в духе, помятое его личико с запухшими глазами выражало крайнюю брезгливость, словно не по земле он шел, а по навозной жиже.

– Доброе утро, – сказал ему Рэдрик вежливо.

Управляющий остановился в двух шагах, ткнул большим пальцем себе через плечо.

– Это Ваша работа? – невнятно спросил он.

Видно было, что это первые его слова со вчерашнего дня.

– Вы о чем?

– Качели эти... Вы поставили?

– Я.

– Для чего?

Рэдрик, не отвечая, подошел к воротам гаража и принялся отпирать замок. Управляющий последовал за ним и остановился у него за спиной.

– Я спрашиваю, для чего вы эти качели поставили? Кто вас просил?

– Дочка попросила, – сказал Рэдрик очень спокойно. Он откатил ворота.

– Я вас не про дочку спрашиваю! – управляющий повысил голос. О дочке разговор особый. Я вас спрашиваю, кто вам разрешил? Кто вам, собственно говоря, позволил в сквере распоряжаться?

Рэдрик повернулся к нему и некоторое время неподвижно стоял, пристально глядя в белую, с прожилочками переносицу: управляющий отступил на шаг и произнес тоном пониже:

– И балкон Вы не перекрашиваете. Сколько раз я Вам...

– Напрасно стараетесь, – сказал Рэдрик. – Все равно я отсюда не съеду.

Он вернулся в машину и включил двигатель. Положив руки на рулевое колесо, он мельком заметил как побелели костяшки пальцев. И тогда он высунулся из машины и, уже больше не сдерживаясь, сказал:

– Но уж если придется все–таки съехать, гадюка, тогда молись.

Он загнал машину в гараж, включил лампу и закрыл ворота. Потом он извлек из фальшивого бензобака мешок с хабаром, привел машину в порядок, всунул мешок в старую плетеную корзину, сверху положил снасти, еще влажные, с прилипшими травинками и листьями, а поверх всего высыпал уснувшую рыбу, которую Барбридж вчера вечером купил в какой–то лавочке на окраине. Потом он еще раз осмотрел машину со всех сторон, просто по привычке. К заднему правому протектору прилипла расплющенная сигарета. Рэдрик отодрал ее – сигарета оказалась шведская.

Рэдрик подумал и сунул ее в спичечный коробок. В коробке уже было три окурка.

На лестнице он не встретил никого. Он остановился перед своей дверью, и дверь распахнулась, прежде чем он успел достать ключ. Он вошел боком, держа тяжеленную корзину под мышкой, и окунулся в знакомое тепло и знакомые запахи своего дома, а Гута, обхватив его за шею, замерла, прижавшись лицом к его груди. Даже сквозь комбинезон и теплую рубаху он ощущал, как бешено стучит ее сердце. Он не мешал ей – терпеливо стоял и ждал, пока она отойдет, хотя именно в эту минуту почувствовал, до какой степени вымотался и обессилел.

– Ну ладно... – Проговорил она наконец низким хрипловатым голосом, отпустила его и включила в прихожей свет, а сама, не оборачиваясь, пошла на кухню. – Сейчас я тебе кофе... – сказала она оттуда.

– Я тут рыбу приволок, – сказал он нарочито бодрым голосом. Зажарь, да всю сразу жарь, жрать охота – сил нет!

Она вернулась, пряча лицо в распущенных волосах; он поставил корзину на пол, помог ей вынуть сетку с рыбой, и они вместе отнесли сетку на кухню и вывалили рыбу в мойку.

– Иди мойся, – скзала она. – Пока помоешься, все будет готово.

– Как мартышка? – спросил Рэдрик, усаживаясь и стягивая с ног сапоги.

– Да болтала весь вечер, – отозвалась Гута. – Еле–еле я ее уложила. Пристает все время: где папа, где папа? Вынь да положь ей папу...

Она ловко и бесшумно двигалась по кухне – крепкая, ладная, и уже закипала вода в котелке на плите, и летела чешуя из–под ножа, и скворчало масло на самой большой сковороде, и восхитительно запахло свежим кофе.

Рэдрик поднялся, ступая босыми ногами, вернулся в прихожую, взял корзину и отнес ее в чулан. Потом он заглянул в спальню. Мартышка безмятежно дрыхла, сбитое одеяльце свесилось на пол, рубашонка задралась, и вся она была как на ладони – маленький сопящий зверек. Рэдрик не удержался и погладил ее по спине, покрытой теплой золотистой шерсткой, и в тысячный раз поразился, какая эта шерстка шелковистая и длинная. Ему очень захотелось взять мартышку на руки, но он побоялся ее разбудить, да и грязен он был как черт, весь пропитан зоной и смертью. Он вернулся на кухню, снова сел за стол и сказал:

– Налей чашечку кофе. Мыться потом пойду.

На столе лежала пачка вечерней корреспонденции: "Хармонтская газета", Журнал "Атлет", Журнал "Плейбой" – Целая куча журналов подвалила – и толстенькие, в серой обложке "Доклады международного института внеземных культур", выпуск 56. Рэдрик принял от Гуты кружку дымящегося кофе и потянул к себе "Доклады". Кривульки, значки какие–то, чертежи... На фотографиях – знакомые предметы в странных ракурсах. Еще одна посмертная статья Кирилла вышла: "Об одном неожиданном свойстве магнитных ловушек типа 77–б". Фамилия "Панов" Обведена черной рамкой, внизу мелким шрифтом примечание: "Доктор Кирилл А. Панов, СССР, трагически погиб в процессе проведения эксперимента в апреле 19... года". Рэдрик отбросил журнал, обжигаясь хлебнул кофе и спросил:

– Заходил кто–нибудь?

– Гуталин заходил, – сказала Гута, чуточку помедлив. Она стояла у плиты и смотрела на него. – Пьяный был в стельку, я его выпроводила.

– А мартышка как же?

– Не хотела, конечно, его отпускать. Реветь наладилась. Но я ей сказала, что дядя Гуталин плохо себя чувствует. А она мне так понимающе отвечает:

"Опять насосался Гуталин!"

Рэдрик усмехнулся и сделал еще глоток. Потом спросил:

– Соседи как?

И снова Гута чуть помедлила, прежде чем ответить.

– Да как всегда, – сказала она наконец.

– Ладно, не рассказывай.

– А! – сказала она, с отвращением махнув рукой. – Сегодня ночью стучится эта баба снизу. Глаза вот такие, пена так и брызжет. Чего это мы среди ночи пилим в ванной!..

– Зараза, – сказал Рэдрик сквозь зубы. – Слушай, может быть, уедем все–таки? Купим где–нибудь дом на окраине, где никто не живет, дачу какую–нибудь заброшенную...

– А мартышка?

– Господи, – сказал Рэдрик. – Ну неужели мы вдвоем с тобой не сделаем, чтобы ей было хорошо?

Гута помотала головой.

– Она детишек любит. И они ее любят. Они же не виноваты, что...

– Да, – проговорил Рэдрик. – Они, конечно, не виноваты.

– Что там говорить! – Сказала Гута. – Тебе звонил кто–то. Себя не назвал. Я сказала, что ты на рыбалке.

Рэдрик поставил кружку и поднялся.

– Ладно, – сказал он. – Пойду все–таки помоюсь. Куча дел еще у меня.

Он заперся в ванной, бросил одежду в бак, а кастет, оставшиеся гайки, сигареты и прочую мелочь положил на полочку. Он долго крутился под горячим, как кипяток, душем, кряхтя, растирая тело варежкой из жесткой губки, пока кожа не стала багровой, потом выключил душ, сел на край ванны и закурил. Урчала вода в трубах, Гута на кухне позвякивала посудой; запахло жареной рыбой, потом Гута постучала в дверь и просунула ему чистое белье.

– Давай побыстрее, – приказала она. – Рыба остынет.

Она уже совсем отошла и снова принялась командовать. Усмехаясь, Рэдрик оделся, то есть натянул майку и трусы, и прямо в таком виде вернулся на кухню.

– Вот теперь и поесть можно, – сказал он, усаживаясь.

– Белье в бак положил? – спросила Гута.

– Угу, – проговорил он с набитым ртом. – Хороша рыбка!

– Водой залил?

– Не–а... Виноват, сэр, больше не повторится, сэр... Да брось ты, успеешь, посиди! – Он поймал ее за руку и попытался посадить к себе на колени, но она вывернулась и села за стол напротив.

– Пренебрегаешь мужем, – сказал Рэдрик, снова набивая полный рот. – Брезгуешь, значит.

– Да какой ты сейчас муж, – сказала Гута. – Пустой мешок ты сейчас, а не муж. Тебя сначала набить надо.

– А вдруг? – сказал Рэдрик. – Бывают же на свете чудеса!

– Что–то я таких чудес от тебя еще не видела. Выпьешь, может быть?

Рэдрик нерешительно поиграл вилкой.

– Н–нет, пожалуй, – проговорил он. Он взглянул на часы и поднялся. – Я сейчас пойду. Приготовь мне выходной костюм. По классу "а". Рубашечку там, галстук...

С наслаждением шлепая чистыми босыми ногами по прохладному полу, он прошел в чулан и запер дверь на щеколду. Потом он надел резиновый фартук, натянул резиновые перчатки до локтей и принялся выгружать на стол то, что было в мешке. Две "пустышки". Коробка с "булавками". Девять "батареек". Три "браслета". И один какой–то обруч – тоже вроде браслета, но из белого металла, полегче и диаметром побольше, миллиметров на тридцать. Шестнадцать штук "черных брызг" в полиэтиленовом пакете. Две великолепной сохранности "губки" с кулак величиной. Три "зуды". Банка "газированной глины". В мешке еще оставался тяжелый фарфоровый контейнер, тщательно упакованный в стекловату, но Рэдрик не стал его трогать. Он достал сигареты и закурил, рассматривая добро, разложенное на столе.

Потом он выдвинул ящик, вынул листок бумаги, огрызок карандаша и счеты. Зажав сигарету в углу рта и щурясь от дыма, он писал цифру за цифрой, выстраивая все в три столбика, а потом просуммировал первые два. Суммы получились внушительные. Он задавил окурок в пепельнице, осторожно открыл коробку и высыпал "булавки" на бумагу. В электрическом свете "булавки" отливали синевой и только изредка вдруг брызгали чистыми спектральными красками – желтым, красным, зеленым. Он взял одну "булавку" и осторожно, чтобы не уколоться, зажал между большим и указательным пальцами. Потом он выключил свет и подождал немного, привыкая к темноте. Но "булавка" молчала. Он отложил ее в сторону, нашарил другую и тоже зажал между пальцами. Ничего. Он нажал посильнее, рискуя уколоться, и "булавка" заговорила: слабые красноватые вспышки пробежали по ней и вдруг сменились более редкими зелеными. Несколько секунд Рэдрик любовался этой странной игрой огоньков, которая, как он узнал из "Докладов", должна была что–то означать, может быть, что–то очень важное, очень значительное, а потом положил "булавку" отдельно от первой и взял новую... Всего "булавок" оказалось семьдесят три, из них говорили двенадцать, остальные молчали. На самом деле они тоже должны были разговаривать, но для этого пальцев было мало, а нужна была специальная машина величиной со стол. Рэдрик снова зажег свет и к уже написанным цифрам добавил еще две. И только после этого он решился.

Он засунул обе руки в мешок и, затаив дыхание, извлек и положил на стол мягкий сверток. Некоторое время он смотрел на этот сверток, задумчиво почесывая подбородок тыльной стороной ладони. Потом все–таки взял карандаш, повертел его в неуклюжих резиновых пальцах и снова отбросил. Достал еще одну сигарету и, не отрывая глаз от свертка, выкурил ее всю.

– Кой черт! – сказал он громко, решительно взял сверток и сунул его обратно в мешок. – И все. И хватит.

Он быстро ссыпал "булавки" обратно в коробку и поднялся. Пора было идти. Наверное, с полчасика можно было еще поспать, чтобы голова сделалась яснее, но, с другой стороны, гораздо полезней прийти на место пораньше и посмотреть, как и что. Он сбросил рукавицы, повесил фартук и, не выключив света, вышел из чулана.

Костюм уже был разложен на кровати, и Рэдрик принялся одеваться. Он завязывал галстук перед зеркалом, когда за его спиной тихонько скрипнули половицы, раздалось азартное сопение, и он сделал хмурое лицо, чтобы не рассмеяться.

– У! – крикнул вдруг рядом с ним тоненький голосок, и его схватили за ногу.

– Ах! – воскликнул Рэдрик, падая в обморок на кровать.

Мартышка, хохоча и взвизгивая, немедленно вскарабкалась на него. Его топтали, дергали за волосы и окатывали потоками разных сведений. Соседский Вилли оторвал у куклы ногу. На третьем этаже завелся котенок, весь белый и с красными глазами, – наверное, не слушался маму и ходил в зону. На ужин была каша с вареньем. Дядя Гуталин опять насосался и был больной, он даже плакал. Почему рыбы не тонут, если они в воде? Почему мама ночью не спала? Почему пальцев пять, а рук две, а нос один?.. Рэдрик осторожно обнимал теплое существо, ползающее по нему, вглядывался в огромные, сплошь темные, без белков глаза, прижимался щекой к пухлой, заросшей золотым шелковистым пушком щечке и повторял:

– Мартышка... Ах ты, мартышка... Мартышка ты этакая...

Потом над ухом резко зазвонил телефон. Он протянул руку и взял трубку.

– Слушаю.

Трубка молчала.

– Алло! – Сказал Рэдрик. – Алло!

Никто не отзывался. Потом в трубке щелкнуло, и раздались короткие гудки. Тогда Рэдрик поднялся, опустил мартышку на пол и, уже больше не слушая ее, натянул брюки и пиджак. Мартышка тарахтела не умолкая, но он только рассеянно улыбался одним ртом, так что наконец ему было обьявлено, что папа язык проглотил, зубами закусил, и он был оставлен в покое.

Он вернулся в чулан, сложил в портфель то, что лежало на столе, сбегал в ванную за кастетом, снова вернулся в чулан, взял портфель в одну руку, корзину с мешком – в другую, вышел, тщательно запер дверь чулана и крикнул Гуте: "Я пошел !"

– Когда вернешься? – спросила Гута, выйдя из кухни. Она уже причесалась и подкрасилась, и на ней был не халат, а домашнее платье, самое его любимое, ярко–синее с большим вырезом.

– Я позвоню, – сказал он, глядя на нее, потом подошел, наклонился и поцеловал в вырез.

– Иди уж, – тихо сказала Гута.

– А я? А меня? – Заверещала мартышка, пролезая между ними.

Пришлось наклониться еще ниже. Гута смотрела на него неподвижными глазами.

– Чепуха, – сказал он. – Не беспокойся. Я позвоню.

На лестничной площадке этажом ниже Рэдрик увидел грузного человека в полосатой пижаме, который возился с дверным замком у своей двери. Из темных недр квартиры тянуло теплой кислятиной. Рэдрик остановился и сказал:

– Добрый день.

Грузный человек опасливо посмотрел на него через могучее плечо и что–то буркнул.

– Ваша супруга ночью к нам заходила, – сказал Рэдрик. – Будто мы что–то пилим. Это какое–то недоразумение.

– А мне–то что! – Проворчал человек в пижаме.

– Жена вчера вечером стирала, – продолжал Рэдрик. – Если мы вас побеспокоили, прошу прощения.

– А я ничего не говорил, – сказал человек в пижаме. – Пожалуйста...

– Ну, я очень рад, – сказал Рэдрик.

Он спустился вниз, зашел в гараж, поставил корзину с мешком в угол, навалил на нее старое сиденье, оглядел все напоследок и вышел на улицу.

Идти было недалеко – два квартала до площади, потом через парк и еще один квартал до центрального проспекта. Перед "Метрополем", Как всегда, блестел никелем и лаком разноцветный строй машин, лакеи в малиновых куртках тащили в подъезд чемоданы, какието иностранного вида солидные люди группками по–двое, по–трое беседовали, дымя сигарами, на мраморной лестнице. Рэдрик решил пока не заходить туда. Он устроился под тентом маленького кафе на другой стороне улицы, спросил кофе и закурил. В двух шагах от него сидели за столиком трое чинов международной полиции в штатском, они молча и торопливо насыщались жареными сосисками по–хармонтски и пили темное пиво из высоких стеклянных кружек. По другую сторону, шагах в десяти, какой–то сержант мрачно пожирал жареный картофель, зажав вилку в кулаке. Голубая каска стояла вверх дном на полу рядом с его стулом, ремень с кобурой висел на спинке. Больше в кафе посетителей не было. Официантка, незнакомая пожилая женщина, стояла в сторонке и время от времени зевала, деликатно прикрывая ладонью раскрашенный рот. Было без двадцати девять.

Рэдрик увидел, как из подъезда гостиницы вышел Ричард Нунан, жуя на ходу и нахлобучивая на голову мягкую шляпу. Он бодро ссыпался по лестнице – маленький, толстенький, розовый, весь такой благополучный, благоустроенный, свежевымытый, решительно уверенный, что день не принесет ему никаких неприятностей. Он помахал кому–то рукой, перебросил свернутый плащ через правое плечо и подошел к своему "пежо". "Пежо" у Дика был тоже округлый, коротенький, свежевымытый и тоже как бы уверенный, что никакие неприятности ему не грозят.

Прикрывшись ладонью, Рэдрик смотрел, как Нунан хлопотливо и деловито устраивается на переднем сиденье за рулем, что–то перекладывает с переднего сиденья на заднее, нагибается за чем–то, поправляет зеркальце заднего вида. Потом "пежо" фыркнул голубоватым дымком, бибикнул на какого–то африканца в бурнусе и бодренько выкатился на улицу. Судя по всему, Нунан направлялся в институт, а значит, должен был обогнуть фонтан и проехать мимо кафе. Вставать и уходить было уже поздно, поэтому Рэдрик только совсем закрыл лицо ладонью и сгорбился над своей чашкой. Однако это не помогло. "Пежо" пробибикал над самым ухом, скрипнули тормоза, и бодрый голос Нунана позвал:

– Э! Шухарт! Рэд!

Выругавшись про себя, Рэдрик поднял голову. Нунан уже шел к нему, на ходу протягивая руку. Нунан приветливо сиял.

– Ты что здесь делаешь в такую рань? – Спросил он подойдя. Спасибо мадам, – бросил он официантке. – Ничего не надо... – И снова Рэдрику: – Сто лет тебя не видел. Где пропадаешь? Чем занимаешься?

– Да так... – Неохотно сказал Рэдрик. – Больше по мелочам.

Он смотрел, как Нунан с обычной хлопотливостью и основательностью устраивается на стуле напротив, отодвигает пухлыми ручками стакан с салфетками в одну сторону, тарелку из–под сандвичей – в другую, и слушал, как Нунан дружелюбно болтает.

– Вид у тебя какой–то дохлый – недосыпаешь, что ли? Я, знаешь ли, в последнее время тоже замотался с этой новой автоматикой, но спать – нет, брат, сон для меня первое дело, провались она, эта автоматика... – Он вдруг огляделся. – Пардон, может, ты ждешь кого–нибудь? Я не помешал?

– Да нет... – Вяло сказал Рэдрик. – Просто время есть, дай, думаю, кофе хоть попью.

– Ну, я тебя надолго не задержу, – сказал Дик и посмотрел на часы. – Слушай, Рэд, брось ты свои мелочи, возвращайся в институт. Ты же знаешь, там тебя в любой момент возьмут. Хочешь опять к русскому, прибыл недавно?

Рэдрик покачал головой.

– Нет, – сказал он. – Второй Кирилл на свет еще не народился... Да и нечего мне делать в вашем институте. У вас там теперь все автоматика, роботы в зону ходят, премиальные, надо понимать, тоже роботы получают... А лаборантские гроши – мне их и на табак не хватит.

– Брось, все это можно было бы устроить, – возразил Нунан.

– А я не люблю, когда для меня устраивают, – сказал Рэдрик. Сроду я сам устраивался и дальше намерен сам.

– Гордый ты стал, – произнес Нунан с осуждением.

– Ничего я не гордый. Деньги я не люблю считать, вот что.

– Ну что ж, ты прав, – сказал Нунан рассеянно.

Он равнодушно поглядел на портфель Рэдрика на стуле рядом, потер пальцем серебряную пластинку с выгравированными на ней славянскими буквами. – Все правильно: деньги нужны человеку для того, чтобы никогда о них не думать... Кирилл подарил? – Спросил он, кивая на портфель.

– В наследство достался, – сказал Рэдрик. – Что это тебя в "Боржче" не видно последнее время ?

– Положим, это тебя не видно, – возразил Нунан. – Я–то там почти каждый день обедаю, здесь в "Метрополе" за каждую котлету так дерут... Слушай, – сказал он вдруг. – А как у тебя сейчас с деньгами?

– Занять хочешь? – Спросил Рэдрик.

– Нет, наоборот.

– Одолжить, значит...

– Есть работа, – сказал Нунан.

– О господи! – сказал Рэдрик. – И ты туда же!

– А кто еще? – сейчас же спросил Нунан.

– Да много вас таких... Работодателей.

Нунан, словно бы только сейчас поняв его, рассмеялся.

– Да нет, это не по твоей основной специальности.

– А по чьей?

Нунан снова посмотрел на часы.

– Вот что, – сказал он поднимаясь. – Приходи сегодня в "Боржч" к обеду, часам к двум. Поговорим.

– К двум я могу не успеть, – сказал Рэдрик.

– Тогда вечером, часам к шести. Идет?

– Посмотрим, – сказал Рэдрик и тоже взглянул на часы. Было без пяти девять.

Нунан сделал ручкой и покатился к своему "пежо". Рэдрик проводил его глазами, подозвал официантку, спросил пачку "лайки страйк", расплатился и, взявши портфель, неторопливо пошел через улицу к отелю. Солнце уже изрядно припекало, улица быстро наполнялась влажной духотой, и Рэдрик ощутил жжение под веками. Он сильно зажмурился, жалея, что не хватило времени поспать хотя бы часок перед важным делом. И тут на него накатило.

Такого с ним еще никогда не было вне зоны, да и в зоне случалось всего раза два или три. Он вдруг словно попал в другой мир. Миллионы запахов разом обрушилось на него – резких, сладких, металлических, ласковых, опасных, тревожных, огромных, как дома, крошечных, как пылинки, грубых, как булыжник, тонких и сложных, как часовые механизмы. Воздух сделался твердым, в нем обьявились грани, поверхности, углы, словно пространство заполнилось огромными шершавыми шарами, скользкими пирамидами, гигантскими колючими кристаллами, и через все это приходилось протискиваться, как во сне через темную лавку старьевщика, забитую старинной уродливой мебелью... Это длилось какой–то миг. Он открыл глаза, и все пропало. Это был не другой мир – прежний знакомый мир повернулся к нему другой, неизвестной стороной, страна эта открылась ему на мгновение и снова закрылась наглухо, прежде чем он успел разобраться ...

Над ухом рявкнул раздраженный сигнал, Рэдрик ускорил шаги, потом побежал и остановился только у стены "Метрополя". Сердце стучало бешено, он поставил портфель на асфальт, торопливо разорвал пачку сигарет, закурил. Он глубоко затянулся, отдыхая, как после драки, и дежурный полисмен остановился рядом и спросил его озабоченно:

– Вам помочь, мистер?

– Н–нет, – выдавил из себя Рэдрик и прокашлялся. – Душно...

– Может быть, проводить Вас?

Рэдрик наклонился и поднял портфель.

– Все, – сказал он. – Все в порядке, приятель. Спасибо.

Он быстро зашагал к подьезду, поднялся по ступенькам и вошел в вестибюль. Здесь было прохладно, сумрачно, гулко. Надо было бы посидеть в одном из этих громадных кожаных кресел, отойти, отдышаться, но он уже и без того опаздывал. Он позволил себе только докурить до конца сигарету, разглядывая изпод полуопущенных век людей, которые толкались в вестибюле. Костлявый был уже тут как тут – с раздраженным видом копался в журналах у газетной стойки.

Рэдрик бросил окурок в урну и вошел в кабину лифта. Он не успел закрыть дверь, и вместе с ним втиснулись какой–то плотный толстяк с астматическим дыханием, крепко надушенная дамочка при мрачном мальчике, жующем шоколад, и обширная старуха с плохо выбритым подбородком. Рэдрика затиснули в угол. Он закрыл глаза, чтобы не видеть мальчика, у которого по подбородку текли шоколадные слюни, но личико было свежее, чистое, без единого волоска, и не видеть его мамашу, скудный бюст которой украшало ожерелье из крупных "черных брызг", оправленных в серебро, и не видеть выкаченных склеротических белков толстяка и устрашающих бородавок на вздутом рыле старухи. Толстяк попытался закурить, но старуха его осадила и продолжала осаживать до пятого этажа, где она выкатилась, а как только она выкатилась, толстяк все–таки закурил с таким видом, словно отстоял свои гражданские свободы, и тут же принялся кашлять и задыхаться, сипя и хрипя, поверблюжьи вытягивая губы и толкая Рэдрика в бок мучительно оттопыренным локтем...

На восьмом этаже Рэдрик вышел и двинулся по мягкому ковру вдоль коридора, озаренного уютным светом скрытых ламп. Здесь пахло дорогим табаком, парижскими духами, сверкающей натуральной кожей туго набитых бумажников, дорогими дамочками по пятьсот монет за ночь, массивными золотыми портсигарами – всей этой дешевкой, всей этой гнусной плесенью, которая наросла на зоне, пила от зоны, жрала, хапала, жирела от зоны, и на все ей было наплевать, и в особенности ей было наплевать на то, что будет после, когда она нажрется, нахапает всласть, и все, что было в зоне, окажется снаружи и осядет в мире. Рэдрик без стука толкнул дверь номера восемьсот семьдесят четыре.

Хрипатый, сидя на столе у окна, колдовал над сигарой. Он был еще в пижаме, с мокрыми редкими волосами, впрочем, тщательно зачесанными на пробор, нездоровое отдутловатое лицо его было гладко выбрито.

– Ага, – произнес он, не поднимая глаз. – Точность – вежливость королей. Здравствуйте, мой мальчик!

Он кончил отстригать у сигары кончик, взял ее двумя руками, поднес к усам и поводил носом вдоль нее взад и вперед.

– А где же наш старый добрый Барбридж? – Спросил он и поднял глаза. Глаза у него были прозрачные, голубые, ангельские.

Рэдрик поставил портфель на диван, сел и достал сигареты.

– Барбридж не придет, – сказал он.

– Старый добрый Барбридж, – проговорил Хрипатый, взял сигару в два пальца и осторожно поднес ее ко рту. – У старого Барбриджа разыгрались нервы...

Он все смотрел на Рэдрика чистыми голубыми глазами и не мигал. Он никогда не мигал. Дверь приоткрылась, и в номер протиснулся Костлявый.

– Кто был этот человек, с которым Вы разговаривали? – Спросил он прямо с порога.

– А, здравствуйте, – приветливо сказал ему Рэдрик, стряхивая пепел на пол.

Костлявый засунул руки в карманы, приблизился, широко переступая огромными, скошенными внутрь ступнями, и остановился перед Рэдриком.

– Мы же с Вами сто раз говорили, – укоризненно произнес он. Никаких контактов перед встречей. А Вы что делаете?

– Я здороваюсь, – сказал Рэдрик. – А Вы?

Хрипатый рассмеялся, а Костлявый раздраженно сказал:

– Здравствуйте, здравствуйте... – он перестал сверлить Рэдрика укоряющим взглядом и грохнулся рядом на диван. – Нельзя так делать, – сказал он. – Понимаете? Нельзя!

– Тогда назначайте мне свидания там, где у меня нет знакомых, – сказал Рэдрик.

– Мальчик прав, – заметил Хрипатый. – Наша промашка... Так кто был этот человек?

– Это Ричард Нунан, – сказал Рэдрик. – Он представляет какие–то фирмы, поставляющие оборудование для института. Живет здесь в отеле.

– Вот видишь, как просто! – сказал Хрипатый Костлявому, взял со стола колоссальную зажигалку, оформленную под статую свободы, с сомнением посмотрел на нее и поставил обратно.

– А Барбридж где? – спросил Костлявый уже совсем дружелюбно.

– Накрылся Барбридж, – сказал Рэдрик.

Эти двое быстро переглянулись.

– Мир праху его, – сказал Хрипатый настороженно.

– Или, может быть, он арестован?

Некоторое время Рэдрик не отвечал, медленными затяжками докуривая сигарету. Потом он бросил окурок на пол и сказал:

– Не бойтесь, все чисто. Он в больнице.

– Ничего себе – чисто! – Сказал Костлявый нервно, вскочил и прошел к окну. – В какой больнице?

– Не бойтесь, – повторил Рэдрик. – В какой надо. Давайте к делу, я спать хочу.

– В какой именно больнице? – уже раздраженно спросил Костлявый.

– Так я вам и сказал, – отозвался Рэдрик. Он взял портфель. Будем мы сегодня делом заниматься или нет?

– Будем, будем, мой мальчик, – бодро сказал Хрипатый.

С неожиданной легкостью он соскочил на пол, быстро придвинул к Рэдрику журнальный столик, одним движением смахнул на ковер кипу журналов и газет и сел напротив, уперев в колени розовые волосатые руки.

– Предьявляйте, – сказал он.

Рэдрик раскрыл портфель, вытащил список с ценами и положил на столик перед Хрипатым. Хрипатый взглянул и ногтем отодвинул список в сторону. Костлявый, зайдя ему за спину, уставился в список через его плечо.

– Это счет, – сказал Рэдрик.

– Вижу, – отозвался Хрипатый. – Предьявляйте, предьявляйте!

– Деньги, – сказал Рэдрик.

– Что это за "кольцо"? – подозрительно осведомился Костлявый, тыча пальцем в список через плечо Хрипатого.

Рэдрик молчал. Он держал раскрытый портфель на коленях и, не отрываясь, смотрел в голубые ангельские глазки. Хрипатый наконец усмехнулся.

– И за что это я вас так люблю, мой мальчик? – проворковал он. – А еще говорят, что любви с первого взгляда не бывает! – он театрально вздохнул. – Фил, дружище, как у них здесь выражаются? Отвесь ему капусты, отслюни зелененьких... И дай мне наконец спичку! Ты же видишь... – И он потряс сигарой, все еще зажатой в двух пальцах.

Костлявый Фил проворчал что–то неразборчивое, бросил ему коробок, а сам вышел в соседнюю комнату через дверь, задернутую портьерой. Было слышно, как он с кем–то там разговаривает, раздраженно и невнятно, что–то насчет кота в мешке, а Хрипатый, раскуривая наконец свою сигару, все разглядывал Рэдрика в упор с застывшей улыбкой на тонких бледных губах и словно бы размышлял о чем–то, а Рэдрик, положив подбородок на портфель, тоже смотрел ему в лицо и тоже старался не мигать, хотя веки жгло как огнем и на глаза набегали слезы. Потом Костлявый вернулся, бросил на столик две обандероленные пачки банкнот и, надувшись, сел рядом с Рэдриком. Рэдрик лениво потянулся за деньгами, но Хрипатый жестом остановил его, ободрал с пачек бандероли и сунул их себе в карман пижамы.

– Теперь прошу, – сказал он.

Рэдрик взял деньги и, не считая, запихал пачки во внутренние карманы пиджака. Затем он принялся выкладывать хабар. Он делал это медленно, давая возможность им обоим рассмотреть и сверить со списком каждый предмет в отдельности. В комнате было тихо, только тяжело дышал Хрипатый, и еще из–за портьеры доносилось слабое звяканье – вроде бы ложечки о край стакана.

Когда Рэдрик наконец закрыл портфель и защелкнул замки, Хрипатый поднял на него глаза и спросил:

– Ну а как насчет главного?

– Никак, – ответил Рэдрик. Он помолчал и добавил: – пока.

– Мне нравится это "пока", – ласково сказал Хрипатый. – а тебе, Фил?

– Темните, Шухарт, – сказал брюзгливо костлявый Фил. – А чего темнить, спрашивается?

– Специальность такая: темные делишки, – сказал Рэд. – Тяжелая у нас с вами специальность.

– Ну хорошо, – сказал Хрипатый. – А где фотоаппарат?

– А, черт! – проговорил Рэдрик. Он потер пальцами щеку, чувствуя, как краска заливает ему лицо. – Виноват, – сказал он. – Начисто забыл.

– Там? – Спросил Хрипатый, делая неопределенное движение сигарой.

– Не помню... Наверное, там... – Рэдрик закрыл глаза и откинулся на спинку дивана. – Нет. Начисто не помню.

– Жаль, – сказал Хрипатый. Но вы, по крайней мере, хоть видели эту штуку?

– Да нет же, – с досадой сказал Рэдрик. – В том–то все и дело. Мы же не дошли до кауперов. Барбридж вляпался в "студень", и мне пришлось сразу же поворачивать оглобли... Уж будьте уверены, если бы я ее увидел, я бы не забыл...

– Слушай–ка, Хью, посмотри! – испуганным шепотом произнес вдруг Костлявый. – Что это, а?

Он сидел, напряженно вытянув перед собой указательный палец правой руки. Вокруг пальца крутился тот самый белый металлический обруч, и Костлявый глядел на этот обруч, вытаращив глаза.

– Он не останавливается! – громко сказал Костлявый, переводя круглые глаза с обруча на Хрипатого и обратно.

– Что значит – не останавливается? – осторожно спросил Хрипатый и чуть отодвинулся.

– Я надел его на палец и крутанул разок – просто так... И он уже целую минуту не останавливается!

Костлявый вдруг вскочил и, держа вытянутый палец перед собой, побежал за портьеру. Обруч, серебристо поблескивая, мерно крутился перед ним, как самолетный пропеллер.

– Что это вы нам принесли? – спросил Хрипатый.

– Черт его знает! – сказал Рэдрик, – я и не знал... Знал бы содрал бы побольше.

Хрипатый некоторое время смотрел на него, затем поднялся и тоже исчез за портьерой. Там сейчас же забубнили голоса. Рэдрик вытащил сигарету, закурил, подобрал с пола какой–то журнал и принялся его рассеянно перелистывать. В журнале было полным–полно сногсшибательных красоток, но почему–то было сейчас тошно смотреть на них. Рэдрик отшвырнул журнал и пошарил глазами по номеру, ища что–нибудь выпить. Потом он извлек из внутреннего кармана пачку и пересчитал бумажки. Все было правильно, но, чтобы не заснуть, он пересчитал и вторую пачку. Когда он прятал ее в карман, вернулся Хрипатый.

– Вам везет, мой мальчик, – обьявил он, снова усаживаясь напротив Рэдрика. – Знаете, что такое перпетуум мобиле?

– Нет, – сказал Рэдрик. – У нас этого не проходили.

– И не надо, – сказал Хрипатый. Он вытащил еще одну пачку банкнот. – Это цена первого экземпляра, – произнес он, обдирая с пачки бандероль. – За каждый новый экземпляр этого вашего "кольца" вы будете получать по две такие пачки. Запомнили, мой мальчик? По две. Но при условии, что, кроме нас с вами, никто об этих кольцах никогда ничего не узнает. Договорились?

Рэдрик молча засунул пачку в карман и поднялся. – Я пошел, сказал он. – Когда и где в следующий раз?

Хрипатый тоже поднялся.

– Вам позвонят, – сказал он. – Ждите звонка каждую пятницу с девяти до девяти тридцати утра. Вам передадут привет от Фила и Хью и назначат свидание. Рэдрик кивнул и направился к двери. Хрипатый последовал за ним, положив руку ему на плечо.

– Я хотел бы, чтобы Вы поняли, – продолжал он. – Все это хорошо, очень мило и так далее, а "кольцо" – так это просто чудесно, но прежде всего нам нужны две вещи: фотографии и полный контейнер. Верните нам наш фотоаппарат, но с заснятой пленкой, и наш фарфоровый контейнер, но не пустой, а полный, и Вам больше никогда не придется ходить в зону...

Рэдрик, шевельнув плечом, сбросил его руку, отпер дверь и вышел. Он, не оборачиваясь, шагал по мягкому ковру и все время чувствовал у себя на затылке голубой ангельский немигающий взгляд. Он не стал ждать лифта и спустился с восьмого этажа пешком.

Выйдя из "Метрополя", он взял такси и поехал на другой конец города. Шофер попался незнакомый, из новичков, носатый прыщавый малец, один из тех, кто валом валил в Хармонт в последние годы в поисках зубодробительных приключений, несметных богатств, всемирной славы, какой–то особенной религии, – валили валом, да так и осели шоферами такси, официантами, строительными рабочими, вышибалами – алчущие, бесталанные, замученные неясными желаниями, всем на свете недовольные, ужасно разочарованные и убежденные, что здесь их снова обманули. Половина из них, промыкавшись месяцдругой, с проклятиями возвращалась по домам, разнося великое свое разочарование чуть ли не во все страны света; считанные единицы становились сталкерами и быстро погибали, так и не успев ни в чем разобраться. Некоторым удавалось поступить в институт, самым толковым и грамотным, годным хотя бы на должность препаратора, а остальные вечера напролет просиживали в кабаках, дрались из–за расхождений во взглядах, из–за девчонок и просто так по пьянке, совершенно остервенили городскую полицию, комендатуру и старожилов.

От прыщавого шофера на версту несло перегаром, глаза у него были красные, как у кролика, но он был страшно возбужден и с ходу принялся рассказывать Рэдрику, как нынче утром на их улицу заявился покойник с кладбища. Пришел, значит, в свой дом, а дом–то уже сколько лет заколочен, все оттуда уехали – и вдова его, старуха, и дочка с мужем, и внуки. Сам–то он, соседи говорят, помер лет тридцать назад, еще до посещения, а теперь вот – Привет! приперся. Походил–походил вокруг дома, поскребся, потом уселся у забора и сидит. Народу набежало – со всего квартала, смотрят, а подойти, конечно, боятся. Потом кто–то догадался: взломали дверь в его доме, открыли, значит, ему вход. И что вы думаете? Встал и вошел, и дверь за собой прикрыл. Мне на работу надо было бежать, не знаю, чем там дело кончилось, знаю только, что собирались в институт звонить, чтобы забрали его от нас к чертовой бабушке.

– Стоп, – сказал Рэдрик. – Останови вот здесь.

Он пошарил в кармане. Мелочи не оказалось, пришлось разменять новую банкноту. Потом он постоял у ворот, подождал, пока такси уедет. Коттеджик у Стервятника был неплохой: два этажа, застекленный флигель с бильярдной, ухоженный садик, оранжерея, белая беседка среди яблонь. И вокруг всего этого – узорная железная решетка, выкрашенная светло–зеленой масляной краской. Рэдрик несколько раз нажал кнопку звонка, калитка с легким скрипом отворилась, и Рэдрик неторопливо двинулся по песчаной дорожке, обсаженной розовыми кустами, а на крыльце коттеджа уже стоял Суслик – скрюченный, черно–багровый, весь азартно трясущийся от желания услужить. В нетерпении он повернулся боком, спустил со ступеньки одну судорожно нащупывающую опору ногу, утвердился, стал тянуть к нижней ступеньке вторую ногу и при этом все дергал, дергал в сторону Рэдрика здоровой рукой: сейчас, мол, сейчас...

– Эй, Рыжий! – позвал из сада женский голос.

Рэдрик повернул голову и увидел среди зелени рядом с белой ажурной крышей беседки голые смуглые плечи, ярко–красный рот, машущую руку. Он кивнул Суслику, свернул с дорожки и напролом через розовые кусты, по мягкой зеленой траве направился к беседке.

На лужайке был расстелен огромный красный мат, а на мате восседала со стаканом в руке Дина Барбридж в почти невидимом купальном костюме; рядом валялась книжка в пестрой обложке, и тут же, в тени под кустом, стояло блестящее ведерко со льдом, из которого торчало узкое длинное горлышко бутылки.

– Здорово, Рыжий! – сказала Дина Барбридж, делая приветственное движение стаканом. – А где же папахен? Неужели опять засыпался?

Рэдрик подошел и, заведя руки с портфелем за спину, остановился, глядя на нее сверху вниз. Да, детей себе Стервятник у кого–то в зоне выпросил на славу. Вся она была атласная, пышно–плотная, без единого изьяна, без единой лишней складки – полтораста фунтов двадцатилетней лакомой плоти, и еще изумрудные глаза, светящиеся изнутри, и еще большой влажный рот и ровные белые зубы, и еще вороные волосы, блестящие под солнцем, небрежно брошенные на одно плечо, и солнце так и ходило по ней, переливаясь с плеч на живот и на бедра, оставляя тени между почти голыми грудями. Он стоял над нею и откровенно разглядывал ее, а она смотрела на него снизу вверх, понимающе усмехаясь, а потом поднесла стакан к губам и сделала несколько глотков.

– Хочешь? – сказала она, облизывая губы, и подождав ровно столько, чтобы двусмысленность дошла до него, протянула ему стакан.

Он отвернулся, поискал глазами и, обнаружив в тени шезлонг, уселся, и вытянул ноги.

– Барбридж в больнице, – сказал он. – Ноги ему отрежут.

По–прежнему улыбаясь, она смотрела на него одним глазом, другой скрывала плотная волна волос, упавшая на плечо, только улыбка ее сделалась неподвижной – сахарный оскал на смуглом лице. Потом она машинально покачала стакан, словно бы прислушиваясь к звяканью льдинок о стенки, и спросила:

– Обе ноги?

– Обе. Может быть, до колен, а может быть, и выше.

Она поставила стакан и отвела с лица волосы. Она больше не улыбалась.

– Жаль, – проговорила она. – А ты значит...

Именно ей, Дине Барбридж, он мог бы подробно рассказать, как все это случилось и как все это было. Наверное, он мог бы ей рассказать даже, как возвращался к машине, держа наготове кастет, и как Барбридж просил – не за себя просил даже, за детей, за нее и за Арчи, и сулил золотой шар. Но он не стал рассказывать. Он молча полез за пазуху, вытащил пачку ассигнаций и бросил ее на красный мат, прямо к длинным голым ногам Дины. Банкноты разлетелись радужным веером. Дина рассеянно взяла несколько штук и стала их рассматривать, словно видела впервые, но не очень интересовалась.

– Последняя получка, значит, – проговорила она.

Рэдрик перегнулся с шезлонга, дотянулся до ведерка и, вытащив бутылку, взглянул на ярлык. По темному стеклу стекала вода, и Рэдрик отвел бутылку в сторону, чтобы не капало на брюки. Он не любил дорогого виски, но сейчас можно было хлебнуть и этого. И он уже нацелился хлебнуть прямо из горлышка, но его остановили невнятные протестующие звуки за спиной. Он оглянулся и увидел, что через лужайку, мучительно переставляя кривые ноги, изо всех сил спешит Суслик, держа перед собой в обеих руках высокий стакан с прозрачной смесью. От усердия пот градом катился по его черно–багровому лицу, налитые кровью глаза совсем вылезли из орбит, и увидев, что Рэдрик смотрит на него, он чуть ли не с отчаянием протянул перед собой стакан и снова не то замычал, не то заскулил, широко и бессильно раскрывая беззубый рот.

– Жду, жду, – сказал ему Рэдрик и сунул бутылку обратно в лед.

Суслик подковылял наконец, подал Рэдрику стакан и с робкой фамильярностью потрепал его по плечу клешнятой рукой.

– Спасибо, Диксон, – серьезно сказал Рэдрик. – Это как раз то самое, чего мне сейчас не хватало. Ты, как всегда, на высоте, Диксон.

И пока Суслик в смущении и восторге тряс головой и судорожно бил себя здоровой рукой по бедру, Рэдрик торжественно поднял стакан, кивнул ему и залпом отпил половину. Потом он посмотрел на Дину.

– Хочешь? – сказал он, показывая ей стакан.

Она не ответила. Она складывала ассигнацию пополам, и еще раз пополам, и еще раз пополам.

– Брось, – сказал он. – Не пропадет. У твоего папаши...

Она перебила его:

– А ты его, значит, тащил, – сказала она. Она его не спрашивала, она утверждала. – Пер его, дурак, через всю зону, кретин Рыжий, пер на хребте эту сволочь, слюнтяй. Такой случай упустил...

Он смотрел на нее, забыв о стакане, а она поднялась, подошла, ступая по разбросанным банкнотам, и остановилась перед ним, уперев сжатые кулаки в гладкие бока, загородив от него весь мир своим великолепным телом, пахнущим духами и сладким потом.

– Вот так он всех вас, идиотиков, вокруг пальца... По костям вашим, по вашим башкам безмозглым... Погоди, погоди, он еще на костылях по вашим черепушкам походит, он вам еще покажет братскую любовь и милосердие! – она уже почти кричала. – Золотой шар небось тебе обещал, да? Карту, ловушки, да? Болван! Кретин! По роже твоей конопатой вижу, что обещал... Погоди, он тебе еще даст карту, упокой, господи, глупую душу рыжего дурака Рэдрика Шухарта...

Тогда Рэдрик неторопливо поднялся и с размаху залепил ей пощечину, и она смолкла на полуслове, опустилась, как подрубленная, на траву и уткнула лицо в ладони.

– Дурак... Рыжий... – невнятно проговорила она. – Такой случай упустил... Такой случай...

Рэдрик, глядя на нее сверху вниз, допил стакан и, не оборачиваясь, ткнул его Суслику. Говорить здесь было больше не о чем. Хороших деток вымолил себе Стервятник Барбридж в зоне! Любящих и почтительных!

Он вышел на улицу, поймал такси и велел ехать к "Боржчу". Надо было кончать все эти дела, спать хотелось невыносимо, перед глазами все плыло, и он таки заснул, навалившись на портфель всем телом, и проснулся, только когда шофер потряс его за плечо.

– Приехали, мистер...

– Где это мы? – проговорил он, спросонья озираясь. – Я же тебе велел в банк...

– Никак нет, мистер, – осклабился шофер. – Велели к "Боржчу". Вот вам "Боржч".

– Ладно,– проворчал Рэдрик. – Приснилось что–то...

Он расплатился и вылез, с трудом шевеля затекшими ногами. Асфальт уже раскалился под солнцем, стало очень жарко. Рэдрик почувствовал, что он весь мокрый, во рту было гадко, глаза слезились. Прежде чем войти, он огляделся. Улица перед "Боржчом", Как всегда в этот час, была пустынной. Заведения напротив еще не открывались, да и сам "Боржч" был, собственно, закрыт, но Эрнест был уже на посту – протирал бокалы, хмуро поглядывая из–за стойки на трех каких–то типов, лакавших пиво за угловым столиком. С остальных столиков еще не были сняты перевернутые стулья, незнакомый негр в белой куртке надраивал пол шваброй, и еще один негр корячился с ящиками пива за спиной у Эрнеста. Рэдрик подошел к стойке, положил на стойку портфель и поздоровался. Эрнест пробурчал в ответ что–то неприветливое.

– Пива налей, – сказал Рэдрик и судорожно зевнул.

Эрнест грохнул на стойку пустую кружку, выхватил из холодильника бутылку, откупорил ее и наклонил над кружкой. Рэдрик, прикрывая рот ладонью, уставился на его руку. Рука дрожала. Горлышко бутылки несколько раз звякнуло о край кружки. Рэдрик взглянул Эрнесту в лицо. Тяжелые веки Эрнеста были опущены, маленький рот искривлен, толстые щеки обвисли. Негр шаркал шваброй под самыми ногами у Рэдрика, типы в углу азартно и злобно спорили о бегах, негр, ворочавший ящики, толкнул Эрнеста задом так, что тот покачнулся. Негр принялся бормотать извинения. Эрнест сдавленным голосом спросил:

– Принес?

– Что принес? – Рэдрик оглянулся через плечо.

Один из типов лениво поднялся из–за столика, пошел к выходу и остановился в дверях, раскуривая сигарету.

– Пойдем потолкуем, – сказал Эрнест.

Негр со шваброй теперь тоже стоял между Рэдриком и дверью. Здоровенный такой негр, вроде Гуталина, только в два раза шире.

– Пойдем, – сказал Рэдрик и взял портфель. Сна у него уже не было ни в одном глазу.

Он зашел за стойку и протиснулся мимо негра с пивными ящиками. Негр прищемил, видно, себе палец – облизывал ноготь, исподлобья разглядывая Рэдрика. Тоже очень крепкий негр, с проломленным носом и расплющенными ушами. Эрнест прошел в заднюю комнату, и Рэдрик последовал за ним, потому что теперь уже все трое типов стояли у выхода, а негр со шваброй оказался перед кулисами, ведущими на склад.

В задней комнате Эрнест отступил в сторону и, сгорбившись, сел на стул у стены, а из–за стола поднялся капитан Квотерблад, желтый и скорбный, а откуда–то слева выдвинулся громадный ооновец в нахлобученной на глаза каске, быстро взял Рэдрика за бока и провел огромными ладонями по карманам. У правого бокового кармана он задержался, извлек кастет и легонько подтолкнул Рэдрика к капитану. Рэдрик подошел к столу и поставил перед капитаном Квотербладом портфель.

– Что же ты, зараза! – сказал он Эрнесту.

Эрнест уныло двинул бровями и пожал одним плечом. Все было ясно. В дверях уже стояли, ухмыляясь, оба негра, и больше дверей не было, а окно было закрыто и забрано снаружи основательной решеткой.

Капитан Квотерблад, с отвращением кривя лицо, обеими руками копался в портфеле, выкладывая на стол: "пустышки малые" – две штуки; "батарейки" – девять штук; "черные брызги" разных размеров – шестнадцать штук в полиэтиленовом пакете; "губки" прекрасной сохранности – две штуки; "газированной глины" – одна банка...

– В карманах есть что–нибудь? – тихо произнес капитан Квотерблад. – Выкладывайте...

– Гады, – сказал Рэдрик. – Зар–разы.

Он сунул руку за пазуху и швырнул на стол пачку банкнот. Банкноты полетели во все стороны.

– Ого! – произнес капитан Квотерблад. – Еще?

– Жабы вонючие! – заорал Рэдрик, выхватил из кармана вторую пачку и с размаху швырнул ее себе под ноги. – Жрите! Подавитесь!

– Очень интересно, – произнес капитан Квотерблад спокойно. – А теперь подбери все это.

– Бог подаст! – сказал ему Рэдрик, закладывая руки за спину. Холуи твои подберут. Сам подберешь!

– Подбери деньги, сталкер, – не повышая голоса, сказал капитан Квотерблад, упираясь кулаками в стол и весь подавшись вперед.

Несколько секунд они молча глядели друг другу в глаза, потом Рэдрик, бормоча ругательства, опустился на корточки и неохотно принялся собирать деньги. Негры за спиной захихикали, а ооновец злорадно фыркнул.

– Не фыркай, ты! – сказал ему Рэдрик. – Сопля вылетит!

Он ползал уже на коленях, собирая бумажки по одной, все ближе подбираясь к темному медному кольцу, мирно лежащему в заросшей грязью выемке в паркете, поворачиваясь так, чтобы было удобно; он все выкрикивал и выкрикивал грязные ругательства, все, какие мог вспомнить, и еще те, которые придумывал на ходу, а когда настал момент, он замолчал, напрягся, ухватился за кольцо, изо всех сил рванул его вверх, и распахнувшаяся крышка люка еще не успела грохнуться об пол, а он уже нырнул вниз головой, вытянув напряженные руки, в сырую холодную тьму винного погреба.

Он упал на руки, перекатился через голову, вскочил и, согнувшись, бросился, ничего не видя, полагаясь только на память и на удачу, в узкий проход между штабелями ящиков, на ходу дергая, раскачивая эти штабеля и слыша, как они со звоном и грохотом валятся в проход позади него; оскальзываясь, взбежал по невидимым ступенькам, всем телом вышиб обитую ржавой жестью дверь и оказался в гараже Эрнеста.

Он весь трясся и тяжело дышал, перед глазами плыли кровавые пятна, сердце тяжелыми болезненными толчками било в самое горло, но он не остановился ни на секунду. Он сразу бросился в дальний угол и, обдирая руки, принялся разваливать гору хлама, под которой в стене гаража было выломано несколько досок. Затем он лег на живот и прополз через эту дыру, слыша, как с треском рвется что–то в его пиджаке, и уже во дворе, узком как колодец, присел между мусорными контейнерами, стянул пиджак, сорвал и бросил галстук, быстро оглядел себя, отряхнул брюки, выпрямился и, пробежав через двор, нырнул в низкий вонючий тоннель, ведущий в соседний такой же двор. На бегу он прислушался, но воя патрульных сирен слышно пока не было, и он побежал еще быстрее, распугивая шарахающихся ребятишек, ныряя под развешанное белье, пролезая в дыры в сгнивших заборах, стараясь поскорее выбраться из этого квартала, пока капитан Квотерблад не успел вызвать оцепление. Он прекрасно знал эти места. Во всех этих дворах, подвалах, в заброшенных прачечных, в угольных складах он играл еще мальчишкой, везде у него здесь были знакомые и даже друзья, и при других обстоятельствах ему ничего не стоило бы спрятаться здесь и отсиживаться хоть целую неделю, но не для того он совершил "дерзкий побег из–под ареста" – из–под носа у капитана Квотерблада, разом заработав себе лишних двенадцать месяцев.

Ему здорово повезло. По седьмой улице валило горланя и пыля, очередное шествие какой–то лиги – человек двести, таких же растерзанных и неопрятных, как и он сам, и даже хуже, будто все они тоже только что продирались через лазы в заборах, опрокидывали на себя мусорные баки, да, вдобавок, еще предварительно провели бурную ночку на угольном складе. Он вынырнул из подворотни, с ходу врезался в эту толпу и наискосок, толкаясь, наступая на ноги, получая по уху и давая сдачи, продрался на другую сторону улицы и снова нырнул в подворотню – как раз в тот момент, когда впереди раздался знакомый отвратительный вой патрульных машин, и шествие остановилось, сжимаясь гармошкой. Но теперь он был уже в другом квартале, и капитан Квотерблад не мог знать, в каком именно.

Он вышел на свой гараж со стороны склада радиотоваров, и ему пришлось прождать некоторое время, пока рабочие загружали автокар огромными картонными коробками с телевизорами. Он устроился в чахлых кустах сирени перед глухой стеной соседнего дома, отдышался немного и выкурил сигарету. Он жадно курил, присев на корточки, прислонившись спиной к жесткой штукатурке брандмауэра, время от времени прикладывая руку к щеке, чтобы унять нервный тик, и думал, думал, думал, а когда автокар с рабочими, гудя, укатил в подворотню, он засмеялся и негромко сказал ему вслед: "Спасибо вам, ребята, задержали дурака... Дали подумать". С этого момента он начал действовать быстро, но без торопливости, ловко, продуманно, словно работал в зоне.

Он проник в свой гараж через тайный лаз, бесшумно убрал старое сиденье, засунул руку в корзину, осторожно достал из мешка сверток и сунул его за пазуху. Затем он снял с гвоздя старую потертую кожанку, нашел в углу замасленное кепи и обеими руками натянул его низко на лоб. Сквозь щели ворот в полутьму гаража падали узкие полосы солнечного света, полные сверкающих пылинок, во дворе весело и азартно визжали ребятишки, и уже собираясь уходить, он вдруг узнал голос дочки. Тогда он приник глазом к самой широкой щели и некоторое время смотрел, как мартышка, размахивая двумя воздушными шариками, бегает вокруг новых качелей, а три старухи соседки с вязанием на коленях сидят тут же на скамеечке и смотрят на нее, неприязненно поджав губы. Обмениваются своими паршивыми мнениями, старые кочерыжки. А ребятишки – ничего, играют с ней как ни в чем не бывало, не зря же он к ним подлизывался, как умел, – и горку деревянную сделал для них, и кукольный домик, и качели... И скамейку эту, на которой расселись старые кочерыжки, тоже он сделал. "Ладно", – сказал он одними губами, оторвался от щели, последний раз оглядел гараж и нырнул в лаз.

На юго–западной окраине города, возле заброшенной бензоколонки, что в конце горняцкой улицы, была будка телефона–автомата. Бог знает кто теперь здесь ею пользовался – вокруг были одни заколоченные дома, а дальше к югу расстилался необозримый пустырь бывшей городской свалки. Рэдрик сел в тени будки прямо на землю и засунул руку в щель под будкой. Он нащупал пыльную промасленную бумагу и рукоять пистолета, завернутого в эту бумагу; оцинкованная коробка с патронами тоже была на месте, и мешочек с "браслетами", и старый бумажник с поддельными документами – тайник был в порядке. Тогда он снял с себя кожанку и кепи и полез за пазуху.

С минуту он сидел, взвешивая на ладони фарфоровый баллончик с неодолимой и неотвратимой смертью внутри. И тут он почувствовал, как у него снова задергало щеку.

– Шухарт, – пробормотал он, не слыша своего голоса. – Что же ты, зараза, делаешь? Падаль ты, они же этой штукой всех нас передушат... – Он прижал пальцами дергающуюся щеку, но это не помогло. – Гады, – сказал он про рабочих, грузивших телевизоры на автокар. – Попались же вы мне на дороге... Кинул бы ее, стерву, обратно в зону, и концы в воду...

Он с тоской огляделся. Над потрескавшимся асфальтом дрожал горячий воздух, угрюмо глядели заколоченные окна, по пустырю бродили пылевые чертики. Он был один.

– Ладно, – сказал он решительно. – Каждый за себя, один бог за всех. На наш век хватит...

Торопливо, чтобы не передумать снова, он засунул баллон в кепи, а кепи завернул в кожанку. Потом он встал на колени и, навалившись, слегка накренил будку. Толстый сверток лег на дно ямки, и еще осталось много свободного места. Он осторожно опустил будку, покачал ее двумя руками и поднялся, отряхивая ладони.

– И все, – сказал он. – И никаких.

Он забрался в раскаленную духоту будки, опустил монету и набрал номер.

– Гута, – сказал он. – Ты, пожалуйста, не волнуйся. Я опять попался. – Ему было слышно, как она судорожно вздохнула, и он торопливо проговорил: – да ерундистика это все, месяцев шесть–восемь... И со свиданиями... Переживем. А без денег ты не будешь, деньги тебе пришлют... – она все молчала. – Завтра утром тебя вызовут в комендатуру, там увидимся. Мартышку приведи.

– Обыска не будет? – спросила она глухо.

– А хоть бы и был. Дома все чисто. Ничего, держи хвост трубой... Уши торчком, хвост пистолетом. Взяла в мужья сталкера, теперь не жалуйся. Ну, до завтра... Имей в виду, я тебе не звонил. Целую в носик.

Он резко повесил трубку и несколько секунд стоял, изо всех сил зажмурившись, стиснув зубы так, что звенело в ушах. Потом он опять бросил монетку и набрал другой номер.

– Слушаю вас, – сказал Хрипатый.

– Говорит Шухарт, – сказал Рэдрик. – Слушайте внимательно и не перебивайте...

– Шухарт? – очень натурально удивился Хрипатый. – Какой Шухарт?

– Не перебивайте, я говорю! Я попался, бежал и сейчас иду сдаваться. Мне дадут года два с половиной или три. Жена остается без денег. Вы ее обеспечите. Чтобы она ни в чем не нуждалась, понятно? Понятно, я вас спрашиваю?

– Продолжайте, – сказал Хрипатый.

– Недалеко от того места, где мы с вами в первый раз встретились, есть телефонная будка. Там она одна, не ошибетесь. Фарфор лежит под ней. Хотите – берите, хотите – нет, но жена моя чтобы ни в чем не нуждалась. Нам с вами еще работать и работать. А если я вернусь и узнаю, что вы сыграли нечисто... Я вам не советую играть нечисто. Понятно?

– Я все понял, – сказал Хрипатый. – Спасибо. – Потом, помедлив немного, спросил: – может быть, адвоката?

– Нет, – сказал Рэдрик. – Все деньги до последнего медяка жене. С приветом.

Он повесил трубку, огляделся, глубоко засунул руки в карманы брюк и неторопливо пошел вверх по горняцкой улице между пустыми, заколоченными домами.

3. Ричард Г. Нунан, 51 год, представитель поставщиков электронного оборудования при Хармонтском филиале МИВК

Ричард г. Нунан сидел за столом у себя в кабинете и рисовал чертиков в огромном блокноте для деловых заметок. При этом он сочувственно улыбался, кивал лысой головой и не слушал посетителя. Он просто ждал телефонного звонка, а посетитель, доктор Пильман, лениво делал ему выговор. Или воображал, что делает ему выговор. Или хотел заставить себя поверить, будто делает ему выговор.

– Мы все это учтем, – сказал наконец Нунан, дорисовав десятого для ровного счета чертика и захлопнув блокнот. – В самом деле, безобразие...

Валентин протянул тонкую руку и аккуратно стряхнул пепел в пепельницу.

– И что же именно Вы учтете? – вежливо осведомился он.

– А все, что Вы сказали, – весело ответил Нунан, откидываясь в кресле. – До последнего слова.

– А что я сказал?

– Это несущественно, – произнес Нунан. – Что бы Вы ни сказали, все будет учтено.

Валентин (доктор Валентин Пильман, лауреат Нобелевской премии и все такое прочее) сидел перед ним в глубоком кресле, маленький, изящный, аккуратный, на замшевой курточке – ни пятнышка, на поддернутых брюках – ни морщинки; ослепительная рубашка, строгий одноцветный галстук, сияющие ботинки, на тонких бледных губах ехидная улыбочка, огромные черные очки скрывают глаза, над широким низким лбом – черные волосы жестким ежиком.

– По–моему, Вам зря платят Ваше фантастическое жалование, сказал он. – Мало того, по–моему, вы еще и саботажник, Дик.

– Чш–ш–ш! – Произнес Нунан шепотом. – Ради бога, не так громко.

– В самом деле, – продолжал Валентин. – Я довольно давно слежу за вами: по–моему, Вы совсем не работаете...

– Одну минутку! – прервал его Нунан и помахал розовым толстым пальцем. – Как это не работаю? Разве хоть одна рекламация осталась без последствий?

– Не знаю, – сказал Валентин и снова стряхнул пепел. – Приходит хорошее оборудование, приходит плохое оборудование. Хорошее приходит чаще, а при чем здесь Вы – не знаю.

– А вот если бы не я, – возразил Нунан, – хорошее приходило бы реже. Кроме того, Вы, ученые, все время портите хорошее оборудование, а потом заявляете рекламации, и кто Вас тогда покрывает? Вот, например...

Зазвонил телефон, и Нунан, сразу забыв о Валентине, схватил трубку.

– Мистер Нунан? – спросила секретарша. – Вас снова господин Лемхен.

– Соединяйте.

Валентин поднялся, положил потухший окурок в пепельницу, в знак прощания пошевелил у виска двумя пальцами и вышел – маленький, прямой, складный.

– Мистер Нунан? – Раздался в трубке знакомый медлительный голос.

– Слушаю Вас.

– Не легко застать Вас на рабочем месте, мистер Нунан.

– Пришла новая партия...

– Да, я уже знаю. Мистер Нунан, я приехал ненадолго. Есть несколько вопросов, которые необходимо обсудить при личной встрече. Имеются в виду последние контракты "Мицубиси Дэнси". Юридическая сторона.

– К Вашим услугам.

– Тогда, если Вы не возражаете, минут через тридцать в конторе нашего отделения. Вас устраивает?

– Вполне. Через тридцать минут.

Ричард Нунан положил трубку, поднялся и, потирая пухлые руки, прошелся по кабинету. Он даже запел какой–то модный шлягер, но тут же пустил петуха и добродушно засмеялся над собой. Затем он взял шляпу, перекинул через руку плащ и вышел в приемную.

– Детка, – сказал он секретарше, – меня понесло по клиентам. Оставайтесь командовать гарнизоном, удерживайте, как говорится, крепость, а я Вам принесу шоколадку.

Секретарша расцвела. Нунан послал ей воздушный поцелуй и покатился по коридорам института. Несколько раз его пытались поймать за полу – он увертывался, отшучивался, просил удерживать без него позиции, беречь почки, не напрягаться, и в конце концов, так никем и не уловленный, выкатился из здания, привычно взмахнув нераскрытым пропуском перед носом дежурного сержанта.

Над городом висели низкие тучи, парило, первые неуверенные капли черными звездочками расплывались на асфальте. Накинув плащ на голову и плечи, Нунан рысцой побежал вдоль шеренги машин к своему "пежо", нырнул внутрь и, сорвав с головы плащ, бросил его на заднее сиденье. Из бокового кармана пиджака он извлек черную круглую палочку "этака", вставил ее в аккумуляторное гнездо и задвинул большим пальцем до щелчка. Потом, поерзав задом, он поудобнее устроился за рулем и нажал педаль. "Пежо" беззвучно выкатился на середину улицы и понесся к выходу из предзонника.

Дождь хлынул внезапно, разом, как будто в небесах опрокинули чан с водой. Мостовая сделалась скользкой, машину заносило на поворотах. Нунан запустил дворники и снизил скорость. Итак, рапорт получен, думал он. Сейчас нас будут хвалить. Что ж, я – за. Я люблю, когда меня хвалят. Особенно когда хвалит сам господин Лемхен, через силу. Странное дело, почему это нам нравится, когда нас хвалят? Денег от этого не прибавится. Славы? Какая у нас может быть слава? "Он прославился: теперь о нем знали трое". Ну, скажем, четверо, если считать Бейлиса. Забавное существо человек!.. Похоже, мы любим похвалу как таковую. Как детишки – мороженое. И очень глупо. Как я могу подняться в собственных глазах? Что я – сам себя не знаю? Старого толстого Ричарда Г. Нунана? А кстати, что такое это "Г"? Вот тебе и на! И спросить не у кого... Не у господина же Лемхена спрашивать... А, вспомнил! Герберт. Ричард Герберт Нунан. Ну и льет!

Он вывернул на центральный проспект и вдруг подумал: До чего сильно вырос городишко за последние годы!.. Экие небоскребы отгрохали... Вот еще один строят. Это что же у нас будет? А, Луна–комплекс – лучшие в мире джазы, и варьете, и прочее – все для нашего доблестного гарнизона и для наших храбрых туристов, особенно пожилых, и для благородных рыцарей науки... А окраины пустеют.

Да, хотел бы я знать, чем все это кончится. Между прочим, десять лет назад я совершенно точно знал, чем все это должно кончиться. Непреодолимые кордоны. Пояс пустоты шириной в пятьдесят километров. Ученые и солдаты, больше никого. Страшная язва на теле планеты заблокирована намертво... И ведь надо же, вроде бы и все так считали, не только я. Какие произносились речи, какие вносились законопроекты!.. А теперь вот уже даже и не вспомнишь, каким образом эта всеобщая стальная решимость расплылась вдруг киселем. "С одной стороны – нельзя не признать, а с другой стороны – нельзя не согласиться". А началось это, кажется, когда сталкеры вынесли из зоны первые "этаки". Батарейки... Да, кажется, с этого и началось. Особенно когда открылось, что они размножаются. Язва оказалась не такой уж и язвой, и даже не язвой вовсе, а вроде бы сокровищницей... А теперь уже никто и не знает, что это такое – язва ли, сокровищница, адский соблазн, шкатулка Пандоры, черт, дьявол... Пользуются помаленьку. Двадцать лет пыхтят, миллиарды ухлопали, а организованного грабежа наладить так и не смогли. Каждый делает свой маленький бизнес, а ученые лбы с важным видом вещают: с одной стороны – нельзя не признать, а с другой стороны – нельзя не согласиться, поскольку обьект такой–то, будучи облучен рентгеном под углом восемнадцать градусов, испускает квазитепловые электроны под углом двадцать два градуса... К дьяволу! Все равно до самого конца мне не дожить...

Машина катилась мимо особняка Стервятника Барбриджа. Во всех окнах по случаю проливного дождя горел свет – видно было, как в окнах второго этажа, в комнатах красотки Дины, движутся танцующие пары. Не то спозаранку начали, не то со вчерашнего никак кончить не могут. Мода такая пошла по городу – сутками напролет. Крепких мы вырастили молодцов, выносливых и упорных в своих намерениях...

Нунан остановил машину перед невзрачным зданием с неприметной вывеской – "Юридическая контора Корш, Корш и Саймак". Он вынул и спрятал в карман "этак", снова натянул на голову плащ, подхватил шляпу и опрометью бросился в парадное – мимо швейцара, углубленного в газету, по лестнице, покрытой потертым ковром, застучал каблуками по темному коридору второго этажа, пропитанному специфическим запахом, природу которого он в свое время напрасно тщился выяснить, распахнул дверь в конце коридора и вошел в приемную. На месте секретарши сидел незнакомый, очень смуглый молодой человек. Он был без пиджака, рукава сорочки засучены. Он копался в потрохах какого–то сложного электронного устройства, установленного на столике вместо пишущей машинки. Ричард Нунан повесил плащ и шляпу на гвоздик, обеими руками пригладил остатки волос за ушами и вопросительно взглянул на молодого человека. Тот кивнул. Тогда Нунан открыл дверь в кабинет.

Господин Лемхен грузно поднялся ему навстречу из большого кожаного кресла, стоявшего у завешенного портьерой окна. Прямоугольное генеральское лицо его собралось в складки, означающие не то приветливую улыбку, не то скорбь по поводу дурной погоды, а может быть, с трудом обуздываемое желание чихнуть.

– Ну вот и Вы, – медлительно проговорил он. – Входите, располагайтесь.

Нунан поискал взглядом где бы расположиться, и не обнаружил ничего, кроме жесткого стула с прямой спинкой, упрятанного за стол. Тогда он присел на край стола. Веселое настроение его начало почему–то улетучиваться – он и сам не понимал еще, почему. Вдруг ему стало ясно, что хвалить его не будут. Скорее наоборот. День гнева, философически подумал он и приготовился к худшему.

– Закуривайте, – предложил господин Лемхен, снова опускаясь в кресло.

– Спасибо, не курю.

Господин Лемхен покивал головой с таким видом, словно подтвердились самые дурные его предположения, соединил перед лицом кончики пальцев обеих рук и некоторое время внимательно разглядывал образовавшуюся фигуру.

– Полагаю, юридические дела фирмы "Мицубиси Дэнси" мы обсуждать с Вами не будем, – проговорил он наконец.

Это была шутка. Ричард Нунан с готовностью улыбнулся и сказал:

– Как Вам будет угодно!

Сидеть на столе было чертовски неудобно, ноги не доставали до полу.

– С сожалением должен сообщить Вам, Ричард, – сказал господин Лемхен. – Что Ваш рапорт произвел наверху чрезвычайно благоприятное впечатление.

– Гм... – произнес Нунан. Начинается, подумал он. – Вас даже собирались представить к ордену, – продолжал господин Лемхен, однако я предложил повременить. И правильно сделал. – Он наконец оторвался от созерцания фигуры из десяти пальцев и посмотрел исподлобья на Нунана. – Вы спросите меня, почему я проявил такую, казалось бы, чрезмерную осторожность.

– Наверное, у Вас были к тому основания, – скучным голосом сказал Нунан.

– Да, были. Что получалось из вашего рапорта, Ричард? Группа "Метрополь" ликвидирована. Вашими усилиями. Группа "Зеленый цветочек" взята с поличным в полном составе. Блестящая работа. Тоже Ваша. Группы "Варр", "Квазимодо", "Странствующие музыканты" и все прочие, я не помню их названий, самоликвидировались, осознав, что не сегодня–завтра их накроют. Это все на самом деле так и было, все подтверждается перекрестной информацией. Поле боя очистилось.

Оно осталось за Вами, Ричард. Противник в беспорядке отступил, понеся большие потери. Я верно изложил ситуацию?

– Во всяком случае, – осторожно начал Нунан, – последние три месяца утечка материалов из зоны через Хармонт прекратилась... По крайней мере по моим сведениям, – добавил он.

– Противник отступил, не так ли?

– Ну, если Вы настаиваете именно на этом выражении... Так.

– Не так! – сказал господин Лемхен. – Дело в том, что этот противник никогда не отступает. Я это знаю твердо. Поспешив с победным рапортом, Ричард, Вы продемонстрировали незрелость. Именно поэтому я предложил воздержаться от немедленного представления Вас к награде.

Да провались они, твои награды, думал Нунан, раскачивая ногой и угрюмо глядя на мелькающий носок ботинка. В паутину, на чердак я твои награды вешал! Тоже мне моралист, воспитатель, – я и без тебя знаю, с кем я здесь имею дело, нечего мне морали читать, какой у меня противник. Скажи просто и ясно: где, как и что я прошлепал... Что эти негодяи откололи еще... Где, как и какие нашли щели... И без предисловий, я тебе не приготовишка сопливый, мне уже за полста перевалило, и я тебе здесь не ради твоих орденов сижу...

– Что Вы слышали о золотом шаре? – спросил вдруг господин Лемхен.

Господи, с раздражением подумал Нунан, золотой–то шар здесь при чем? Провалился бы ты с твоей манерой разговаривать...

– Золотой шар есть легенда, – скучным голосом доложил он. Мифическое сооружение в зоне, имеющее форму и вид некоего золотого шара, предназначенное для исполнения человеческих желаний.

– Любых?

– В соответствии с каноническим текстом легенды – любых. Существуют, однако, варианты...

– Так, – произнес господин Лемхен. – А что Вы слышали о "смерть лампе"?

– Восемь лет назад, – скучным голосом затянул Нунан, – сталкер по имени Стефан Норман, по кличке Очкарик, вынес из зоны некое устройство, представляющее собою, насколько можно судить, нечто вроде системы излучателей, смертоносно действующих на земные организмы. Упомянутый Очкарик предлагал этот агрегат институту. В цене они не сошлись, Очкарик ушел в зону и не вернулся. Где находится агрегат в настоящее время – неизвестно. В институте до сих пор рвут на себе волосы. Известный Вам Хью из "Метрополя" предлагал за этот агрегат любую сумму, какая уместится на листке чековой книжки.

– Все? – спросил господин Лемхен.

– Все, – ответил Нунан. Он демонстративно оглядывал комнату. Комната была скучная, смотреть было не на что.

– Так, – сказал Лемхен. – А что вы слышали о "рачьем глазе"?

– О каком глазе?

– О рачьем. Рак. Знаете? – Господин Лемхен постриг воздух двумя пальцами. – С клешнями.

– В первый раз слышу, – сказал Нунан, нахмурившись.

– Ну а что Вы знаете о "гремучих салфетках"?

Нунан слез со стола и встал перед Лемхеном, засунув руки в карманы.

– Ничего не знаю, – сказал он. – А Вы?

– К сожалению, я тоже ничего не знаю. Ни о "рачьем глазе", ни о "гремучих салфетках". А между тем они существуют.

– В моей зоне? – спросил Нунан.

– Вы сядьте, сядьте, – сказал господин Лемхен, помахивая ладонью. – Наш разговор только начинается. Сядьте.

Нунан обогнул стол и уселся на жесткий стул с высокой спинкой.

Куда гнет? – лихорадочно думал он. Что еще за новости? Наверное, нашли что–нибудь в других зонах, а он меня разыгрывает, скотина. Всегда он меня не любил, старый черт, не может забыть того стишка...

– Продолжим наш маленький экзамен, – объявил Лемхен, отогнул портьеру и выглянул в окно. – Льет, – сообщил он. – Люблю. – Он отпустил портьеру, откинулся в кресле и, глядя в потолок, спросил: – Как поживает старый Барбридж?

– Барбридж? Стервятник Барбридж под наблюдением. Калека, в средствах не нуждается. С зоной не связан. Содержит четыре бара, танцкласс и организует пикники для офицеров гарнизона и туристов. Дочь, Дина, ведет рассеянный образ жизни. Сын, Артур, только что окончил юридический колледж.

Господин Лемхен удовлетворенно покивал.

– Отчетливо, – похвалил он. – А что поделывает Креон Мальтиец?

– Один из немногих действующих сталкеров. Был связан с группой "Квазимодо", теперь сбывает хабар институту, через меня. Я держу его на свободе: когда–нибудь кто–нибудь клюнет. Правда, последнее время он сильно пьет и, боюсь, долго не протянет.

– Контакты с Барбриджем?

– Ухаживает за Диной. Успеха не имеет.

– Очень хорошо, – сказал господин Лемхен. – А что слышно о Рыжем Шухарте?

– Месяц назад вышел из тюрьмы. В средствах не нуждается. Пытался эмигрировать, но у него... – Нунан помолчал. – Словом, у него семейные неприятности. Ему сейчас не до зоны.

– Все?

– Все.

– Немного, – сказал господин Лемхен. А как обстоят дела у Счастливчика Картера?

– Он уже много лет не сталкер. Торгует подержанными автомобилями, и потом у него мастерская по переоборудованию автомашин на питание от "этаков". Четверо детей, жена умерла год назад. Теща. Лемхен покивал.

– Ну кого из стариков я еще забыл? – добродушно осведомился он.

– Вы забыли Джонатана Майлза по прозвищу Кактус. Сейчас он в больнице, умирает от рака. И вы забыли Гуталина...

– Да–да, что Гуталин?

– Гуталин все тот же, – сказал Нунан. – У него группа из трех человек. Неделями пропадают в зоне. Все, что находят, уничтожают на месте. А его общество воинствующих ангелов распалось.

– Почему?

– Ну, как Вы помните, они занимались тем, что скупали хабар, и Гуталин относил его обратно в зону. Дьяволово дьяволу. Теперь скупать стало нечего, а кроме того, новый директор филиала натравил на них полицию.

– Понимаю, – сказал господин Лемхен. – Ну а молодые?

– Что же, молодые... Приходят и уходят, есть человек пять–шесть с кое–каким опытом, но последнее время им некому сбывать хабар, и они растерялись. Я их понемножку приручаю... Полагаю, шеф, что со сталкерством в моей зоне практически покончено. Старики сошли, молодежь ничего не умеет, да и престиж ремесла уже не тот, что раньше. Идет техника, сталкеры–автоматы.

– Да–да, я слыхал об этом, – сказал господин Лемхен. – Однако эти автоматы не оправдывают пока и той энергии, которую потребляют. Или я ошибаюсь?

– Это вопрос времени. Скоро начнут оправдывать.

– Как скоро?

– Лет через пять–шесть...

Господин Лемхен снова покивал.

– Между прочим, Вы, наверное, еще не знаете, противник тоже стал применять сталкеры–автоматы.

– В моей зоне? – повторил Нунан, насторожившись.

– И в Вашей тоже. У Вас они базируются на Рексополис, перебрасывают оборудование на вертолетах через горы в Змеиное ущелье, на Черное озеро, к подножию пика Болдер...

– Так ведь это же периферия, – сказал Нунан недоверчиво. – Там пусто, что они там могут найти?

– Мало, очень мало. Но находят. Впрочем, это я для справки, это Вас на касается... Резюмируем. Сталкеров–профессионалов в Хармонте почти не осталось. Те, что остались, к зоне больше отношения не имеют. Молодежь растерянна и находится в процессе приручения. Противник разбит, отброшен, залег где–то и зализывает раны. Хабара нет, а когда он появляется, его некому сбывать. Незаконная утечка материалов из Хармонтской зоны уже три месяца как прекратилась. Так?

Нунан молчал. Сейчас, думал он. Сейчас он мне врежет. Но где же у меня дыра? И здоровенная, видно, пробоина. Ну, давай, давай, старая морковка!.. Не тяни душу...

– Не слышу ответа, – произнес господин Лемхен и приложил ладонь к морщинистому волосатому уху.

– Ладно, шеф, – мрачно сказал Нунан. – Хватит. Вы меня уже сварили и изжарили, подавайте на стол.

Господин Лемхен неопределенно хмыкнул.

– Вам даже нечего мне сказать, – проговорил он с неожиданной горечью. – Ушами вот хлопаете перед начальством, а каково же было мне, когда позавчера... – он вдруг оборвал себя, поднялся и побрел по кабинету к сейфу. – Короче говоря, за последние два месяца, только по имеющимся сведениям, комплексы противника получили свыше шести тысяч единиц материала из различных зон. – он остановился около сейфа, погладил его по крашеному боку и резко повернулся к Нунану. – Не тешьте себя иллюзиями! – заорал он. – Отпечатки пальцев Барбриджа! Отпечатки пальцев Мальтийца! Отпечатки пальцев Носатого Бенгалеви, о котором Вы даже не сочли нужным упомянуть! Отпечатки пальцев Гундосого Гереша и Карлика Цмыга! Так–то вы приручаете вашу молодежь! "Браслеты"! "Иголки"! "Белые вертячки"! И мало того – какие–то "рачьи глаза", какие–то "сучьи погремушки", "гремучие салфетки", черт бы их подрал! – он снова оборвал себя, вернулся в кресло, опять соединил пальцы и вежливо спросил: – Что Вы об этом думаете, Ричард?

Нунан вытащил носовой платок и вытер шею и затылок.

– Ничего не думаю, – просипел он честно. – Простите, шеф, я сейчас вообще... Дайте отдышаться... Барбридж! Барбридж не имеет никакого отношения к зоне! Я знаю каждый его шаг! Он устраивает попойки и пикники на озерах, он зашибает хорошие деньги, и ему просто не нужно... Простите, я чепуху, конечно, говорю, но уверяю Вас, я не теряю Барбриджа из виду с тех пор, как он вышел из больницы...

– Я Вас больше не задерживаю, – сказал господин Лемхен. – Даю неделю сроку. Представьте соображения, каким образом материалы из Вашей зоны попадают в руки Барбриджа... И всех прочих. До свидания!

Нунан поднялся, неловко кивнул профилю господина Лемхена и, продолжая вытирать платком обильно потеющую шею, выбрался в приемную. Смуглый молодой человек курил, задумчиво глядя в недра развороченной электроники. Он мельком посмотрел в сторону Нунана – глаза у него были пустые, обращенные внутрь.

Ричард Нунан кое–как нахлобучил шляпу, схватил плащ под мышку и пошел вон. Такого со мной, пожалуй, еще не бывало, – беспорядочно думал он. Надо же – Носатый Бен–Галеви! Кличку уже успел заработать... Когда? Этакий мальчишка, соплей перешибить можно... Нет, все это не то... Ах ты, животина безрогая, Стервятник! Как же ты меня уел! Без штанов ведь пустил, как маленького... Как же это могло случиться? Этого же просто не могло случиться! Прямо как тогда, в Сингапуре, – мордой об стол, затылком об стену...

Он сел в автомобиль и некоторое время, ничего не соображая, шарил по щитку в поисках ключа зажигания. Со шляпы текло на колени, он снял ее и, не глядя, швырнул за спину. Дождь заливал переднее стекло, и Ричарду Нунану представлялось почему–то, что именно из–за этого он никак не может понять, что же делать дальше. Осознав это, он с размаху стукнул себя кулаком в лысый лоб. Полегчало. Сразу вспомнилось, что ключа зажигания нет и быть не может, а есть в кармане "этак". Вечный аккумулятор. И надо его вытащить из кармана, чтоб ты треснул, и вставить в приемное гнездо, и тогда можно будет по крайней мере куда–нибудь поехать – подальше от этого дома, где из окна за ним наверняка наблюдает эта старая брюква...

Рука Нунана с "этаком" замерла на полпути. Так. С кого начать – я по крайней мере знаю. Вот с него и начну. Ох как я с него начну! Никто ни с кого никогда так не начинал, как начну с него я сейчас. И с таким удовольствием. Он включил дворники и погнал машину вдоль бульвара, почти никого не видя перед собой, но уже понемногу успокаиваясь. Ничего. Пусть как в Сингапуре. В конце концов в Сингапуре ведь все кончилось благополучно... Подумаешь, разок мордой об стол! Могло быть и хуже. Могло быть не мордой и не об стол, а об что–нибудь с гвоздями... Ладно, не будем отвлекаться. Где тут мое заведеньице? Не видно ни черта... Ага, вот оно.

Время было неурочное, но заведение "Пять минут" сияло огнями, что твой "Метрополь". Отряхиваясь, как собака на берегу, Ричард Нунан вступил в ярко освещенный холл, провонявший табаком, парфюмерией и прокисшим шампанским. Старый Бенни, еще без ливреи, сидел за стойкой наискосок от входа и что–то жрал, держа вилку в кулаке. Перед ним, расположив среди пустых бокалов чудовищный бюст, возвышалась мадам – пригорюнясь, смотрела, как он ест. В холле еще даже не убирали после вчерашнего. Когда Нунан вошел, мадам сейчас же повернула в его сторону широкое наштукатуренное лицо, сначала недовольное, но тут же расплывшееся в профессиональной улыбке.

– Хо! – пробасила она. – Никак сам господин Нунан! По девочкам соскучились?

Бенни продолжал жрать, он был глух как пень.

– Привет, старушка! – отозвался Нунан, подходя. – Зачем мне девочки, когда передо мной настоящая женщина?

Бенни наконец заметил его. Страшная маска, вся в синих и багровых шрамах, с натугой перекосилась в приветливой улыбке.

– Здравствуйте, хозяин! – прохрипел он. – Обсушиться зашли?

Нунан улыбнулся в ответ и сделал ручкой. Он не любил разговаривать с Бенни: все время приходилось орать.

– Где мой управляющий, ребята? – спросил он.

– У себя, – ответила мадам. – Завтра налоги платить.

– Ох уж эти налоги! – сказал Нунан. – Ладно. Мадам, попрошу приготовить мое любимое, я скоро вернусь.

Бесшумно ступая по толстому синтетическому ковру, он прошел по коридору мимо задернутых портьерами стойл – на стенке возле каждого стойла красовалось изображение какого–нибудь цветка, – свернул в неприметный тупичок и без стука открыл обшитую кожей дверь.

Мосол Катюша восседал за столом и рассматривал в зеркальце зловещую болячку на носу. Плевать ему было, что завтра налоги платить. На совершенно пустом столе перед ним стояла баночка с ртутной мазью и стакан с прозрачной жидкостью. Мосол Катюша поднял на Нунана налитые кровью глаза и вскочил, уронив зеркальце. Не говоря ни слова, Нунан опустился в кресло напротив и некоторое время молча рассматривал прохвоста и слушал, как тот невнятно бормочет что–то насчет проклятого дождя и ревматизма. Потом он сказал:

– Закрой–ка дверь на ключ, голубчик.

Мосол, плоскостопо бухая ножищами, подбежал к двери, щелкнул ключом и вернулся к столу. Он волосатой горой возвышался над Нунаном, преданно глядя ему в рот. Нунан все рассматривал его через прищуренные веки. Почему–то он вдруг вспомнил, что настоящее имя Мосла Катюши – Рафаэль. Мослом его прозвали за чудовищные костлявые кулаки, сизо–красные и голые, торчащие из густой шерсти, покрывавшей его руки, словно из манжет. Катюшей же он называл себя сам в полной уверенности, что это традиционное имя великих монгольских царей. Рафаэль. Ну что ж, Рафаэль, начнем.

– Как дела? – спросил он ласково.

– В полном порядке, босс, – поспешно ответствовал Рафаэль Мосол.

– Тот скандал уладил в комендатуре?

– Сто пятьдесят монет выложил. Все довольны.

– Сто пятьдесят с тебя, – сказал Нунан. – Твоя вина, голубчик. Надо было следить.

Мосол сделал несчастное лицо и с покорностью развел огромные ладони.

– Паркет в холле надо бы перестелить, – сказал Нунан.

– Будет сделано.

Нунан помолчал, топорща губы.

– Хабар? – спросил он, понизив голос.

– Есть немножко, – тоже понизив голос, произнес Мосол.

– Покажи.

Мосол кинулся к сейфу, достал сверток, положил его на стол перед Нунаном и развернул. Нунан одним пальцем покопался в кучке "черных брызг", взял "браслет", оглядел его со всех сторон и положил обратно.

– Это все? – спросил он.

– Не несут, – виновато сказал Мосол.

– Не несут... – повторил Нунан.

Он тщательно прицелился и изо всех сил пнул носком ботинка Мослу в голень. Мосол охнул, пригнулся было, чтобы схватиться за ушибленное место, но тут же снова выпрямился и вытянул руки по швам. Тогда Нунан вскочил, отшвырнул кресло, схватил Мосла за воротник сорочки и пошел на него, лягаясь, вращая глазами и шепча ругательства. Мосол, ахая и охая, задирая голову, как испуганная лошадь, пятился от него до тех пор, пока не рухнул на диван.

– На две стороны работаешь, стерва? – шипел Нунан прямо в его белые от ужаса глаза. – Стервятник в хабаре купается, а ты мне бусики в бумажечке подносишь?.. Он развернулся и ударил Мосла по лицу, стараясь зацепить нос с болячкой. – В тюрьме сгною! В навозе у меня жить будешь... Сухари жрать будешь... Жалеть будешь, что на свет родился! – он снова с размаху ткнул кулаком в болячку. – Откуда у Барбриджа хабар? Почему ему несут, а тебе нет? Кто несет? Почему я ничего не знаю? Ты на кого работаешь, свинья волосатая? Говори!

Мосол беззвучно открывал и закрывал рот. Нунан отпустил его, вернулся в кресло и задрал ноги на стол.

– Ну? – сказал он.

Мосол с хлюпаньем втянул носом кровь и сказал:

– Ей–богу, босс... Чего Вы? Какой у Стервятника хабар? Нет у него никакого хабара. Нынче ни у кого хабара нету...

– Ты что – спорить со мной будешь? – ласково спросил Нунан, снимая ноги со стола.

– Да нет, босс... Ей–богу... – Заторопился Мосол. – Да провалиться мне! Какое там спорить! И в мыслях этого нету...

– Вышвырну я тебя, – мрачно произнес Нунан. – Работать не умеешь. На кой черт ты мне, такой–сякой, сдался? Я таких, как ты, на четвертак десяток наберу. Мне настоящий человек нужен при деле.

– Погодите, босс, – рассудительно сказал Мосол, размазывая кровь по лицу. – Что это Вы сразу, с налету?.. Давайте все–таки разберемся... – он осторожно потрогал болячку кончиком пальца. Хабара, говорите, много у Барбриджа? Не знаю. Извиняюсь, конечно, но это Вам кто–то соврал.

Ни у кого сейчас хабара нет. В зону ведь одни сопляки ходят, так они же не возвращаются. Нет, босс, это Вам кто–то врет...

Нунан искоса следил за ним. Было похоже, что Мосол действительно ничего не знает. Да ему и не выгодно было лгать – на Стервятнике много не заработаешь.

– Эти пикники – выгодное дело? – спросил он.

– Пикники? Да не так чтобы очень. Лопатой не загребешь... Так ведь сейчас в городе выгодных дел не осталось...

– Где эти пикники устраиваются?

– Устраиваются где? Так в разных местах. У Белой горы, на Горячих источниках бывают, на Радужных озерах...

– А какая клиентура?

– Клиентура какая? – Мосол шмыгнул носом, поморгал и сказал доверительно: – Если Вы, босс, хотите сами за это дело взяться, я бы Вам не советовал. Против Стервятника Вам здесь не посветит.

– Это почему же?

– У Стервятника клиентура: голубые каски – раз. – Мосол принялся загибать пальцы. – Офицеры из комендатуры – два, туристы из "Метрополя", из "Белой лилии", из "Пришельца"... Это три. Потом у него уже реклама поставлена, местные ребята тоже к нему ходят... Ей–богу, босс, не стоит с этим связываться. За девочек он нам платит – не то чтобы богато...

– Местные тоже к нему ходят?

– Молодежь, в основном.

– Ну и что там, на пикниках, делается?

– Делается что? Едем туда на автобусах, так? Там уже палаточки, буфетик, музычка... Ну и каждый развлекается, как хочет. Офицеры больше с девочками, туристы прутся на зону смотреть – ежели у горячих источников, то до зоны там рукой подать, прямо за серной расщелиной... Стервятник туда им лошадиных костей накидал, вот они и смотрят в бинокли...

– А местные?

– Местные? Местным это, конечно, не интересно... Так, развлекаются, кто как умеет...

– А Барбридж?

– Так, а что Барбридж? Как все, так и Барбридж...

– А ты?

– А что – я? Как все, так и я. Смотрю, чтобы девочек не обижали, и... Это... Ну, там... Ну, как все, в общем.

– И сколько это все продолжается?

– Когда как. Когда трое суток, а когда и всю неделю.

– И сколько это удовольствие стоит? – спросил Нунан, думая совсем о другом. Мосол ответил что–то, Нунан его не слышал. Вот она, прореха, думал он. Несколько суток... Несколько ночей. В этих условиях просто невозможно проследить за Барбриджем, даже если ты специально задался этой целью. И все–таки ничего не понятно. Он же безногий, а там расщелина... Нет, тут что–то не то...

– Кто из местных ездит постоянно?

– Из местных? Так я ж говорю – больше молодежь. Ну там Галеви, Ражба... Куренок Цапфа... Этот Цмыг... Ну, Мальтиец бывает. Теплая компания. Они это дело называют "Воскресная школа". Что, говорят, посетим "Воскресную школу"? Они там в основном насчет пожилых туристок, неплохо зарабатывают. Прикатит какая–нибудь старуха из Европы...

– "Воскресная школа", – повторил Нунан.

Какая–то странная мысль появилась вдруг у него. Школа. Он поднялся.

– Ладно, – сказал он. – Бог с ними, с пикниками. Это не для нас. Но чтоб ты знал: у Стервятника есть хабар, а это уже наше дело, голубчик. Это мы просто так оставить не можем. Ищи, Мосол, ищи, а то выгоню я тебя к чертям собачьим. Откуда он берет хабар, кто ему доставляет, – выясни все и давай на двадцать процентов больше, чем он. Понял?

– Понял, босс. – Мосол уже тоже стоял, руки по швам, на измазанной морде – преданность.

– Да поворачивайся! Мозгами шевели, животное! – заорал вдруг Нунан и вышел.

В холле у стойки он неспешно распил свой аперитив, побеседовал с мадам насчет падения нравов, намекнул, что в ближайшем будущем намерен расширить заведение, и, понизив голос для значительности, посоветовался, как быть с Бенни, – стар становится мужик, слуха нет, реакция уже не та, не поспевает, как раньше... Было уже шесть часов, хотелось есть, а в мозгу все сверлила, все крутилась неожиданная мыслишка, ни с чем не сообразная и в то же время многое обьясняющая. Впрочем, и так уже кое–что обьяснилось, исчез с этого дела раздражаюший и пугающий налет мистики, осталась только досада на себя, что раньше не подумал о такой возможности, но главное–то было не в этом, главное было в этой мыслишке, которая все крутилась и крутилась и не давала покоя. Попрощавшись с мадам и пожав руку Бенни, Нунан поехал прямиком в "Боржч". Вся беда в том, что мы не замечаем, как проходят годы, думал он. Плевать на годы – мы не замечаем, как все меняется. Мы знаем, что все меняется, нас с детства учат, что все меняется, мы много раз видели своими глазами, как все меняется, и в то же время мы совершенно не способны заметить тот момент, когда происходит изменение, или ищем изменение не там, где следовало бы. Вот уже появились новые сталкеры – оснащенные кибернетикой. Старый сталкер был грязным, угрюмым человеком, который со звериным упорством, миллиметр за миллиметром, полз на брюхе по зоне, зарабатывая себе куш. Новый сталкер – это франт при галстуке, инженер, сидит где–нибудь в километре от зоны, в зубах сигаретка, возле локтя – стакан с бодрящей смесью, сидит себе и смотрит за экранами. Джентельмен на жалование. Очень логичная картина. До того логичная, что все остальные возможности просто на ум не приходят. А ведь есть и другие возможности – "Воскресная школа", например.

И вдруг, вроде бы ни с того ни с сего, он ощутил отчаяние. Все было бесполезно. Все было зря. Боже мой, подумал он, ведь ничего же у нас не получится! Не удержать, не остановить! Никаких сил не хватит удержать в горшке эту квашню, подумал он с ужасом. Не потому, что мы плохо работаем. И не потому, что они хитрее и ловчее нас. Просто мир у нас тут такой. И человек в этом нашем мире такой. Не было бы посещения – было бы что–нибудь другое. Свинья грязи найдет...

В "Боржче" было много света и очень вкусно пахло. "Боржч" тоже изменился – ни тебе танцев, ни тебе веселья. Гуталин теперь сюда не ходит, брезгует, и Рэдрик Шухарт, наверное, сунул сюда нос свой конопатый, покривился и ушел. Эрнест все еще в тюрьме, заправляет делами его старуха, дорвалась: солидная постоянная клиентура, весь институт сюда ходит обедать, да и старшие офицеры уютные кабинки, готовят вкусно, берут недорого, пиво всегда свежее. Добрая старая харчевня.

В одной из кабинок Нунан увидел Валентина Пильмана. Лауреат сидел за чашечкой кофе и читал сложенный пополам журнал. Нунан подошел.

– Разрешите соседствовать? – спросил он.

Валентин поднял на него черные окуляры.

– А, – сказал он. – Прошу.

– Сейчас, только руки помою, – сказал Нунан, вспомнив вдруг болячку.

Здесь его хорошо знали. Когда он вернулся и сел напротив Валентина, на столе уже стояла маленькая жаровня с дымящимся шураско и высокая кружка пива – не холодного и не теплого, как он любил. Валентин отложил журнал и пригубил кофе.

– Слушайте, Валентин, – сказал Нунан, отрезая кусочек мяса. Как Вы думаете, чем все это кончится?

– Вы о чем?

– Посещение, зоны, сталкеры, военно–промышленные комплексы вся эта куча... Чем все это может кончиться?

Валентин долго смотрел на него слепыми черными стеклами. Потом он закурил сигарету и сказал:

– Для кого? Конкретизируйте.

Ну, скажем, для нашей части планеты.

– Это зависит от того, повезет нам или нет, – сказал Валентин. – Мы теперь знаем, что для нашей части планеты посещение прошло, в общем, бесследно. Конечно, не исключено, что, таская наугад каштаны из этого огня, мы в конце концов вытащим что–нибудь такое, из–за чего жизнь не только у нас, но и на всей планете станет просто невозможной. Это будет невезенье. Однако, согласитесь, это всегда грозило человечеству. – он разогнал дым сигареты ладонью и усмехнулся. – Я, видите ли, давно уже отвык рассуждать о человечестве в целом. Человечество в целом – слишком стационарная система, ее ничем не проймешь.

– Вы так думаете? – разочарованно произнес Нунан. – Что ж, может быть и так...

– Скажите по чести, Ричард, – явно развлекаясь, сказал Валентин. – Вот для Вас, дельца, что изменилось с посещением? Вот Вы узнали, что во Вселенной есть еще по крайней мере один разум помимо человеческого. Ну и что?

– Да как вам сказать? – промямлил Нунан. Он уже жалел, что затеял этот разговор. Не о чем здесь было разговаривать. – Что для меня изменилось?.. Например, вот уже много лет я ощущаю некоторое неудобство, неуютность какую–то. Хорошо, они пришли и сразу ушли. А если они придут снова и им взбредет в голову остаться? Для меня, для дельца, это, знаете ли, не праздный вопрос: кто они, как они живут, что им нужно?.. В самом примитивном варианте я вынужден думать, как мне изменить производство. Я должен быть готов. А если я вообще окажусь ненужным в их системе? – он оживился. – А если мы все окажемся ненужными? Слушайте, Валентин, раз уж к слову пришлось, существуют какие–нибудь ответы на эти вопросы? Кто они, что им было нужно, вернутся или нет?..

– Ответы существуют, – сказал Валентин, усмехаясь. – Их даже очень много, выбирайте любой.

– А сами Вы что считаете?

– Откровенно говоря, я никогда не позволял себе размышлять об этом серьезно. Для меня посещение – это прежде всего уникальное событие, чреватое возможностью перепрыгнуть сразу через несколько ступенек в процессе познания. Что–то вроде путешествия в будущее технологии. Н–ну, как если бы в лабораторию к Исааку Ньютону попал современный квантовый генератор...

– Ньютон бы ничего не понял.

– Напрасно Вы так думаете! Ньютон был очень проницательный человек.

– Да? Ну ладно, бог с ним, с Ньютоном. А как Вы все–таки толкуете посещение? Пусть даже несерьезно...

– Хорошо, я Вам скажу. Только я должен предупредить Вас, Ричард, что Ваш вопрос находится в компетенции псевдонауки под названием ксенология. Ксенология – это некая неестественная помесь научной фантастики с формальной логикой. Основой ее метода является порочный прием – навязывание инопланетному разуму человеческой психологии.

– Почему порочный? – сказал Нунан.

– А потому, что биологи в свое время уже обожглись, когда пытались перенести психологию человека на животных. Земных животных, заметьте.

– Позвольте, – сказал Нунан. – Это совсем другое дело. Ведь мы говорим о психологии разумных существ...

– Да. И все было бы очень хорошо, если бы мы знали, что такое разум.

– А разве мы не знаем? – удивился Нунан.

– Представьте себе, нет. Обычно исходят из очень плоского определения: разум есть такое свойство человека, которое отличает его деятельность от деятельности животных. Этакая, знаете ли, попытка ограничить хозяина от пса, который якобы все понимает, только сказать не может. Впрочем, из этого плоского определения вытекают более остроумные. Они базируются на горестных наблюдениях за упомянутой деятельностью человека. Например: разум есть способность живого существа совершать нецелесообразные или неестественные поступки.

– Да, это про нас, про меня, про таких, как я, – горестно согласился Нунан.

– К сожалению. Или, скажем, определение–гипотеза. Разум есть сложный инстинкт, не успевший еще сформироваться. Имеется в виду, что инстинктивная деятельность всегда целесообразна и естественна. Пройдет миллион лет, инстинкт сформируется, и мы перестанем совершать ошибки, которые, вероятно, являются неотьемлемым свойством разума. И тогда, если во Вселенной что–нибудь изменится, мы благополучно вымрем, – опять же именно потому, что разучились совершать ошибки, то есть пробовать разные, не предусмотренные жесткой программой варианты.

– Как–то это все у Вас получается... Унизительно.

– Пожалуйста, тогда еще одно определение – очень возвышенное и благородное. Разум есть способность использовать силы окружающего мира без разрушения этого мира.

Нунан сморщился и замотал головой.

– Нет, – сказал он. – Это не про нас... Ну а как насчет того, что человек, в отличие от животных, существо, испытывающее непреодолимую потребность в знаниях? Я где–то об этом читал.

– Я тоже, – сказал Валентин. – Но вся беда в том, что человек, во всяком случае массовый человек – тот, которого Вы имеете в виду, когда говорите "про нас" или "не про нас", – с легкостью преодолевает эту свою потребность в знаниях. По–моему, такой потребности и вовсе нет. Есть потребность понять, а для этого знаний не надо. Гипотеза о боге, например, дает ни с чем не сравнимую возможность абсолютно все понять, абсолютно ничего не узнавая... Дайте человеку крайне упрощенную систему мира и толкуйте всякое событие на базе этой упрощенной модели. Такой подход не требует никаких знаний. Несколько заученных формул плюс так называемая интуиция, так называемая практическая сметка и так называемый здравый смысл.

– Погодите, – сказал Нунан. Он допил пиво и со стуком поставил пустую кружку на стол. – Не отвлекайтесь. Давайте все–таки так. Человек встретился с инопланетным существом. Как они узнают друг о друге, что они оба разумны?

– Представления не имею, – сказал Валентин веселясь. – Все, что я читал по этому поводу, сводится к порочному кругу. Если они способны к контакту, значит, они разумны. И наоборот: если они разумны, они способны к контакту. И вообще: если инопланетное существо имеет честь обладать психологией человека, то оно разумно. Вот так.

– Вот тебе и на, – сказал Нунан. – А я–то думал, что у Вас все уже разложено по полочкам...

– Разложить по полочкам и обезьяна может, – заметил Валентин.

– Нет, погодите, – сказал Нунан. Почему–то он чувствовал себя обманутым. – Но если Вы таких простых вещей не знаете... Ладно, бог с ним, с разумом. Видно, здесь сам черт ногу сломит. Но насчет посещения? Что Вы все–таки думаете насчет посещения?

– Пожалуйста, – сказал Валентин. – Представьте себе пикник...

Нунан вздрогнул.

– Как вы сказали?

– Пикник. Представьте себе: лес, проселок, лужайка. С проселка на лужайку сьезжает машина, из машины выгружаются молодые люди, бутылки, корзины с провизией, девушки, транзисторы, фотокиноаппараты... Разжигается костер, ставятся палатки, включается музыка. А утром они уезжают. Звери, птицы и насекомые, которые всю ночь с ужасом наблюдали происходящее, выползают из своих убежищ. И что же они видят? На траву понатекло автола, пролит бензин, разбросаны негодные свечи и масляные фильтры. Валяется ветошь, перегоревшие лампочки, кто–то обронил разводной ключ. От протекторов осталась грязь, налипшая на каком–то неведомом болоте... Ну и, сами понимаете, следы костра, огрызки яблок, конфетные обертки, консервные банки, пустые бутылки, чей–то носовой платок, чей–то перочинный нож, старые, драные газеты, монетки, увядшие цветы с других полян...

– Я понял, – сказал Нунан. – Пикник на обочине.

– Именно. Пикник на обочине какой–то космической дороги. А Вы меня спрашиваете: вернутся они или нет?

– Дайте–ка мне закурить, – сказал Нунан. – Черт бы побрал Вашу псевдонауку! Как–то я все это не так себе представлял.

– Это Ваше право, – заметил Валентин.

– Значит, что же – они нас даже и не заметили?

– Почему?

– Ну, во всяком случае, не обратили на нас внимания...

– Знаете, я бы на Вашем месте не огорчался, – посоветовал Валентин.

Нунан затянулся, закашлялся, бросил сигарету.

– Все равно, – сказал он упрямо. – Не может быть... Черт бы вас, ученых, подрал! Откуда это у Вас такое пренебрежение к человеку? Что Вы его все время стремитесь принизить?..

– Подождите, – сказал Валентин. – Послушайте. "Вы спросите меня: чем велик человек? – процитировал он. – Что создал вторую природу? Что привел в движение силы почти космические? Что в ничтожные сроки завладел планетой и прорубил окно во Вселенную? Нет! Тем, что, несмотря на все это, уцелел и намерен уцелеть и далее".

Наступило молчание. Нунан думал.

– Может быть... – сказал он неуверенно. – Конечно, если с этой точки зрения...

– Да Вы не огорчайтесь, – благодушно сказал Валентин. – Пикник – это ведь только моя гипотеза. И даже не гипотеза, собственно, а так, картинка... Так называемые серьезные ксенологи пытаются обосновать гораздо более солидные и льстящие человеческому самолюбию версии. Например, что никакого посещения не было, что посещение еще только будет. Некий высокий разум забросил к нам на землю контейнеры с образцами своей материальной культуры. Ожидается, что мы изучим эти образцы, совершим технологический скачок и сумеем послать ответный сигнал, который и будет означать реальную готовность к контакту. Как вам это?

– Это уже значительно лучше, – сказал Нунан. – Я вижу, среди ученых тоже попадаются порядочные люди.

– Или вот. Посещение имело место на самом деле, но оно отнюдь не окончилось. Фактически мы сейчас находимся в состоянии контакта, только не подозреваем об этом. Пришельцы угнездились в зонах и тщательно нас изучают, одновременно подготавливая к "Жестоким чудесам грядущего".

– Вот это я понимаю! – сказал Нунан. – По крайней мере тогда понятно, что это за таинственная возня происходит в развалинах завода. Между прочим, Ваш пикник эту возню не обьясняет.

– Почему же не обьясняет? – возразил Валентин. – Могла ведь какая–нибудь девчушка забыть на лужайке любимого заводного медвежонка...

– Ну, это Вы бросьте, – решительно сказал Нунан. – Ничего себе медвежонок – земля трясется... Впрочем, конечно, может быть и медвежонок. Пиво будете? Розалия! Два пива господам ксенологам!.. А все–таки приятно с вами побеседовать, – сказал он Валентину. Этакое прочищение мозгов, словно английской соли насыпали под черепушку. А то вот работаешь–работаешь, а зачем, для чего, что будет, что случится, чем сердце успокоится...

Принесли пива. Нунан отхлебнул, глядя поверх пены, как Валентин с выражением брезгливого сомнения рассматривает свою кружку.

– Что, не нравится? – спросил он, облизывая губы.

– Да я, собственно, не пью, – нерешительно сказал Валентин.

– Ну да? – поразился Нунан.

– Черт возьми! – сказал Валентин и решительно отодвинул кружку. – Закажите мне лучше коньяку, раз так, – сказал он.

– Розалия! – немедленно рявкнул вконец развеселившийся Нунан.

Когда принесли коньяк, он сказал:

– И все–таки так нельзя. Я уж не говорю про ваш пикник – это вообще свинство, – но если даже принять версию, что это, скажем, прелюдия к контакту, все равно нехорошо. Я понимаю – "браслеты", "пустышки"... Но "ведьмин студень" зачем? "Комариные плеши", пух этот отвратительный...

– Простите, – сказал Валентин, выбирая ломтик лимона. – Я не совсем понимаю Вашу терминологию. Какие, простите, плеши?

Нунан засмеялся.

– Это фольклор, – пояснил он. – Рабочий жаргон сталкеров. "Комариные плеши" – это области повышенной гравитации.

– А, гравиконцентраты... Направленная гравитация. Вот об этом я бы поговорил с удовольствием, но Вы ничего не поймете.

– Почему же это я ничего не пойму? Я все–таки инженер...

– Потому что я сам не понимаю, – сказал Валентин. – У меня есть системы уравнений, но как их истолковать – я представления не имею... А "ведьмин студень" – это, вероятно, коллоидный газ?

– Он самый. Слыхали о катастрофе в Карригановских лабораториях?

– Слыхал кое–что, – неохотно отозвался Валентин. – Эти идиоты поместили фарфоровый контейнер со "студнем" в специальную камеру, предельно изолированную... То есть это они думали, что камера предельно изолирована... А когда они открыли контейнер манипуляторами, "студень" прошел через металл и пластик, как вода через промокашку, вырвался наружу, и все, с чем он соприкасался, превращалось опять же в "студень". Погибло тридцать пять человек, больше ста изувечено, а все здание лаборатории приведено в полную негодность. Вы там бывали когда–нибудь? Великолепное сооружение! А теперь "студень" стек в подвалы и нижние этажи... Вот Вам и прелюдия к контакту.

Валентин весь сморщился.

– Да, я знаю все это, – сказал он. – Однако согласитесь, Ричард, пришельцы здесь ни при чем. Откуда они могли знать о существовании у нас военнопромышленных комплексов?

– А следовало бы знать! – назидательно ответил Нунан.

– Они сказали бы Вам на это: следовало бы давным–давно уничтожить военно–промышленные комплексы.

– И то верно, – согласился Нунан. – Вот бы они и занялись, раз такие могучие.

– То есть Вы предлагаете вмешательство во внутренние дела человечества?

– Гм, – сказал Нунан. – Так мы, конечно, можем зайти очень далеко. Не будем об этом. Вернемся лучше к началу разговора. Чем же все это кончится? Ну вот, например, вы, ученые. Надеетесь вы получить из зоны что–нибудь фундаментальное, что–нибудь такое, что действительно способно перевернуть науку, технологию, образ жизни?..

Валентин пожал плечами

– Вы обращаетесь не по адресу, Ричард. Я не люблю фантазировать впустую. Когда речь идет о таких серьезных вещах, я предпочитаю осторожный скепсис. Если исходить из того, что мы уже получили, впереди целый спектр возможностей, и ничего определенного сказать нельзя.

– Ну хорошо, попробуем с другого конца. Что вы, по вашему мнению, уже получили?

– Как это ни забавно, довольно мало. Мы обнаружили много чудес. В некоторых случаях мы научились даже использовать эти чудеса для своих нужд. Мы даже привыкли к ним... Обезьяна нажимает красную кнопку – получает банан, нажимает белую – апельсин, но как раздобыть бананы и апельсины без кнопок, она не знает. И какое отношение имеют кнопки к бананам и апельсинам, она не понимает. Возьмем, скажем, "этаки". Мы научились ими пользоваться. Мы открыли даже условия, при которых они размножаются делением. Но мы до сих пор не сумели сделать ни одного "этака", не понимаем, как они устроены, и, судя по всему, разберемся во всем этом не скоро... Я бы сказал так. Есть обьекты, которым мы нашли применение. Мы используем их, хотя почти наверняка не так, как их используют пришельцы. Я совершенно уверен, что в подавляющем большинстве случаев мы забиваем микроскопами гвозди. Но все–таки коечто мы применяем: "этаки", "браслеты", стимулирующие жизненные процессы... Различные типы квазибиологических масс, которые произвели такой переворот в медицине... Мы получили новые транквилизаторы, новые типы минеральных удобрений, переворот в агрономии... В общем, что я Вам перечисляю! Вы знаете все это не хуже меня – браслетик, я вижу, сами носите... Назовем эту группу обьектов полезными. Можно сказать, что в какой–то степени человечество ими облагодетельствовано, хотя никогда не следует забывать, что в нашем эвклидовом мире всякая палка имеет два конца...

– Нежелательные применения? – вставил Нунан.

– Вот именно. Скажем, применение "этаков" в военной промышленности... Я не об этом. Действие каждого полезного обьекта нами более или менее изучено, более или менее обьяснено. Сейчас остановка за технологией, но лет через пятьдесят мы сами научимся изготавливать эти королевские печати и тогда вволю будем колоть ими орехи. Сложнее обстоит дело с другой группой обьектов – сложнее именно потому, что никакого применения они у нас не находят, а свойства их в рамках наших нынешних представлений решительно необьяснимы. Например, магнитные ловушки разных типов. Мы понимаем, что это магнитная ловушка, Панов это очень остроумно доказал. Но мы не понимаем, где источник такого мощного магнитного поля, в чем причина его сверхустойчивости... Ничего не понимаем. Мы можем только строить фантастические гипотезы относительно таких свойств пространства, о которых раньше даже не подозревали. Или к–23... Как вы их называете, эти черные красивые шарики, которые идут на украшения?

– "Черные брызги", – сказал Нунан.

– Вот–вот, "черные брызги"... Хорошее название... Ну, вы знаете про их свойства. Если пустить луч света в такой шарик, то свет выйдет из него с задержкой, причем эта задержка зависит от веса шарика, от размера, еще от некоторых параметров, и частота выходящего света всегда меньше частоты входящего... Что это такое? Почему? Есть безумная идея, будто эти ваши "черные брызги" – суть гигантские области пространства, обладающего иными свойствами, нежели наше, и принявшего такую свернутую форму под воздействием нашего пространства... – Валентин вытащил сигарету и закурил. Короче говоря, обьекты этой группы для нынешней человеческой практики совершенно бесполезны, хотя с чисто научной точки зрения они имеют фундаментальное значение. Это свалившиеся с неба ответы на вопросы, которые мы еще не умеем задать. Упомянутый выше сэр Исаак, может быть, и не разобрался бы в лазере, но он во всяком случае понял бы, что такая вещь возможна, и это очень сильно повлияло бы на его научное мировоззрение. Я не буду вдаваться в подробности, но существование таких обьектов, как магнитные ловушки, к–23, "белое кольцо", разом зачеркнуло целое поле недавно процветавших теорий и вызвало к жизни совершенно новые идеи. А ведь есть еще третья группа...

– Да, – сказал Нунан. – "ведьмин студень" и прочие прелести...

– Нет–нет. Все это следует отнести либо к первой, либо ко второй группе. Я имею в виду обьекты, о которых мы ничего не знаем или знаем только понаслышке, которые мы никогда не держали в руках. То, что уволокли у нас из–под носа сталкеры, – продали неизвестно кому, припрятали. То, о чем они молчат. Легенды и полулегенды: "машина желаний", "бродяга Дик", "веселые призраки"...

– Минуточку, минуточку, – сказал Нунан. – Это еще что такое? "Машина желаний" – понимаю...

– Валентин засмеялся.

– Видите, у нас тоже есть свой рабочий жаргон. "Бродяга Дик" это тот самый гипотетический заводной медвежонок, который бесчинствует в развалинах завода. А "веселые призраки" – это некая опасная турбуленция, имеющая место в некоторых районах зоны.

– Первый раз слышу, – сказал Нунан.

– Вы понимаете, Ричард, – сказал Валентин, – мы ковыряемся в зоне два десятка лет, но мы не знаем и тысячной доли того, что она содержит. А если уж говорить о воздействии зоны на человека... Вот, кстати, тут нам придется ввести в классификацию еще одну, четвертую группу. Уже не обьектов, а воздействий. Эта группа изучена безобразно плохо, хотя фактов накопилось, на мой взгляд, более чем достаточно. И Вы знаете, Ричард, меня иногда мороз продирает по коже, когда я думаю об этих фактах.

– Живые покойники ... – пробормотал Нунан.

– Что? А... Нет – это загадочно, но не более того. Как бы это сказать... Это вообразимо, что ли. А вот когда вокруг человека вдруг ни с того ни с сего начинают происходить внефизические, внебиологические явления...

– А, вы имеете в виду эмигрантов...

– Вот именно. Математическая статистика, знаете ли, это очень точная наука, хотя она и имеет дело со случайными величинами. И кроме того, это очень красноречивая наука, очень наглядная...

– Валентин, по–видимому, слегка охмелел. Он стал говорить громче, щеки его порозовели, а брови над черными окулярами высоко задрались, сминая лоб в гармошку.

– Люблю непьющих, – с иронией сказал Нунан.

– Не отвлекайтесь! – сказал Валентин строго. – Слушайте, что вам рассказывают. Это очень странно. – Он поднял рюмку, разом отхлебнул половину и продолжал: – Мы не знаем, что произошло с бедными хармонтцами в самый момент посещения. Но вот один из них решил эмигрировать. Какой–нибудь обыкновеннейший обыватель. Парикмахер. Сын парикмахера и внук парикмахера. Он переезжает, скажем, в Детройт. Открывает парикмахерскую, и начинается чертов бред. Более девяноста процентов его клиентуры погибает на протяжении года: гибнут в автомобильных катастрофах, вываливаются из окон, вырезаются гангстерами и хулиганами, тонут на мелких местах, и так далее, и так далее. Возрастает количество стихийных бедствий в Детройте и его окрестностях. Откуда–то берутся смерчи и тайфуны, которых в этих местах не видывали с тысяча семьсот забытого года. Ну и все в таком же роде. И такие катаклизмы происходят в любом городе, в любой местности, где селится эмигрант из района посещения, и количество этих катаклизмов прямо пропорционально числу эмигрантов, поселившихся в данном месте. И заметьте, подобное действие оказывают только те эмигранты, которые пережили само посещение. Родившиеся после посещения на статистику несчастных случаев никакого влияния не оказывают. Вы прожили здесь десять лет, но вы приехали после посещения, и вас без опаски можно селить хоть в Ватикане. Как обьяснить такое? От чего нужно отказаться – от статистики? Или от здравого смысла? – Валентин схватил рюмку и залпом допил ее.

Ричард Нунан почесал за ухом.

– М–да, – сказал он. – Я вообще–то наслышан о таких вещах, но я, честно говоря, всегда полагал, что все это, мягко выражаясь, несколько преувеличено... Действительно, с точки зрения нашей могучей позитивистской науки...

– Или, скажем, мутагенное воздействие зоны, – прервал его Валентин. Он снял очки и уставился на Нунана черными подслеповатыми глазами. – Все люди, которые достаточно долго общаются с зоной, подвергаются изменениям – как фенотипическим, так и генотипическим. Вы знаете, какие дети бывают у сталкеров, вы знаете, что бывает с самими сталкерами. Почему? Где мутагенный фактор? Радиации в зоне никакой. Химическая структура воздуха и почвы в зоне хотя и обладает своей спецификой, но никакой мутагенной опасности не представляет. Что же мне в таких условиях – в колдовство начать верить? В дурной глаз?

– Я вам сочувствую в ваших метаниях, – ответил Нунан. – Но, откровенно говоря, лично мне ожившие покойники действуют на нервы гораздо сильнее, чем данные статистики. Тем более, что данных статистики я никогда не видел, а покойников и видел и обонял предостаточно...

Валентин легкомысленно махнул рукой.

– А, покойники ваши... – сказал он. – Слушайте, Ричард, вам не стыдно? Вы же все–таки человек с образованием... Во–первых, никакие они не покойники. Это же муляжи... Реконструкции по скелету... Чучела... А потом, уверяю Вас: с точки зрения фундаментальных принципов, эти ваши муляжи – не более и не менее удивительная вещь, чем вечные аккумуляторы. Просто "этаки" нарушают первый принцип термодинамики, а муляжи – второй, вот и вся разница. Все мы в каком–то смысле пещерные люди – ничего страшнее призрака или вурдалака представить себе не можем. А между тем нарушение принципа причинности – гораздо более страшная вещь, чем целые стада привидений... И всяких там чудовищ Рубинштейна... Или Валленштейна?

– Франкенштейна.

– Да, конечно, Франкенштейна. Мадам Шелли. Супруга поэта. Или дочь. – он вдруг засмеялся. – У этих ваших муляжей есть одно любопытное свойство – автономная жизнеспособность. Можно у них, например, отрезать какую–то часть, и она будет жить. Отдельно. Без всяких физиологических растворов... Так вот, недавно доставили в институт одного такого.... Это мне лаборант Бойда рассказывал... – Валентин захохотал.

– А не пора ли нам по домам, Валентин? – сказал Нунан, глядя на часы. – У меня есть еще одно важное дело.

– Пойдемте, – сказал Валентин, тщетно пытаясь попасть лицом в оправу очков и, наконец, взяв очки в обе руки и старательно водрузив их на место. – У вас машина?

– Да, я вас завезу.

Они расплатились и направились к выходу. Валентин то и дело с размаху прикладывал палец к виску, приветствуя знакомых лаборантов, которые с любопытством наблюдали за светилом мировой физики. У самого выхода, приветствуя расплывшегося в улыбке швейцара, он сшиб с себя очки, и все трое кинулись их ловить.

– У меня завтра эксперимент. Вы знаете, любопытная вещь... приговаривал Валентин, влезая в "пежо".

И он принялся рассказывать о завтрашнем эксперименте. Нунан отвез его в научный городок. А ведь они тоже боятся, думал он, снова усаживаясь в "пежо". Боятся, высоколобые... Да так и должно быть. Они должны бояться даже больше, чем все мы, простые обыватели, вместе взятые. Ведь мы просто ничего не понимаем, а они по крайней мере понимают, до какой степени ничего не понимают. Смотрят в эту бездонную пропасть и знают, что неизбежно им туда спускаться, – сердце заходится, но спускаться надо, а как спускаться, что там на дне и, главное, можно ли будет потом выбраться?.. А мы, грешные, смотрим, так сказать, в другую сторону. Слушай, а может быть, так и надо? Пусть оно идет все своим чередом, а мы уж поживем как–нибудь. Правильно он сказал: самый героический поступок человечества – это то, что оно выжило и намерено выжить дальше... А все–таки черт бы вас подрал, сказал он пришельцам. Не могли устроить свой пикник в другом месте. На Луне, например. Или на Марсе. Такая же вы равнодушная дрянь, как и все, хоть и научились свертывать пространство. Пикник, видите ли, устроили. Пикник...

Как же мне получше обойтись с моими пикниками? – думал он, медленно ведя "пежо" по ярко освещенным мокрым улицам. Как бы половчее все это провернуть? По принципу наименьшего действия. Как в механике. На кой черт мне такой–сякой инженерный диплом, если я не могу придумать, как мне половчее ущучить этого безногого мерзавца... Он остановил машину перед домом, где жил Рэдрик Шухарт, и немного посидел за рулем, прикидывая, как вести разговор. Потом он вынул "этак", вылез из машины и только тут обратил внимание, что дом выглядит нежилым. Почти все окна были темные, в скверике никого не было, и даже фонари там не горели. Это напомнило ему, что он сейчас увидит, и он зябко поежился. Ему даже пришло в голову, что, может быть, имеет смысл вызвать Рэдрика по телефону и побеседовать с ним в машине или в какой–нибудь тихой пивнушке, но он отогнал эту мысль. По целому ряду причин. И кроме всего прочего, сказал он себе, давай–ка не будем уподобляться всем этим жалким типам, которые разбежались отсюда, как тараканы, ошпаренные кипятком.

Он вошел в подъезд, неторопливо поднялся по давно не метенной лестнице. Вокруг стояла нежилая тишина, многие двери, выходящие на лестничные площадки, были приотворены или даже распахнуты настежь – из темных прихожих тянуло затхлыми запахами сырости и пыли. Он остановился перед дверью квартиры Рэдрика, пригладил волосы за ушами, глубоко вздохнул и нажал кнопку звонка. Некоторое время за дверью было тихо, потом там скрипнули половицы, щелкнул замок, и дверь тихо приоткрылась. Шагов он так и не услышал.

На пороге стояла Мартышка, дочь Рэдрика Шухарта. Из прихожей на полутемную лестничную площадку падал яркий свет, и в первую секунду Нунан увидел только темный силуэт девочки и подумал, как она сильно вытянулась за последние несколько месяцев, но потом она отступила вглубь прихожей, и он увидел ее лицо. В горле у него мгновенно пересохло.

– Здравствуй, Мария, – сказал он, стараясь говорить как можно ласковее. – Как поживаешь, Мартышка?

Она не ответила. Она молчала и совершенно бесшумно пятилась к дверям в гостиную, глядя на него исподлобья. Похоже, она не узнавала его. Да и он, честно говоря, не узнавал ее. Зона, подумал он. Дрянь...

– Кто там? – спросила Гута, выглядывая из кухни. – Господи, Дик! Где вы пропадали? Вы знаете, Рэдрик вернулся!

Она поспешила к нему, на ходу вытирая руки полотенцем, переброшенным через плечо, – все такая же красивая, энергичная, сильная, только вот подтянуло ее как–то: лицо осунулось, и глаза были какие–то... Лихорадочные, что ли?

Он поцеловал ее в щеку, отдал ей плащ и шляпу и сказал:

– Наслышаны, наслышаны... Все времени никак не мог выбрать забежать. Дома он?

– Дома, – сказала Гута. – У него там один... Скоро уйдет, наверное, они давно уже сидят. Проходите, Дик...

Он сделал насколько шагов по коридору и остановился в дверях гостиной. Старик сидел за столом. Муляж. Неподвижный и чуть перекошенный на сторону. Розовый свет от абажура падал на широкое темное лицо, словно вырезанное из старого дерева, ввалившийся безгубый рот, остановившиеся, без блеска, глаза. И сейчас же Нунан почувствовал запах. Он знал, что это игра воображения, запах бывал только первые дни, а потом исчезал напрочь, но Ричард Нунан чувствовал его как бы памятью – душный, тяжелый запах разрытой земли.

– А то пойдемте на кухню, – поспешно сказала Гута. – Я там ужин готовлю, заодно поболтаем.

– Да, конечно, – сказал Нунан бодро. – Столько не виделись!.. Вы еще не забыли, что я люблю выпить перед ужином?

Они прошли на кухню, Гута сразу же открыла холодильник, а Нунан уселся за стол и огляделся. Как всегда, здесь все было чисто, все блестело, над кастрюльками поднимался пар. Плита была новая, полуавтомат, значит, деньги в доме были.

– Ну как он? – спросил Нунан.

– Да все такой же, – ответила Гута. – Похудел в тюрьме, но сейчас уже отъелся.

– Рыжий?

– Еще бы!

– Злой?

– А как же! Это у него уж до смерти.

Гута поставила перед ним стакан "Кровавой Мэри" – прозрачный слой русской водки словно бы висел над слоем томатного сока.

– Не много? – спросила она.

– В самый раз. – Нунан влил в себя смесь. Он вспомнил, что, по сути дела, за весь день впервые выпил нечто существенное. – Вот это другое дело, – сказал он.

– У вас все хорошо? – спросила Гута. – Что вы так долго не заходили?

– Проклятые дела, – сказал Нунан. – Каждую неделю собирался зайти или хотя бы позвонить, но сначала пришлось ехать в Рексополис, потом скандал один начался, потом мне говорят: "Рэдрик вернулся", – ладно, думаю, зачем мешать... В общем, завертелся я, Гута. Я иногда спрашиваю себя: какого черта мы так крутимся? Чтобы заработать деньги? Но на кой черт нам деньги, если мы только и делаем, что крутимся?..

Гута звякнула крышками кастрюлек, взяла с полочки пачку сигарет и села за стол напротив Нунана. Глаза ее были опущены. Нунан поспешно выхватил зажигалку и дал ей прикурить, и снова, второй раз в жизни, увидел, что у нее дрожат пальцы, как тогда, когда Рэдрика только что осудили, и Нунан пришел к ней, чтобы дать ей денег, – первое время она совершенно пропадала без денег, и ни одна тварь в доме не давала ей в долг. Потом деньги в доме появились, и, судя по всему, немалые, и Нунан догадывался – откуда, но он продолжал приходить, приносил Мартышке лакомства и игрушки, целыми вечерами пил с Гутой кофе и планировал вместе с нею будущую благополучную жизнь Рэдрика, а потом, наслушавшись ее рассказов, шел к соседям и пытался как–нибудь урезонить их, обьяснял, уговаривал, наконец, выйдя из терпения, грозил: "Ведь Рыжий вернется, он вам все кости переломает..." – ничего не помогало.

– А как поживает ваша девушка? – спросила Гута.

– Которая?

– Ну, с которой вы заходили тогда... Беленькая такая...

– Какая же это моя девушка? Это моя стенографистка. Вышла замуж и уволилась.

– Жениться вам надо, Дик, – сказала Гута. – Хотите, невесту найду?

Нунан хотел было ответить, как обычно: "Мартышка вот подрастет...", но вовремя остановился. Сейчас это бы уже не прозвучало.

– Стенографистка мне нужна, а не жена, – проворчал он. – Бросайте вы своего рыжего дьявола и идите ко мне в стенографистки. Вы же были отличной стенографисткой. Старый Гаррис вас до сих пор вспоминает.

– Еще бы, – сказала она. – Всю руку тогда об него отбила.

– Ах, даже так? – Нунан сделал вид, что удивлен. – Ай да Гаррис!

– Господи! – сказала Гута. – Да он мне проходу не давал! Я только одного боялась, как бы Рэд не узнал.

Бесшумно вошла Мартышка – возникла в дверях, посмотрела на кастрюли, на Ричарда, потом подошла к матери и прислонилась к ней, отвернув лицо.

– Ну что, Мартышка, – сказал бодро Ричард Нунан. – Шоколадку хочешь?

Он полез в жилетный карман, вытащил шоколадный автомобильчик в прозрачном пакетике и протянул девочке. Она не пошевелилась. Гута взяла у него шоколадку и положила на стол. У нее вдруг побелели губы.

– Да, Гута, – бодро сказал Нунан. – А я, знаете ли, переезжать собрался. Надоело мне в гостинице. Во–первых, от института все–таки далеко...

– Она уже почти ничего не понимает, – тихо сказала Гута, и он оборвал себя, взял в обе руки стакан и принялся бессмысленно вертеть его в пальцах.

– Вы вот не спрашиваете, как мы живем, – продолжала она, – и правильно делаете. Только ведь вы наш старый друг, Дик, нам от вас скрывать нечего. Да и не скроешь!

– У врача были? – спросил Нунан, не поднимая глаз.

– Да. Ничего они не могут сделать. А один сказал... – Она замолчала.

Он тоже молчал. Не о чем тут было говорить и не хотелось об этом думать, но его вдруг ударила жуткая мысль: это вторжение. Не пикник на обочине, не призыв к контакту – вторжение. Они не могут изменить нас, но они проникают в тела наших детей и изменяют их по своему образу и подобию. Ему стало зябко, но он тут же вспомнил, что уже читал о чем–то подобном, какой–

то покетбук в яркой глянцевитой обложке, и от этого воспоминания ему полегчало. Придумать можно все что угодно. На самом деле никогда не бывает так, как придумывают.

– А один сказал, что она уже не человек, – проговорила Гута.

– Вздор, – глухо сказал Нунан. – Обратитесь к настоящему специалисту. Обратитесь к Джеймсу Каттерфилду. Хотите, я с ним поговорю? Устрою вам прием...

– Это к мяснику? – она нервно засмеялась. – Не надо, Дик, спасибо. Это он и сказал. Видно, судьба.

Когда Нунан снова осмелился поднять глаза, Мартышки уже не было, а Гута сидела неподвижно, рот у нее был приоткрыт, глаза пустые, и на сигарете в ее пальцах нарос длинный кривой столбик серого пепла. Тогда он толкнул к ней по столу стакан и проговорил:

– Сделай–ка мне еще одну порцию, детка... И себе сделай. И выпьем.

Она уронила пепел, поискала глазами, куда бросить окурок, и бросила в мойку.

– За что? – проговорила она. – Вот я чего не понимаю! Что мы такое сделали? Мы же не самые плохие все–таки в этом городе...

Нунан подумал, что она сейчас заплачет, но она не заплакала открыла холодильник, достала водку и сок и сняла с полки второй стакан.

– Вы все–таки не отчаивайтесь, – сказал Нунан. – Нет на свете ничего такого, что нельзя исправить. И вы мне поверьте, Гута, у меня очень большие связи. Все, что смогу, я сделаю...

Сейчас он сам верил в то, что говорил, и уже перебирал в уме имена, связи и города, и ему уже казалось, будто о подобных случаях он что–то где–то слышал, и вроде бы все кончилось благополучно, надо только сообразить, где это было и кто лечил, но тут он вспомнил, зачем он сюда пришел, и вспомнил господина Лемхена, и вспомнил, для чего он подружился с Гутой, и ему больше не захотелось думать ни о чем, и он отогнал от себя все связные мысли, сел поудобнее, расслабился и стал ждать, пока ему поднесут выпивку.

В это время в прихожей послышались шаркающие шаги, постукивание, и отвратительный, особенно сейчас, голос Стервятника Барбриджа прогундосил:

– Э, Рыжий! А к твоей Гуте, видать, кто–то заглянул, – шляпа... Я б на твоем месте это дело так не оставил...

И голос Рэдрика: – Береги протезы, Стервятник. Прикуси язык. Вон двери, уйти не забудь, мне ужинать пора.

И Барбридж:

– Тьфу ты, господи, пошутить уже нельзя!

И Рэдрик:

– Мы с тобой уже все отшутили. И точка. Мотай, мотай, не задерживай!

Щелкнул замок, и голоса стали тише – очевидно, оба вышли на лестничную площадку. Барбридж что–то сказал вполголоса, и Рэдрик ему ответил: "Все, все, поговорили!" Снова ворчание Барбриджа и резкий голос Рэдрика: "Сказал – все!" Ахнула дверь, простучали быстрые шаги в прихожей, и на пороге кухни появился Рэдрик Шухарт. Нунан поднялся ему навстречу, и они крепко пожали друг другу руки.

– Я так и знал, что это ты, – сказал Рэдрик, оглядывая Нунана быстрыми зеленоватыми глазами. – У–у, растолстел, толстяк! Все загривок в барах нагуливаешь... Эге! Да вы тут, я вижу, весело время проводите! Гута, старушка, сделай мне порцию, надо догонять...

– Да мы еще и не начали, – сказал Нунан. – Мы только собирались. От тебя разве убежишь!

Рэдрик резко засмеялся, ткнул Нунана кулаком в плечо.

– А вот мы сейчас посмотрим, кто кого догонит, кто кого перегонит! Пошли, пошли, что мы здесь на кухне! Гута, тащи ужин...

Он нырнул в холодильник и снова выпрямился, держа в руке бутылку с цветной наклейкой.

– Пировать будем! – обьявил он. – Надо как следует угостить лучшего друга Ричарда Нунана, который не покидает своих в беде! Хотя пользы ему от этого никакой. Эх, Гуталина нет, жалко...

– А ты позвони ему, – предложил Нунан.

Рэдрик помотал ярко–рыжей головой.

– Туда еще телефон не провели, куда ему сейчас звонить. Ну пошли, пошли...

Он первым вошел в гостиную и грохнул бутылку на стол.

– Пировать будем, папаня! – сказал он неподвижному старику. Это вот Ричард Нунан, наш друг! Дик, а это папаня мой, Шухарт–старший...

Ричард Нунан, собравшись мысленно в непроницаемый комок, раздвинул рот до ушей, потряс в воздухе ладонью и сказал в сторону муляжа:

– Очень рад, мистер Шухарт. Как поживаете?..

Мы ведь знакомы, Рэд, – сказал он Шухарту–младшему, который копался в баре. – Мы один раз уже виделись, мельком, правда...

– Садись, – сказал ему Рэдрик, кивая на стул напротив старика. – Ты, если будешь с ним говорить, говори громче – он не слышит ничего.

Он расставил бокалы, быстро откупорил бутылки и сказал Нунану:

– Разливай. Папане немного, на самое донышко...

Нунан неторопливо принялся разливать. Старик сидел в прежней позе, глядя в стену. И он никак не реагировал, когда Нунан придвинул к нему бокал. А Нунан уже переключился на новую ситуацию. Это была игра, страшная и жалкая. Игру разыгрывал Рэдрик, и он включился в эту игру, как всю жизнь включался в чужие игры, и страшные, и жалкие, и стыдные, и дикие, и гораздо более опасные, чем эта. Рэдрик, подняв свой бокал, произнес: "Ну что, понеслись?" – и Нунан совершенно естественным образом взглянул на старика, а Рэдрик нетерпеливо позвякал своим бокалом о бокал Нунана и сказал: "Понеслись, понеслись...", и тогда Нунан тоже совершенно естественно кивнул, и они выпили.

Рэдрик, блестя глазами, заговорил все в том же возбужденном, немного искусственном тоне:

– Все, браток! Больше меня тюрьма не увидит. Если бы ты знал, милый мой, до чего же дома хорошо! Деньги есть, я себе хороший коттеджик присмотрел, с садом будем, не хуже чем у Стервятника... Ты знаешь, я ведь эмигрировать хотел, еще в тюрьме решил. Ради чего такого я в этом вшивом городишке сижу? Да провались, думаю, все пропадом. Возвращаюсь – привет, запретили эмиграцию! Да что мы – чумные какие–нибудь сделались за эти два года? Он говорил и говорил, а Нунан кивал, прихлебывая виски, вставлял сочувственные ругательства, риторические вопросы, потом принялся расспрашивать про коттедж – что за коттедж, где, за какую цену? – И они с Рэдриком поспорили. Нунан доказывал, что коттедж дорогой и в неудобном месте, он вытащил записную книжку, принялся листать ее и называть адреса заброшенных коттеджей, которые отдадут за бесценок, а ремонт обойдется всего ничего, если подать заявление об эмиграции, получить от властей отказ и потребовать компенсацию.

– Ты, я вижу, уже и недвижимостью занялся, – сказал Рэдрик.

– А я всем понемножку занимаюсь, – ответил Нунан и подмигнул.

– Знаю, знаю, наслышан о твоих аферах!

Нунан сделал большие глаза, приложил палец к губам и кивнул в сторону кухни.

– Да ладно, все это знают, – сказал Рэдрик. – Деньги не пахнут. Теперь–то я это точно понял... Но Мосла ты себе подобрал в управляющие – я животики надорвал, когда услышал! Пустил, понимаешь, козла в огород... Он же псих, я его с детства знаю! Тут он замолчал и посмотрел на своего старика. В лице его что–то дрогнуло, и Нунан с изумлением увидел на этой конопатой хищной физиономии самую настоящую, самую неподдельную любовь и нежность.

Глядя на него, Нунан вспомнил, что было, когда лаборанты Бойда явились сюда за этим муляжом. Лаборантов было двое, оба крепкие современные парни, спортсмены и все такое, и еще был врач из городской больницы и при нем двое санитаров, людей грубых и здоровенных, приспособленных таскать носилки и утихомиривать буйных. Потом один из лаборантов рассказывал, что "этот Рыжий" сначала вроде не понял, о чем идет речь, впустил в квартиру, дал осмотреть отца, и, наверное, старика так бы и увезли, потому что Рэдрик, похоже, вообразил, будто папаню кладут в больницу на профилактику. Но эти болваны–санитары, которые в ходе предварительных переговоров торчали в прихожей и подглядывали за Гутой, как она моет в кухне окна, взялись, когда их позвали, за старика как за бревно – поволокли, уронили на пол. Рэдрик взбесился, и тут вылез вперед болван–врач и стал обстоятельно разьяснять, что, куда, и зачем. Рэдрик послушал его минуту или две, а потом вдруг без всякого предупреждения взорвался, как водородная бомба. Рассказывавший все это лаборант и сам не помнит, как он очутился на улице. Рыжий дьявол спустил по лестнице всех пятерых, причем ни одному из них не дал уйти самостоятельно, на своих ногах. Все они, по словам лаборанта, вылетели из парадного, как ядра из пушки. Двое остались валяться на панели в беспамятстве, а остальных троих Рэдрик гнал по улице четыре квартала, после чего вернулся к институтской машине и выбил в ней все стекла – шофера в машине уже не было, он удрал по улице в противоположном направлении...

– Мне тут в одном баре новый коктейль показали, – говорил Рэдрик, разливая виски. – "Ведьмин студень" называется, я тебе потом сделаю, когда поедим. Это, брат, такая вещь, что на пустое брюхо принимать опасно для жизни: руки–ноги отнимаются с одной порции... Ты как хочешь, Дик, а я тебя сегодня угощу на славу, право же, угощу. Старые добрые времена вспомним, "Боржч" вспомним... Бедняга–то Эрни до сих пор сидит, знаешь? – он выпил, вытер губы тыльной стороной ладони и спросил небрежно: – А что там в институте, за "ведьмин студень" еще не взялись? Я, знаешь ли, от науки слегка поотстал... Нунан сразу понял, почему Рэдрик заводит разговор на эту тему. Он всплеснул руками и сказал:

– Что ты, дружище! С этим "студнем" знаешь какая штука случилась? Про Карригановские лаборатории слыхал? Есть такая частная лавочка... Так вот, раздобыли они порцию "студня"...

Он рассказал про катастрофу, про скандал, что концов так и не нашли, откуда взялся "студень" – так и не выяснили, а Рэдрик слушал вроде бы рассеянно, цокал языком, качал головой, а потом решительно плеснул еще виски в бокалы и сказал:

– Так им и надо, паразитам, чтоб они сдохли...

Они выпили, Рэдрик посмотрел на папаню – снова в его лице дрогнуло.

– Гута! – заорал он. – Долго ты нас будешь голодом морить?.. Это она для тебя старается, – обьяснил он Нунану. – Обязательно твой любимый салат готовит, с моллюсками, она их давно припасла, я видел... Ну а как вообще в институте дела? Нашли что–нибудь новенькое? У вас там, говорят, теперь вовсю автоматы работают, да мало вырабатывают.

Нунан принялся рассказывать про институтские дела, и пока он говорил, у стола рядом со стариком неслышно возникла Мартышка, постояла, положив на стол мохнатые лапки, и вдруг совершенно детским движением прислонилась к муляжу и положила голову ему на плечо. И Нунан, продолжая болтать, подумал, глядя на эти два чудовищных порождения зоны: господи, да что же еще? Что же еще нужно с нами сделать, чтобы нас наконец проняло? Неужели этого вот мало?.. Он знал, что этого мало. Он знал, что миллиарды и миллиарды ничего не знают и ничего не хотят знать, а если и узнают, то поужасаются десять минут и снова вернутся на круги своя. Надо уходить, подумал он с остервенением. К черту Барбриджа, к черту Лемхена... Семью эту, богом проклятую, к черту.

– Ты чего на них уставился? – негромко спросил Рэдрик. – Ты не беспокойся, это ей не вредно. Даже наоборот – говорят, от них здоровье исходит.

– Да, я знаю, – сказал Нунан и залпом осушил бокал.

Вошла Гута, деловито приказала Рэдрику расставлять тарелки и поставила на стол большую серебряную миску с любимым салатом Нунана.

– Ну, ребята, – сказал Рэдрик восхищенным голосом, – теперь у нас пойдет пир на славу!

4. Рэдрик Шухарт, 31 год

За ночь долина остыла, а на рассвете стало совсем холодно. Они шли по насыпи, ступая по сгнившим шпалам между ржавыми рельсами, и Рэдрик смотрел, как блестят на кожаной куртке Артура Барбриджа капельки сгустившегося тумана. Мальчишка шагал легко, весело, словно не было позади томительной ночи, нервного напряжения, от которого до сих пор тряслась каждая жилка, двух жутких часов на мокрой макушке плешивого холма, которые они провели в мучительном полусне, прижавшись друг к другу спинами для тепла, пережидая поток "зеленки", обтекавшей холм и исчезавшей в овраге.

По сторонам насыпи лежал густой туман. Время от времени он наползал на рельсы тяжелыми серыми струями, и в этих местах они шли по колено в медленно клубящейся мути. Пахло мокрой ржавчиной, из болота справа от насыпи тянуло тухлятиной. Вокруг ничего не было видно, кроме тумана, но Рэдрик знал, что в обе стороны тянется холмистая равнина с каменными россыпями, а за равниной во мгле скрываются горы. И еще он знал, что когда взойдет солнце и туман осядет росой, он должен увидеть где–то слева остов разбитого вертолета, а впереди – состав вагонеток, и вот тогда начнется самое дело.

Рэдрик на ходу просунул ладонь между спиной и рюкзаком и вскинул рюкзак повыше, чтобы край баллона с гелием не резал хребет. Тяжелый, гад, как я с ним поползу? Полтора километра на карачках... Ладно, не гунди, сталкер, знал, на что идешь. Пятьсот тысяч монет дожидаются в конце дороги, можно и попотеть. Пятьсот тысяч, лакомый ломоть, а? Черта я им отдам меньше чем за пятьсот тысяч. И черта я дам Стервятнику больше тридцати. А сопляку... А сопляку – ничего. Если старый гад хоть полправды сказал, то сопляку – ничего.

Он снова взглянул в спину Артуру и некоторое время прищурясь смотрел, как тот легко шагает через две шпалы разом, широкоплечий, узкобедрый, и длинные вороные, как у сестры, волосы вздрагивают в такт шагам. Сам напросился, угрюмо подумал Рэдрик. Сам. И чего это он так отчаянно напрашивался? Прямо дрожал весь, слезы на глазах... "Возьмите меня, мистер Шухарт ! Мне разные люди предлагали, но я хотел бы только с Вами, они ведь все никуда не годятся! Отец... Но ведь он теперь не может !" Рэдрик усилием воли оборвал это воспоминание. Думать об этом было противно, и, может быть, поэтому он стал думать о сестре Артура. Просто уму непостижимо: такая роскошная женщина, а на самом деле – пустышка, обман, кукла неживая, а не женщина. Как, помнится, пуговицы на кофте у матери – янтарные такие, полупрозрачные, золотистые, так и хочется сунуть в рот и сосать в ожидании какой–то необычайной сладости, и он брал их в рот и сосал, и каждый раз страшно разочаровывался, и каждый раз забывал об этом разочаровании – даже не то чтобы забывал, а просто отказывался верить собственной памяти, стоило ему их снова увидеть.

А может быть, папахен его ко мне подослал, подумал он об Артуре. Вон у него какая пушка в заднем кармане... Нет, вряд ли. Стервятник меня знает. Стервятник знает, что со мной шутки плохи. И знает, какой я в зоне. Нет, чепуха все это. Не первый он меня просил, не первый он слезы лил, другие и на колени становились... А пушки они все с собой таскают по первому разу. По первому и последнему. Неужели по последнему? Ох, по последнему, парень! Вот ведь что получается, Стервятник: по последнему. Да, папахен, узнал бы ты про эту его затею – так бы его костылями отделал, сыночка своего, в зоне вымоленного... Он вдруг почувствовал, что впереди что–то есть – недалеко уже, метрах в тридцати–сорока.

– Стой, – сказал он Артуру.

Парень послушно замер на месте. Реакция у него была хорошая он так и застыл с приподнятой ногой, а затем медленно и осторожно опустил ее на землю. Рэдрик остановился рядом с ним. Колея здесь заметно уходила вниз и совершенно скрывалась в тумане. И там, в тумане, что–то было. Что–то большое и неподвижное. Безопасное. Рэдрик осторожно потянул ноздрями воздух. Да. Безопасное.

– Вперед, – сказал он негромко, подождал, пока Артур сделает шаг, и двинулся за ним. Краем глаза он видел лицо Артура, точеный его профиль, чистую кожу щеки и решительно поджатые губы под тончайшими усиками.

Они погрузились в туман по пояс, потом по шею, а еще через несколько секунд впереди замаячила косая глыба вагонетки.

– Все, – сказал Рэдрик и стал стягивать рюкзак. – Садись, где стоишь. Перекур.

Артур помог ему стянуть рюкзак, а потом они сели рядышком на ржавый рельс, Рэдрик отстегнул один из клапанов, достал сверток с едой и термос с кофе, и пока Артур разворачивал сверток и устраивал бутерброды на рюкзаке, вытащил из–за пазухи флягу, отвинтил крышку и, прикрыв глаза, сделал несколько медленных глотков.

– Глотнешь? – предложил он, обтирая ладонью горлышко фляги. Для храбрости...

Артур обиженно помотал головой.

– Для храбрости мне не нужно, мистер Шухарт, – сказал он. – Я лучше кофе, если разрешите. Сыро здесь очень, правда?

– Сыро, – согласился Рэдрик. Он спрятал флягу, выбрал бутерброд и принялся жевать. – Вот туман рассеется, увидишь, что тут кругом сплошные болота. Раньше в этих местах комарья было страшное дело...

Он замолчал и налил себе кофе. Кофе был горячий, густой, сладкий, пить его сейчас было даже приятнее, чем спиртное. От него пахло домом, Гутой. И не просто Гутой, а Гутой в халатике, прямо со сна, с еще сохранившимся рубцом от подушки на щеке. Зря я в это дело впутался, подумал он. Пятьсот тысяч... А на кой мне эти пятьсот тысяч? Бар я на них покупать собираюсь, что ли? Деньги нужны, чтобы о них не думать. Это правильно. Это Дик верно сказал. Дом есть, сад есть, без работы в Хармонте не останешься... Завел меня Стервятник, завел, как молоденького...

– Мистер Шухарт, – сказал вдруг Артур, глядя в сторону. – А вы серьезно верите, что эта штука исполняет желания?

– Чепуха! – рассеянно произнес Рэдрик и замер с поднесенным ко рту стаканчиком. – А ты откуда знаешь, за какой такой штукой мы идем?

Артур смущенно засмеялся, запустил пятерню в вороные волосы, подергал и сказал:

– Да вот догадался!.. Я уже и не помню, что именно натолкнуло меня на эту мысль... Ну, во–первых, раньше отец все время бубнил про этот золотой шар, а последнее время вдруг перестал и вместо этого зачастил к вам, а я ведь знаю – никакие вы не друзья, что бы там отец ни говорил... Потом, он странный какой–то стал последнее время... – Артур снова засмеялся и покрутил головой, что–то вспоминая. – А окончательно я все понял, когда вы с ним на пустыре испытывали этот дирижаблик... – он похлопал ладонью по рюкзаку, где лежала туго свернутая оболочка воздушного шара. Честно говоря, я вас тогда выследил, и когда увидел, как вы мешок с камнями поднимаете и ведете над землей, тут уж мне все стало окончательно ясно. По–моему, в зоне, кроме золотого шара, ничего тяжелого больше не осталось. – он откусил от бутерброда, пожевал и задумчиво проговорил с набитым ртом: – Я вот только не понимаю, как вы будете его цеплять, он же, наверное, гладкий... Рэдрик все смотрел на него поверх стаканчика и думал, до чего же они не похожи друг на друга – отец и сын. Ничего общего между ними не было. Ни лица, ни голоса, ни души. У Стервятника голос хриплый, заискивающий, подлый какой–то, но когда он об этом говорил, то говорил здорово. Нельзя его было не слушать. ”Рыжий, – говорил он тогда, перегнувшись через стол. – Нас ведь двое осталось всего, да на двоих две ноги, и обе твои... Кому же как не тебе? Это же, может, самое ценное, что в зоне есть! Кому ж достанется, а? Неужто этим чистоплюям достанется, с ихними машинами? Ведь я его нашел, я! Сколько там наших по дороге полегло! А нашел я! Себе берег. И сейчас никому бы не отдал, да руки, видишь, коротки стали... Кроме тебя – некому. Сколько я разных молокососов натаскивал, целую школу, понимаешь, для них открыл, – не могут, кость не та... Ну ладно, ты не веришь. Не веришь – не надо. Тебе – деньги. Дашь мне, сколько сам захочешь, я знаю, ты не обидишь... А я, может, ноги себе верну. Ноги верну, понимаешь ты? Зона ведь ноги у меня отобрала, так, может, зона и отдаст?..”

– Что? – Спросил Рэдрик, очнувшись.

– Я спросил, закурить можно, мистер Шухарт?

– Да, – сказал Рэдрик. – Кури, кури... Я тоже закурю.

Он залпом допил остаток кофе, вытащил сигарету и, разминая ее, уставился в редеющий туман. Псих, подумал он. Сумасшедший же. Ноги ему... Стервецу... От всех этих разговоров копился в душе какой–то осадок, непонятно какой. И он не растворялся со временем, а, наоборот, все копился и копился. И непонятно было, что это такое, но оно мешало, словно он чем–то заразился от Стервятника, но не гадостью какой–нибудь, а наоборот... Силой, что ли? Нет, не силой. А чем же тогда? Ну ладно, сказал он себе. Давай так: предположим, не дошел я сюда. Совсем уже собрался, рюкзак уложил, и тут что–то случилось... Сцапали меня, например. Плохо было бы? Определенно плохо. Почему плохо? Деньги пропали? Да нет, не в деньгах дело... Что добро этим гадам достанется, хрипатым, да костлявым? Правда, в этом что–то есть. Обидно. Но мне–то что? Все равно в конце концов все им достанется...

– Бр–р–р... – Артур передернул плечами. – До костей пробирает. Мистер Шухарт, может быть, дадите мне теперь глотнуть разок?

Рэдрик молча достал флягу и протянул ему.

А ведь я не сразу согласился, подумал он вдруг. Двадцать раз я посылал Стервятника подальше, а на двадцать первый все–таки согласился. Как–то мне невмоготу стало совсем. И последний разговор у нас получился короткий и вполне деловой. "Здорово, Рыжий. Я вот карту принес. Может, все–таки посмотришь?" А я посмотрел ему в глаза, а глаза у него как нарывы – желтые с черной точкой, и я сказал: "Давай". И все. Помню, что пьяный был тогда, целую неделю пил. На душе было гадостно... А ч–черт, не все ли равно! Пошел и пошел. Что я в этом копаюсь, как психованный! Боюсь я, что ли?

Он вздрогнул. Длинный, тоскливый скрип донесся вдруг из тумана. Рэдрик вскочил, как подброшенный, и сейчас же, как подброшенный, вскочил Артур. Но уже снова было тихо, только шуршала, струясь по насыпи у них из–под ног, мелкая галька.

– Это, наверное, порода просела, – неуверенно, с трудом выговаривая слова, прошептал Артур. – Вагонетки – с породой... Стоят давно...

Рэдрик смотрел прямо перед собой и ничего не видел. Он вспомнил. Это было ночью. Он проснулся от такого же звука, тоскливого и длинного, обмирая, как во сне. Только это был не сон. Это кричала Мартышка, сидя на своей постели у окна. Гута проснулась тоже и взяла Рэдрика за руку, он чувствовал ее мгновенно покрывшееся испариной плечо, и так они лежали и слушали, а когда Мартышка замолчала и улеглась, он подождал еще немного, потом встал, спустился на кухню и жадно выпил полбутылки коньяку. С этой ночи он запил.

– Порода, – говорил Артур. – Она, знаете, проседает со временем. От сырости, от эрозии, от всяких таких причин...

Рэдрик посмотрел на его побледневшее лицо и снова сел. Сигарета его куда–то пропала из пальцев, он закурил новую. Артур постоял еще немного, опасливо вертя головой, потом тоже сел и сказал негромко:

– Я знаю, рассказывают, что в зоне будто бы кто–то живет. Какие–то люди. Не пришельцы, а именно люди. Будто посещение застигло их тут, и они мутировали... Приспособились к новым условиям. Вы слыхали об этом, мистер Шухарт?

– Да, – сказал Рэдрик. – Только это не здесь. Это в горах. На северо–западе. Пастухи какие–то.

Вот он чем меня заразил, думал он. Сумасшествием своим он меня заразил. Вот, значит, почему я сюда пошел. Вот что мне здесь надо... Какое–то странное и очень новое ощущение медленно заполнило его. Он сознавал, что ощущение это на самом деле совсем не новое, что оно давно уже сидело где–то у него в печенках, но только сейчас он о нем догадался, и все встало на свои места. И то, что раньше казалось глупостью, сумасшедшим бредом выжившего из ума старика, обернулось теперь единственной надеждой, единственным смыслом жизни, потому что только сейчас он понял: единственное на всем свете, что у него еще осталось, единственное, ради чего он жил последние месяцы, была надежда на чудо. Он, дурак, болван, отталкивал эту надежду, затаптывал ее, издевался над нею, пропивал ее, потому что он так привык, потому что никогда в жизни, с самого детства, он не рассчитывал ни на кого, кроме себя, и потому что с самого детства этот расчет на себя выражался у него в количестве зелененьких, которые ему удавалось вырвать, выдрать, выгрызть из окружающего его равнодушного хаоса. Так было всегда, и так было бы и дальше, если бы он в конце концов не оказался в такой яме, из которой его не вызволят никакие зелененькие, в которой рассчитывать на себя совершенно бессмысленно. А сейчас эта надежда – уже не надежда, а уверенность в чуде – заполнила его до самой макушки, и он уже удивлялся, как мог раньше жить в таком беспросветном, безисходном мраке... Он засмеялся и толкнул Артура в плечо.

– Что, сталкер, – сказал он, – еще поживем, как ты считаешь, а?

Артур удивленно посмотрел на него, неуверенно улыбаясь. А Рэдрик смял промасленную бумагу от бутербродов, зашвырнул ее под вагонетку и прилег на рюкзак, упершись локтем.

– Ну хорошо, – сказал он. – А предположим, например, что этот самый золотой шар действительно... Что б ты тогда пожелал?

– Значит, вы все–таки верите? – быстро спросил Артур.

– Это неважно – верю я там или не верю. Ты мне на вопрос ответь.

Ему вдруг на самом деле стало интересно узнать, что может попросить у золотого шара такой вот парень, молокосос еще, вчерашний школьник, и он с веселым любопытством следил, как Артур хмурится, тревожит усики, вскидывает на него и снова прячет глаза.

– Ну, конечно, ноги отцу... – проговорил Артур наконец. – Чтобы дома было все хорошо...

Врешь, врешь, – добродушно сказал Рэдрик. – Ты, браток, учти: золотой шар только сокровенные желания выполняет, только такие, что если не исполнится, то хоть в петлю!

Артур Барбридж покраснел, снова вскинул на Рэдрика и тотчас же опустил глаза и совсем залился краской, даже слезы выступили. Рэдрик ухмыльнулся, глядя на него.

– Все понятно, – сказал он почти ласково. – Ладно, это не мое дело. Держи уж свое при себе... – И тут он вдруг вспомнил про пистолет и подумал, что, пока есть время, надо учесть все, что можно учесть. – Что это у тебя в заднем кармане? – спросил он небрежно.

– Пистолет, – буркнул Артур и закусил губу.

– Зачем он тебе?

– Стрелять! – сказал Артур с вызовом.

– Брось, брось, – строго проговорил Рэдрик и сел прямо. – Давай его сюда. В зоне стрелять не в кого. Давай.

Артур хотел что–то сказать, но промолчал, сунул руку за спину, вытащил армейский кольт и протянул Рэдрику, держа за ствол. Рэдрик взял пистолет за теплую рубчатую рукоятку, подбросил его, поймал и спросил:

– Платок у тебя есть какой–нибудь? Давай, я заверну...

Он взял у Артура носовой платок, чистенький, пахнущий одеколоном, завернул пистолет и положил сверток на шпалу.

– Пусть пока здесь полежит, – обьяснил он. – Даст бог, вернемся сюда – возьмем. Может, в самом деле от патрульных отстреливаться придется... Хотя от патрульных отстреливаться, браток...

Артур решительно помотал головой.

– Да мне не для того, – сказал он с досадой. – Там только один патрон. Чтобы, если как с отцом...

– Во–он что... – протянул Рэдрик, рассматривая его в упор. Ну, за это можешь не беспокоиться. Если как с отцом, то уж до этого места я тебя дотащу. Обещаю... Гляди, рассвело!

Туман исчезал на глазах. На насыпи его уже не было вовсе, а внизу и вдали молочная мгла проседала и протаивала, сквозь нее прорастали округлые щетинистые вершины холмов, и между холмами коегде виднелась уже рябая поверхность прокисшего болота, покрытая реденьким заморенным лозняком, а на горизонте, за холмами, ярко–желтым вспыхнули вершины гор, и небо над горами было ясное и голубое. Артур оглянулся через плечо и восхищенно вскрикнул. Рэдрик тоже оглянулся. На востоке горы казались черными, а над ними полыхало и переливалось знакомое изумрудное зарево – зеленая заря зоны. Рэдрик поднялся, зашел за вагонетку, присел на насыпи и, покряхтывая, смотрел, как быстро гаснет, затапливается розовым зеленое зарево, и оранжевая краюха солнца выползает из–за хребта, и сразу от холмов потянулись лиловатые тени – все стало резким, рельефным, все стало видно как на ладони, и прямо перед собой, метрах в двухста, Рэдрик увидел вертолет. Вертолет упал, видно, в самый центр "комариной плеши", и весь фюзеляж его расплющило в жестяной блин, только хвост остался цел, его слегка изогнуло, и он черным крючком торчал над прогалиной между холмами, и стабилизирующий винт остался цел – отчетливо поскрипывал, покачиваясь на легком ветерке. "Плешь", видимо, попалась мощная, даже пожара настоящего не получилось, и на расплющенной жестянке отчетливо выделялась красно–синяя эмблема королевских военно–воздушных сил, которую Рэдрик вот уже сколько лет и в глаза не видел и вроде бы даже позабыл, как она выглядит.

Потом Рэдрик вернулся к рюкзаку, достал карту и разложил ее на спекшейся груде породы в вагонетке. Самого карьера видно отсюда не было – его заслонил холм с почерневшим, обгорелым деревом на вершине. Этот холм предстояло обойти справа, по лощине между ним и другим холмом, который тоже был виден отсюда, совсем голый, с бурой каменной осыпью по всему склону.

Все ориентиры совпадали, но Рэдрик не испытывал удовлетворения. Многолетний инстинкт сталкера категорически протестовал против самой мысли, несуразной и противоестественной, – прокладывать тропу между двумя близкими возвышенностями. Ладно, подумал Рэдрик, это мы еще посмотрим. На месте будет виднее. Тропа до этой лощины вела по болоту, по открытому, ровному месту, которое казалось отсюда безопасным, но, приглядевшись, Рэдрик различил между сухими кочками какое–то темно–серое пятно. Он взглянул на карту. Там стоял крестик, и корявыми буквами было написано: "Хлюст". Красный пунктир тропы шел правее крестика. Кличка была вроде бы знакомая, но кто такой этот Хлюст, как он выглядел и когда он был, Рэдрик вспомнить не мог. Вспомнилось ему почему–то только: дымный зал в "Боржче", огромные красные лапы, сжимающие стаканы, громовой хохот, разинутые желтозубые пасти – фантастическое стадо титанов и гигантов, собравшихся на водопой, одно из самых ярких воспоминаний детства – первое посещение "Боржча". Что я тогда принес? "Пустышку", кажется. Прямо из зоны, мокрый, голодный, ошалелый, с мешком через плечо, ввалился в этот кабак, грохнул мешок на стойку перед Эрнестом, злобно щерясь и озираясь, выдержал грохочущий залп издевательств, дождался, пока Эрнест – тогда еще молодой, всегда при галстуке бабочкой, – отсчитал сколько–то там зелененьких... Нет, тогда были еще не зелененькие, тогда были квадратные, королевские, с какой–то полуголой бабой в плаще и в венке... Дождался, спрятал деньги в карман и неожиданно для себя самого цапнул со стойки тяжелую пивную кружку и с размаху хватил ею по ближайшей хохочущей пасти... Рэдрик ухмыльнулся и подумал: может, это и был Хлюст?

– Разве между холмами можно, господин Шухарт? – вполголоса спросил над ухом Артур. Он стоял рядом и тоже разглядывал карту.

– Там посмотрим, – сказал Рэдрик. Он все смотрел на карту. На карте было еще два крестика – один на склоне холма с деревом, другой на – каменной осыпи. Пудель и Очкарик. Тропа проходила понизу между ними. – Там посмотрим, – повторил он, сложил карту и сунул ее в карман.

Он оглядел Артура.

– Подай мне на спину рюкзак... Пойдем, как раньше, – сказал он, встряхивая рюкзак и прилаживая лямки поудобнее. – Ты идешь впереди, чтобы я тебя каждую минуту видел. Не оглядывайся, а уши держи нараспашку. Мой приказ – закон. Имей в виду, придется много ползти, грязи не вздумай бояться, если прикажу – мордой в грязь без разговоров... Да курточку свою застегни. Готов?

– Готов, – сказал Артур глухо. Он здорово нервничал. Румянца на щеках у него как не бывало.

– Первое направление – вот. – Рэдрик резко махнул ладонью в сторону ближайшего холма в сотне шагов от насыпи. – Ясно? Пошел.

Артур судорожно вздохнул и, перешагнув через рельс, стал боком спускаться с насыпи. Галька с шумом сыпалась за ним.

– Легче, легче, – сказал Рэдрик. – Спешить некуда.

Он стал осторожно спускаться следом, привычно регулируя инерцию тяжелого рюкзака мускулами ног. Краем глаза он все время следил за Артуром. Боится парень, думал он. Правильно боится. Предчувствует, наверное. Если у него чутье как у папаши, то должен предчувствовать... Знал бы ты, Стервятник, как обернулось дело. Знал бы ты, Стервятник, что я тебя на этот раз послушаюсь. "А вот здесь, Рыжий, тебе одному не пройти. Хочешь не хочешь, а придется тебе кого–нибудь с собой взять. Могу кого–нибудь из своих отдать, кого не жалко...". Уговорил. Первый раз в жизни согласился я на такое дело.

Ну ничего, подумал он. Может быть, все–таки обойдется, все–таки я не Стервятник, может быть, словчим что–нибудь...

– Стоп! – приказал он Артуру.

Парнишка остановился по щиколотку в ржавой воде. Пока Рэдрик спускался, трясина затянула его по колено.

– Камень видишь? – спросил Рэдрик. – Вон, под холмом лежит. Давай на него.

Артур двинулся вперед. Рэдрик отпустил его на десять шагов и пошел следом. Трясина под ногами чавкала. Это была мертвая трясина – ни мошкары, ни лягушек, даже лозняк здесь высох и сгнил. Рэдрик привычно посматривал по сторонам, но пока все было вроде бы спокойно. Холм медленно приближался, наполз на низкое еще солнце, потом закрыл всю восточную часть неба. У камня Рэдрик оглянулся в сторону насыпи. Насыпь была ярко озарена солнцем, на ней стоял поезд из десятка вагонеток, часть вагонеток сорвалась с рельсов и лежала на боку, насыпь под ними была покрыта рыжими потеками высыпавшейся породы. А дальше, в сторону карьера, к северу от поезда, воздух над рельсами мутно дрожал и переливался, и время от времени в нем мгновенно вспыхивали и гасли маленькие радуги. Рэдрик посмотрел на это дрожание, сплюнул почти всухую и отвернулся.

– Дальше, – сказал он, и Артур повернул к нему напряженное лицо. – Вон тряпье, видишь? Да не туда смотришь! Вон там, правее...

– Да, – сказал Артур.

– Так вот, это был некий Хлюст. Давно был. Он не слушался старших и теперь лежит там специально для того, чтобы показывать умным людям дорогу. Возьми два пальца влево от этого Хлюста... Взял? Засек точку? Ну примерно там, где лозняк чуть погуще... Двигай туда. Пошел!

Теперь они шли параллельно насыпи. С каждым шагом воды под ногами становилось все меньше, и скоро они шагали уже по сухим пружинистым кочкам. А на карте здесь везде сплошное болото, подумал Рэдрик. Устарела карта, давненько Барбридж здесь не бывал, вот она и устарела. Плохо. Оно, конечно, по сухому идти легче, но лучше уж чтобы здесь было это болото... Ишь вышагивает, подумал он про Артура. Как по центральному проспекту.

Артур, видимо, приободрился и шел теперь полным шагом. Одну руку он засунул в карман, а другой весело отмахивал, словно на прогулке. Тогда Рэдрик пошарил в кармане, выбрал гайку граммов на двадцать и, прицелившись, запустил ему в голову. Гайка попала Артуру прямо в затылок. Парень ахнул, обхватил голову руками и, скорчившись, рухнул на сухую траву. Рэдрик остановился над ним.

– Вот так оно здесь и бывает, Арчи, – сказал он назидательно. – Это тебе не бульвар, ты здесь со мной не на шпацир вышел.

Артур медленно поднялся. Лицо у него было совершенно белое.

– Все понятно? – спросил Рэдрик.

Артур глотнул и покивал.

– Вот и хорошо. А в следующий раз надаю по зубам. Если жив останешься. Пошел!

А из паренька мог бы получиться сталкер, думал Рэдрик. Звали бы его, наверное, Красавчик Арчи. У нас был уже один Красавчик, звали его Диксон, а теперь его зовут Суслик. Единственный сталкер, который попал в "мясорубку" и все–таки выжил. Повезло. Он–то, чудак, до сих пор думает, что это его Барбридж из "мясорубки" вытащил. Черта с два! Из "мясорубки" не вытащишь... Из зоны он его выволок, это верно. Совершил Барбридж такой геройский поступок! Только попробовал бы он не выволочь! Эти его штучки тогда уже всем надоели, и ребята ему сказали в тот раз прямо: один лучше не возвращайся. А ведь как раз тогда Барбриджа и прозвали Стервятником, до этого он у нас в битюгах ходил...

Рэдрик вдруг ощутил на левой щеке едва заметный ток воздуха и сейчас же, еще не успев ни о чем подумать, крикнул:

– Стой !

Он вытянул руку влево. Ток воздуха чувствовался там сильнее. Где–то между ними и насыпью разлеглась "Комариная плешь", а может быть, она шла и по самой насыпи – не зря же свалились вагонетки. Артур стоял как вкопанный, он даже не обернулся.

– Возьми правее, – приказал Рэдрик. – Пошел.

Да, неплохой был бы сталкер... Кой черт, жалею я его, что ли? Этого еще не хватало. А меня кто–нибудь когда–нибудь жалел?.. Вообще–то да, жалели. Кирилл меня жалел. Дик Нунан меня жалеет. Правда, он, может быть, не столько меня жалеет, сколько к Гуте прислоняется, но, может быть, и жалеет, одно другому не помеха у порядочных людей... Только мне вот жалеть никого не приходится. У меня выбор: или – или... Он впервые с полной отчетливостью представил себе этот выбор: или этот паренек, или моя Мартышка. Тут и выбирать нечего, все ясно. Если только чудо возможно, сказал какой–то голос изнутри, и он с ужасом и ожесточением задавил в себе этот голос.

Они миновали груду серого тряпья. От Хлюста ничего не осталось, только лежала поодаль в засохшей траве длинная, насквозь проржавевшая палка – миноискатель. Тогда многие пользовались миноискателями, покупали втихаря у армейских интендантов, надеялись на эти штуки как на самого господа бога, а потом два сталкера подряд за несколько дней погибли с ними, убитые подземными разрядами. И как отрезало... Кто же все–таки был этот Хлюст? Стервятник его сюда привел или он сам сюда пришел? И почему их всех тянуло к этому карьеру? Почему я об этом ничего не слыхал?.. Дьявол, припекает–то как! И это с утра, а что будет потом?

Артур, который шел шагах в пяти впереди, поднял руку и вытер со лба пот. Рэдрик покосился на солнце. Солнце было еще невысоко. И тут он вдруг осознал, что сухая трава под ногами не шуршит, как раньше, а словно бы поскрипывает, как картофельная мука, и она уже не колючая и жесткая, как раньше, а мягкая и зыбкая, – она рассыпалась под сапогом, словно лохмотья копоти. И он увидел четко выдавленные следы Артура и бросился на землю, крикнув: "Ложись!"

Он упал лицом в траву, и она разлетелась в пыль под его щекой, и он заскрипел зубами от злости, что так не повезло. Он лежал, стараясь не двигаться, все еще надеясь, что, может быть, пронесет, хотя и понимал, что они попались. Жар усиливался, наваливался, обволакивая все тело, как простыня, смоченная кипятком, глаза залило потом, и Рэдрик запоздало крикнул Артуру: "Не шевелись! Терпи!" И стал терпеть сам.

И он бы вытерпел, и все обошлось бы тихо–благородно, пропотели бы только, но не выдержал Артур. То ли не расслышал, что ему крикнул, то ли перепугался сверх всякой меры, а может быть, разом припекло его еще сильнее, чем Рэдрика, – во всяком случае управлять собой он перестал и слепо, с каким–то горловым воплем, кинулся, пригнувшись, куда погнал его бессмысленный инстинкт – назад, как раз туда, куда бежать уж никак нельзя было. Рэдрик едва успел приподняться и обеими руками ухватить его за ногу, и он всем телом грянулся о землю, подняв тучу пепла, взвизгнул неестественно высоким голосом, лягнул Рэдрика свободной ногой в лицо, забился и задергался, но Рэдрик, сам уже плохо соображая от боли, наполз на него, прижимаясь обожженным лицом к кожаной куртке, стремясь задавить, втереть в землю, обеими руками держа за длинные волосы дергающуюся голову и бешено колотя носками ботинок и коленями по ногам, по земле, по заду. Он смутно слышал стоны и мычание, доносившиеся из–под него, и свой собственный хриплый рев: "Лежи, жаба, лежи, убью...", а сверху на него все наваливали и наваливали груды раскаленного угля, и уже полыхала на нем одежда, и трещала, вздуваясь пузырями и лопаясь, кожа на ногах и боках, и он, уткнувшись лбом в серый пепел, судорожно уминая грудью голову этого проклятого сопляка, не выдержал и заорал изо всех сил...

Он не помнил, когда все это кончилось. Понял только, что снова может дышать, что воздух снова стал воздухом, а не раскаленным паром, выжигающим глотку, и сообразил, что надо спешить, что надо как можно скорее убираться из–под этой дьявольской жаровни, пока она снова не опустилась на них. Он сполз с Артура, который лежал совершенно неподвижно, зажал обе его ноги под мышкой и, помогая себе свободной рукой, пополз вперед, не спуская глаз с черты, за которой снова начиналась трава, мертвая, сухая, колючая, но настоящая, – она казалась ему сейчас величайшим обиталищем жизни. Пепел скрипел на зубах, обожженное лицо то и дело обдавало остатками жара, пот лил прямо в глаза – наверное, потому, что ни бровей, ни ресниц у него больше не было. Артур волочился следом, словно нарочно цепляясь своей проклятой курточкой; горели обваренные руки, а рюкзак при каждом движении поддавал в обгорелый затылок. От боли и духоты Рэдрик с ужасом подумал, что совсем обварился и теперь ему не дойти. От этого страха он сильнее заработал свободным локтем и коленками, только бы доползти, ну еще немного, давай, Рэд, давай, Рыжий, вот так, вот так, ну еще немного...

Потом он долго лежал, погрузив лицо и руки в холодную ржавую воду, с наслаждением вдыхая провонявшую гнилью прохладу. Век бы так лежал, но он заставил себя подняться, стоя на коленях, сбросил рюкзак, на четвереньках подобрался к Артуру, который все еще неподвижно лежал в шагах тридцати от болота, и перевернул его на спину. Н–да, красивый был мальчик. Теперь эта смазливая мордашка казалась черно–серой маской из смеси запекшейся крови и пепла, и несколько секунд Рэдрик с тупым интересом разглядывал продольные борозды на этой маске – следы от кочек и камней. Потом он поднялся на ноги, взял Артура под мышки и потащил к воде. Артур хрипло дышал, время от времени постанывая. Рэдрик бросил его лицом в самую большую лужу и повалился рядом, снова переживая наслаждение от мокрой ледяной ласки. Артур забулькал, завозился, подтянул под себя руки и поднял голову. Глаза его были вытаращены, он ничего не соображал и жадно хватал ртом воздух, отплевываясь и кашляя. Потом взгляд его сделался осмысленным и остановился на Рэдрике.

– Ф–фу–у... – сказал он и помотал лицом, разбрызгивая грязную воду. – Что это было, мистер Шухарт?

– Смерть это была, – невнятно произнес Рэдрик и закашлялся. Он ощупал лицо. Было больно. Нос распух, но брови и ресницы, как это ни странно, были на месте. И кожа на руках тоже оказалась цела, только покраснела малость.

Артур тоже осторожно трогал пальцами свое лицо. Теперь, когда страшную маску смыло водой, физиономия у него оказалась – тоже противу ожиданий – почти в порядке. Несколько царапин, ссадина на лбу, рассечена нижняя губа, а так, в общем, ничего.

– Никогда о таком не слышал, – проговорил Артур и посмотрел назад.

Рэдрик тоже оглянулся. На сероватой испепеленной траве осталось много следов, и Рэдрик поразился, как, оказывается, короток был тот страшный, бесконечный путь, который он прополз, спасаясь от гибели. Каких–нибудь метров двадцать–тридцать, не больше, было всего от края до края выжженной проплешины, но он сослепу и от страха полз по ней каким–то диким зигзагом, как таракан по раскаленной сковороде, и спасибо еще, что полз, в общем, туда, куда надо, а ведь мог бы заползти на "комариную плешь" слева, а мог бы и вообще повернуть обратно... Нет, не мог бы, подумал он с ожесточением. Это молокосос какой–нибудь мог бы, а я тебе не молокосос, и если бы не этот дурак, то вообще ничего бы не случилось, обварил бы себе ноги – вот и все неприятности.

Он посмотрел на Артура. Артур с фырканьем умывался, покряхтывал, задевая больные места. Рэдрик поднялся и, морщась от прикосновений задубевшей от жары одежды к обожженной коже, вышел на сухое место и нагнулся над рюкзаком. Вот рюкзаку досталось по–настоящему. Верхние клапаны просто–напросто обгорели, пузырьки в аптечке все полопались от жара к чертовой матери, и от жухлого пятна несло невыносимой медициной. Рэдрик отстегнул клапан, принялся выгребать осколки стекла и пластика, и тут, Артур у него за спиной сказал:

– Спасибо вам, мистер Шухарт! Вытащили вы меня.

Рэдрик промолчал. Какой еще черт – спасибо! Сдался ты мне спасать тебя.

– Я сам виноват, – сказал Артур. – Я ведь слышал, что вы мне приказали лежать, но я здорово перепугался, а когда припекло совсем голову потерял. Я очень боли боюсь, мистер Шухарт...

– Давай, вставай, – сказал Рэдрик, не оборачиваясь. – Это все были цветочки... Вставай, чего разлегся!

Зашипев от боли в обожженных плечах, он вскинул на спину рюкзак, продел руки в лямки. Ощущение было такое, будто кожа на обожженных местах сьежилась и покрылась болезненными морщинами. Боли он боится... С чумой тебя пополам вместе с твоей болью!.. Он огляделся. Ничего, с тропы не сошли. Теперь эти холмики с покойниками. Поганые холмики – стоят, гниды, торчат как чертовы макушки, и эта лощинка между ними... Он невольно потянул носом воздух. Ах, поганенькая лощинка, вот она–то самая погань и есть. Жаба.

– Лощинку между холмами видишь? – спросил он Артура.

– Вижу.

– Прямо на нее. Марш!

Тыльной стороной ладони Артур вытер под носом и двинулся вперед, шлепая по лужам. Он прихрамывал и был уже не такой прямой и стройный, как раньше, – согнуло его, и шел он теперь осторожно, с большой опаской. Вот и еще одного я вытащил, подумал Рэдрик. Который же это будет? Пятый? Шестой? И теперь вот спрашивается: зачем? Что он мне – родной? Поручился я за него? Слушай, Рыжий, а почему ты его тащил? Чуть ведь сам из–за него не загнулся... Теперь–то, на ясную голову, я знаю: правильно я его тащил, мне без него не обойтись, он у меня как заложник за Мартышку. Я не человека вытащил, я миноискатель свой вытащил. Тральщик свой. Отмычку. А там, на горячем месте, я об этом и думать не думал. Тащил его как родного, и мысли даже не было, чтобы бросить, хотя про все забыл – и про отмычку забыл, и про Мартышку забыл... Что же это получается? Получается, что я и в самом деле добрый парень. Это мне и Гута твердит, и Кирилл–покойник внушал, и Ричард все время насчет этого долдонит... Тоже мне, нашли добряка! Ты это брось, сказал он себе. Тебе здесь эта доброта ни к чему! Думать надо, а потом уже руками–ногами шевелить. Чтоб в первый и в последний раз, понятно? Добряк... Мне его надо сберечь для "мясорубки", холодно и ясно подумал он. Здесь все можно пройти, кроме "мясорубки".

– Стой! – сказал он Артуру.

Лощина была перед ними, и Артур уже стоял, растерянно глядя на Рэдрика. Дно лощины было покрыто гнойно–зеленой, жирно отсвечивающей на солнце жижей. Над поверхностью ее курился легкий парок, между холмами он становился гуще, и в тридцати шагах уже ничего не было видно. И смрад. "Запашок там будет, Рыжий, так ты не того... Не дрейфь".

Артур издал горловой звук и попятился. Тогда Рэдрик стряхнул с себя оцепенение, торопливо вытащил из кармана сверток с ватой, пропитанной дезодоратором, заткнул ноздри тампоном и протянул вату Артуру.

– Спасибо, мистер Шухарт, – слабым голосом сказал Артур. – А как–нибудь верхом нельзя?..

Рэдрик молча взял его за волосы и повернул его голову в сторону кучи тряпья на каменной осыпи.

– Это был Очкарик, – сказал он. – А на левом холме – отсюда не видно – лежит Пудель. В том же виде. Понял? Вперед.

Жижа была теплая, липкая. Сначала они шли в рост, погрузившись по пояс, дно под ногами, к счастью, было каменистое и довольно ровное, но вскоре Рэдрик услышал знакомое жужжание с обеих сторон. На левом холме, освещенном солнцем, ничего не было видно, а на склоне справа, в тени, запрыгали бледные лиловатые огоньки.

– Пригнись! – скомандовал он сквозь зубы и пригнулся сам. Ниже, дурак! – крикнул он.

Артур испуганно пригнулся, и в ту же секунду громовой разряд расколол воздух. Над самыми головами у них затряслась в бешеной пляске разветвленная молния, едва заметная на фоне неба. Артур присел и окунулся по плечи. Рэдрик, чувствуя, что уши ему заложило от грохота, повернул голову и увидел в тени ярко–алое, быстро тающее пятно среди каменного крошева, и сейчас же ударила вторая молния.

– Вперед! Вперед! – заорал он, не слыша себя.

Теперь они двигались на корточках, гусиным шагом, выставив наружу только головы, и при каждом разряде Рэдрик видел, как длинные волосы Артура встают дыбом, и чувствовал, как тысячи иголочек вонзаются в кожу лица. "Вперед! – монотонно повторял он. – Вперед!" Он уже ничего не слышал. Один раз Артур повернулся к нему в профиль, и он увидел вытаращенный ужасом глаз, скошенный на него, и белые прыгающие губы, и замазанную зеленью потную щеку. Потом молнии стали бить так низко, что им пришлось окунуться с головой. Зеленая слизь заклеивала рот, стало трудно дышать. Хватая ртом воздух, Рэдрик вырвал из носа тампоны и обнаружил вдруг, что смрад исчез, что воздух наполнен свежим, пронзительным запахом озона, а пар вокруг становился все гуще или, может быть, это потемнело в глазах, и уже не видно было холмов ни справа, ни слева – ничего не было видно, кроме облепленной зеленой грязью головы Артура и желтого клубящегося пара вокруг.

Пройду, пройду, думал Рэдрик. Не в первый раз, всю жизнь так, сам в дряни, а над головой молнии, иначе никогда и не было... И откуда здесь эта дрянь? Сколько дряни... С ума сойти, сколько дряни в одном месте! Это Стервятник, подумал он яростно. Это Стервятник здесь прошел, это за ним осталось... Очкарик лег справа, Пудель лег слева, и все для того, чтобы Стервятник прошел между ними и оставил за собой всю свою мерзость... Так тебе и надо, сказал он себе. Кто идет следом за Стервятником, тот всегда по горло в грязи. Ты что, этого раньше не знал? Их слишком много, Стервятников, почему и не осталось здесь ни одного чистого места... Нунан – дурак: ты, мол, Рыжий, нарушитель равновесия, разрушитель порядка, тебе, мол, Рыжий, при любом порядке плохо, и при плохом плохо, и при хорошем плохо, – из–за таких, как ты, никогда не будет царствия небесного на земле... Да что ты в этом понимаешь, толстяк? Где это ты у нас видел хороший порядок? Когда это ты видел меня при хорошем порядке?..

Он поскользнулся на повернувшемся под ногой камне, окунулся с головой, вынырнул, увидел совсем рядом перекошенное, с вытаращенными глазами лицо Артура и вдруг на мгновение похолодел: ему показалось, что он потерял направление. Но он не потерял направления. Он сейчас же понял, что идти надо вон туда, где из жижи торчит черная верхушка камня, понял, хотя, кроме этой верхушки, ничего не было видно в желтом тумане.

– Стой! – заорал он. – Правее держи! Правее камня.

Он опять не услышал своего голоса и тогда догнал Артура, поймал его за плечо и стал показывать рукой: держи правее камня, голову вниз. Вы мне за это заплатите, подумал он. У камня Артур нырнул, и сейчас же молния с треском ударила в черную верхушку, только раскаленные крошки полетели. Вы мне за это заплатите, повторял он, погружаясь с головой и изо всех сил работая руками и ногами. В ушах гулко раскатился новый удар молнии. Я из вас всю душу вытрясу за это! Он мимолетно подумал: О ком это я? Не знаю. Но кто–то за это должен заплатить, кто–то мне за это заплатит! Подождите, дайте только добраться до шара, до шара мне дайте добраться, я вам не Стервятник, я с вас спрошу по–своему...

Когда они выбрались на сухое место, на уже раскаленное солнцем каменное крошево, оглушенные, вывернутые наизнанку, шатаясь и цепляясь друг за друга, чтобы не упасть, Рэдрик увидел облупленный автофургон, просевший на осях, и смутно вспомнил, что здесь, возле этого фургона, можно отдышаться в тени. Они забрались в тень. Артур лег на спину и принялся вялыми пальцами расстегивать на себе куртку, а Рэдрик привалился рюкзаком к стенке фургона, кое–как вытер ладони о щебень и полез за пазуху.

– И мне... – проговорил Артур. – И мне, мистер Шухарт!

Рэдрик поразился, какой у этого мальчишки громкий голос, хлебнул, закрыл глаза и протянул флягу Артуру. Все, подумал он вяло. Прошли. И это прошли. Теперь – сумму прописью. Вы думаете, я забыл? Нет, я все помню. Думаете, я вам спасибо скажу, что вы меня живым оставили, не утопили? Кол вам, а не спасибо. Теперь вам всем конец, понятно? Я ничего этого не оставлю. Теперь я решаю. Я, Рэдрик Шухарт, в здравом уме и трезвой памяти буду решать все и за всех. А вы все прочие, Стервятники, жабы, пришельцы, Костлявые, Квотерблады, паразиты, зелененькие, Хрипатые, в галстучках, в мундирчиках, чистенькие, с портфелями, с речами, с благодеяниями, с работодательством, с вечными аккумуляторами, с вечными двигателями, с "комариными плешами", с лживыми обещаниями – хватит, поводили меня за нос, через всю мою жизнь волокли меня за нос, я все, дурак, хвастался, что, мол, как хочу, так и сделаю, а вы только поддакивали, а сами, гады, перемигивались и волокли меня за нос, тянули, тащили, через тюрьмы, через кабаки... Хватит! Он отстегнул ремни рюкзака и принял из рук Артура флягу.

– Никогда я не думал, – говорил Артур с кротким недоумением в голосе, – даже представить себе не мог... Я, конечно, знал смерть, огонь... Но вот такое!.. Как же мы с вами обратно–то пойдем?

Рэдрик не слушал его. То, что говорит этот человечек, теперь не имеет никакого значения. Это и раньше не имело никакого значения, но раньше он все–таки был человеком. А теперь это... Так, говорящая отмычка. Пусть говорит.

– Помыться бы... – Артур озабоченно озирался. – Хоть бы лицо сполоснуть.

Рэдрик рассеянно взглянул на него, увидел слипшиеся, свалявшиеся войлоком волосы, измазанное подсохшей слизью лицо со следами пальцев, и всего его, покрытого коркой потрескавшейся грязи, и не ощутил ни жалости, ни раздражения, ничего. Говорящая отмычка. Он отвернулся. Впереди расстилалось унылое, как заброшенная строительная площадка, пространство, засыпанное острой щебенкой, запорошенное белой пылью, залитое слепящим солнцем, нестерпимо белое, горячее, злое, мертвое. Дальний край карьера был уже виден отсюда – тоже ослепительно белый и кажущийся с этого расстояния совершенно ровным и отвесным, а ближний край отмечала россыпь крупных обломков, и спуск в карьер был там, где среди обломков красным пятном выделялась кабина экскаватора это был единственный ориентир. Надо было идти прямо на него, положившись на самое обыкновенное везенье.

Артур вдруг приподнялся, сунул руку под фургон и вытащил оттуда ржавую консервную банку.

– Взгляните–ка, мистер Шухарт, – сказал он, оживившись. – Ведь это, наверное, отец оставил... Там и еще есть.

Рэдрик не ответил. Это ты зря, подумал он равнодушно. Лучше бы тебе сейчас про отца не вспоминать, лучше бы тебе сейчас помалкивать. А впрочем, все равно... Он поднялся и зашипел от боли, потому что вся одежда приклеилась к телу, к обожженной коже, и теперь что–то там внутри мучительно рвалось, отдиралось, как засохший бинт от раны. Артур тоже поднялся и тоже зашипел и закряхтел и страдальчески посмотрел на Рэдрика – видно было, что ему очень хочется пожаловаться, но он не решается. Он только сказал сдавленным голосом:

– А нельзя мне сейчас еще разок глотнуть, мистер Шухарт?

Рэдрик спрятал за пазуху флягу, которую держал в руке, и сказал:

– Красное видишь между камнями?

– Вижу, – сказал Артур и судорожно перевел дух.

– Прямо на него. Пошел.

Артур со стоном потянулся, расправляя плечи, весь скривился и, озираясь, проговорил:

– Помыться бы хоть немножко... Приклеилось все.

Рэдрик молча ждал. Артур безнадежно посмотрел на него, покивал и двинулся было, но тут же остановился.

– Рюкзак, – сказал он. – Рюкзак забыли, мистер Шухарт.

– Марш! – приказал Рэдрик.

Ему не хотелось ни объяснять, ни лгать, да и не к чему все это было. И так пойдет. Деваться ему некуда. Пойдет. И Артур пошел. Побрел, ссутулившись, волоча ноги, пытаясь отодрать с лица прочно присохшую дрянь, сделавшись маленьким, жалким, тощим, как мокрый бродячий котенок. Рэдрик двинулся следом, и как только он вышел из тени, солнце опалило и ослепило его, и он прикрылся ладонью, жалея, что не прихватил темные очки.

От каждого шага взлетало облачко белой пыли, пыль садилась на ботинки, она издавала нестерпимый запах – вернее, это от Артура несло, идти за ним следом было невозможно, и не сразу Рэдрик понял, что запах–то исходит больше всего от него самого. Запах был мерзкий, но какой–то знакомый – это он наполнял город в те дни, когда северный ветер нес по улицам дымы от завода. И от отца так же пахло, когда он возвращался домой, огромный, мрачный, с красными бешеными глазами, и Рэдрик торопился забраться куда–нибудь в дальний угол и оттуда смотрел боязливо, как отец сдирает с себя и швыряет в руки матери рабочую куртку, стаскивает с огромных ног огромные стоптанные башмаки, пихает их под вешалку, а сам в одних носках липко шлепает в ванную под душ и долго ухает там, с треском хлопая себя по мокрым телесам, гремит тазами, что–то ворчит себе под нос, а потом ревет на весь дом: "Мария ! Заснула ?" Нужно было дождаться, пока он отмоется, сядет за стол, где уже стоит бутылочка, глубокая тарелка с густым супом и банка с кетчупом, дождаться, пока он дохлебает суп и примется за мясо с бобами, и вот тогда можно было выбираться на свет, залезать к нему на колени и спрашивать, какого мастера и какого инженера он утопил сегодня в купоросном масле...

Все вокруг было раскалено добела, и его мутило от сухой жестокой жары, от усталости, и неистово саднила обожженная, полопавшаяся на сгибах кожа, и ему казалось, что сквозь горячую муть, обволакивающую сознание, она пытается докричаться до него, умоляя о покое, о воде, о прохладе. Затертые до незнакомости воспоминания громоздились в отекшем мозгу, опрокидывали друг друга, заслоняли друг друга, смешивались друг с другом, вплетаясь в белый знойный мир, пляшущий перед полузакрытыми глазами, и все они были горькими, и все они вызывали царапающую жалость или ненависть. Он пытался вмешаться в этот хаос, силился вызвать из прошлого какой–нибудь сладкий мираж, ощущение нежности или бодрости, он выдавливал из глубин памяти свежее смеющееся личико Гуты, еще девчонки, желанной и неприкосновенной, и оно появлялось было, но сразу же затекало ржавчиной, искажалось и превращалось в угрюмую, заросшую грубой бурой шерстью мордочку Мартышки; он силился вспомнить Кирилла, святого человека, его быстрые, уверенные движения, его смех, его голос, обещающий небывалые и прекрасные места и времена, и Кирилл появлялся перед ним, а потом ярко вспыхивала на солнце серебряная паутина, и вот уже нет Кирилла, а уставляются в лицо Рэдрику немигающие ангельские глазки Хрипатого Хью, и большая белая рука его взвешивает на ладони фарфоровый контейнер... Какие–то темные силы, ворочающиеся в его сознании, мгновенно сминали волевой барьер и гасили то немногое хорошее, что еще хранила его память, и уже казалось, что ничего хорошего не было вовсе, а только рыла, рыла, рыла...

И все это время он оставался сталкером. Не думая, не осознавая, не запоминая даже, он фиксировал словно бы спинным мозгом, что вот слева, на безопасном расстоянии, над грудой старых досок стоит "веселый призрак" – спокойный, выдохшийся, и плевать на него; а справа подул невнятный ветерок, и через несколько шагов обнаружилась ровная, как зеркало, "комариная плешь", многохвостая, будто морская звезда, – далеко, не страшно, – а в центре ее расплющенная в тень птица, редкая штука, птицы над зоной почти не летают; а вон рядом с тропой две брошенных "пустышки" – видно, Стервятник бросил на обратном пути, страх сильнее жадности... Он все это видел, все учитывал, и стоило скрюченному Артуру хоть на шаг уклониться от направления, как рот Рэдрика сам собой раскрывался, и хриплый предостерегающий оклик сам собой вылетал из глотки. Машину, думал он. Машину вы из меня сделали... А каменные обломки на краю карьера все приближались, и уже можно было разглядеть прихотливые узоры ржавчины на красной крыше кабины экскаватора. Дурак ты, Барбридж, думал Рэдрик. Хитер, а дурак. Как же ты мне поверил, а? Ты же меня с таких вот пор знаешь, ты же меня лучше меня самого знать должен. Старый ты стал, вот что. Поглупел. Да и то сказать – всю жизнь с дураками дело имел... И тут он представил себе, какое рыло сделалось у Стервятника, когда тот узнал, что Артур–то, Арчи, красавчик, кровинушка... Что в зону с Рыжим за его, Стервятниковыми, ногами ушел не сопляк бесполезный, а родной сын, жизнь, гордость... И, представив себе это рыло, Рэдрик захохотал, а когда Артур испуганно оглянулся на него, он, продолжая хохотать, махнул ему рукой: марш, марш! И опять поползли по сознанию, как по экрану, рыла... Надо было менять все. Не одну жизнь и не две жизни, не одну судьбу и не две судьбы – каждый винтик этого подлого здешнего смрадного мира надо было менять...

Артур остановился перед крутым сьездом в карьер, остановился и замер, уставившись вниз и вдаль, вытянув длинную шею. Рэдрик подошел и остановился рядом. Но он не стал глядеть туда, куда смотрел Артур.

Прямо из–под ног в глубину карьера уходила дорога, еще много лет назад разбитая гусеницами и колесами тяжелых грузовиков. Справа от нее поднимался белый, растрескавшийся от жары откос, а слева откос был полуразрушен, и среди камней и груд щебня там стоял, накренившись, экскаватор, ковш его был опущен и бессильно уткнулся в край дороги. И, как и следовало ожидать, ничего больше на дороге не было видно, только возле самого ковша с грубых выступов откоса свисали черные скрученные сосульки, похожие на толстые литые свечи, и множество черных клякс виднелось в пыли, словно там расплескали битум. Вот и все, что от них осталось, даже нельзя сказать, сколько их тут было. Может быть, каждая клякса это один человек, одно желание Стервятника. Вон та – это Стервятник живым и невредимым вернулся из подвала седьмого корпуса. Вон та, побольше – это Стервятник без помех вытащил из зоны "шевелящийся магнит". А вон та сосулька – это роскошная, непохожая ни на мать, ни на отца Дина Барбридж. А вот это пятно – непохожий ни на мать, ни на отца Артур Барбридж, Арчи, красавчик, гордость...

– Дошли! – исступленно прохрипел Артур. – Мистер Шухарт, дошли ведь все–таки, а?

Он засмеялся счастливым смехом, присел на корточки и обоими кулаками изо всех сил заколотил по земле. Колтун волос у него на макушке трясся и раскачивался смешно и нелепо, летели в разные стороны высохшие ошметки грязи. И только тогда Рэдрик поднял глаза и посмотрел на шар. Осторожно. С опаской. С затаенным страхом, что он окажется каким–нибудь не таким – разочарует, вызовет сомнение, сбросит с неба, на которое удалось вскарабкаться, захлебываясь в дряни...

Он был не золотой, он был скорее медный, красноватый, совершенно гладкий, и он мутно отсвечивал на солнце. Он лежал под дальней стеной карьера, уютно устроившись среди куч слежавшейся породы, и даже отсюда было видно, какой он массивный и как тяжко придавил он свое ложе.

В нем не было ничего разочаровывающего или вызывающего сомнение, но не было ничего и внушающего надежду. Почему–то сразу в голову приходила мысль, что он, вероятно, полый и что на ощупь он должен быть очень горячим – солнце раскалило. Он явно не светился своим светом и он явно был неспособен взлететь на воздух и плясать, как это часто случалось в легендах о нем. Он лежал там, где он упал. Может быть, вывалился из какого–нибудь огромного кармана или затерялся, закатился во время игры каких–то гигантов – он не был установлен здесь, он валялся, валялся точно так же, как все эти "пустышки", "браслеты", батарейки и прочий мусор, оставшийся от посещения.

Но в то же время что–то в нем все–таки было, и чем дольше Рэдрик глядел на него, тем яснее он понимал, что смотреть на него приятно, что к нему хочется подойти, его хочется потрогать, погладить, и откуда–то вдруг всплыла мысль, что хорошо, наверное, сесть рядом с ним, а еще лучше – прислониться к нему спиной, откинуть голову и, закрыв глаза, поразмыслить, повспоминать, а может быть, и просто подремать, отдыхая...

Артур вскочил, раздернул все "молнии" на своей куртке, сорвал ее с себя и с размаху швырнул под ноги, подняв клуб белой пыли. Он что–то кричал, гримасничая и размахивая руками, а потом заложил руки за спину и, приплясывая, выделывая ногами замысловатые па, вприпрыжку двинулся вниз по спуску. Он больше не глядел на Рэдрика, он забыл о Рэдрике, он забыл обо всем – он шел выполнять свои желания, маленькие сокровенные желания краснеющего колледжера, мальчишки, который никогда в жизни не видел никаких денег, кроме так называемых карманных, молокососа, которого нещадно пороли, если по возвращении домой от него хоть чуть–чуть пахло спиртным, из которого растили известного адвоката, а в перспективе – министра, а в самой далекой перспективе – сами понимаете, президента... Рэдрик, прищурив воспаленные глаза от слепящего света, молча смотрел ему вслед. Он был холоден и спокоен, он знал, что сейчас произойдет, и он знал, что не будет смотреть на это, но пока смотреть было можно, и он смотрел, ничего особенного не ощущая, разве что где–то глубоко–глубоко внутри заворочался вдруг беспокойно некий червячок и завертел колючей головкой.

А мальчишка все спускался, приплясывая по крутому спуску, отбивая немыслимую чечетку, и белая пыль взлетала у него из–под каблуков, и он что–то кричал во весь голос, очень звонко, и очень весело, и очень торжественно, – как песню или как заклинание, – и Рэдрик подумал, что впервые за все время существования карьера по этой дороге спускались так – словно на праздник. И сначала он не слушал, что там выкрикивает эта говорящая отмычка, а потом как будто что–то включилось в нем, и он услышал:

– Счастье для всех!.. Даром!.. Сколько угодно счастья!.. Все собирайтесь сюда!.. Хватит всем!.. Никто не уйдет обиженный!.. Даром!.. Счастье! Даром!..

А потом он вдруг замолчал, словно огромная рука с размаху загнала ему кляп в рот. И Рэдрик увидел, как прозрачная пустота, притаившаяся в тени ковша экскаватора, схватила его, вздернула в воздух и медленно, с натугой скрутила, как хозяйки скручивают белье, выжимая воду. Рэдрик успел заметить, как один из пыльных башмаков сорвался с дергающейся ноги и взлетел высоко над карьером. Тогда он отвернулся и сел. Ни одной мысли не было у него в голове, и он как–то перестал чувствовать себя. Вокруг стояла тишина, и особенно тихо было за спиной, там, на дороге. Тогда он вспомнил о фляге – без обычной радости, просто как о лекарстве, которое пришло время принять. Он отвинтил крышку и стал пить маленькими скупыми глотками, и впервые в жизни ему захотелось, чтобы во фляге было не спиртное, а просто холодная вода.

Прошло некоторое время, и в голове стали появляться более или менее связные мысли. Ну вот и все, думал он нехотя. Дорога открыта. Уже сейчас можно было бы идти, но лучше, конечно, подождать еще немножко. "Мясорубки" бывают с фокусами. Все равно ведь подумать надо. Дело непривычное – думать, вот в чем беда. Что такое "думать"? Думать – это значит извернуться, сфинтить, сблефовать, обвести вокруг пальца, но ведь здесь все это не годится... Ну ладно. Мартышка, отец... Расплатиться за все, душу из гадов вынуть, пусть дряни пожрут, как я жрал... Не то, не то это, Рыжий... То есть то, конечно, но что все это значит? Чего мне надо –то? Это же ругань, а не мысли. Он похолодел от какого–то страшного предчувствия и, сразу перешагнув через множество разных рассуждений, которые еще предстояли, свирепо приказал себе: ты вот что, Рыжий, ты отсюда не уйдешь, пока не додумаешься до дела, сдохнешь здесь рядом с этим шариком, сжаришься, сгниешь, но не уйдешь...

Господи, да где же слова–то, мысли мои где? Он с размаху ударил себя полураскрытым кулаком по лицу. Ведь за всю жизнь ни одной мысли у меня не было! Подожди, Кирилл ведь что–то говорил такое... Кирилл! Он лихорадочно копался в воспоминаниях, всплывали какие–то слова, знакомые и полузнакомые, но все это было не то, потому что не слова остались от Кирилла – остались какие–то смутные картины, очень добрые, но ведь совершенно неправдоподобные... Подлость, подлость... И здесь они меня обвели, без языка оставили, гады... Шпана... Как был шпаной, так шпаной и состарился... Вот этого не должно быть! Ты, слышишь? Чтобы на будущее это раз и навсегда было запрещено! Человек рожден, чтобы мыслить (вот он, Кирилл, наконец–то!..). Только ведь я в это не верю. И раньше не верил, и сейчас не верю, и для чего человек рожден – не знаю. Родился – вот и рожден. Кормится кто во что горазд. Пусть мы все будем здоровы, а они пускай все подохнут. Кто это – мы? Кто они? Ничего же не понять. Мне хорошо – Барбриджу плохо, Барбриджу хорошо – Очкарику плохо, Хрипатому хорошо – всем плохо, и самому Хрипатому плохо, только он, дурак, воображает, будто сумеет как–нибудь вовремя извернуться... Господи, это ж каша, каша! Я всю жизнь с капитаном Квотербладом воюю, а он всю жизнь с Хрипатым воевал и от меня, обалдуя, только одного лишь хотел – чтобы я сталкерство бросил. Но как же мне было сталкерство бросить, когда семью кормить надо? Работать идти? А не хочу я на вас работать, тошнит меня от вашей работы, можете вы это понять? Я так полагаю: если среди вас человек работает, он всегда на кого–то из вас работает, раб он – и больше ничего, а я всегда хотел сам, сам хотел быть, чтобы на всех поплевывать, на тоску вашу и скуку...

Он допил остатки коньяка и изо всех сил ахнул пустую флягу о землю. Фляга подскочила, сверкнув на солнце, и укатилась куда–то – он сразу же забыл о ней. Теперь он сидел, закрыв глаза руками, и пытался уже не понять, не придумать, а хотя бы увидеть что–нибудь, как оно должно быть, но он опять видел только рыла, рыла, рыла... Зелененькие, бутылки, кучи тряпья, которые когда–то были людьми, столбики цифр... Он знал, что все это надо уничтожить, и он хотел это уничтожить, но он догадывался, что если все это будет уничтожено, то не останется ничего – только ровная голая земля. От бессилия и отчаяния ему снова захотелось прислониться спиной и откинуть голову – он поднялся, машинально отряхнул штаны от пыли и начал спускаться в карьер.

Жарило солнце, перед глазами плавали красные пятна, дрожал воздух на дне карьера, и в этом дрожании казалось, будто шар приплясывает на месте, как буй на волнах. Он прошел мимо ковша, суеверно поднимая ноги повыше и следя, чтобы не наступить на черные кляксы, а потом, увязая в рыхлости, потащился наискосок через весь карьер к пляшущему и подмигивающему шару. Он был покрыт потом, задыхался от жары, и в то же время морозный озноб пробирал его, он трясся крупной дрожью, как с похмелья, а на зубах скрипела пресная меловая пыль. И он уже больше не пытался думать. Он только твердил про себя с отчаянием, как молитву: "Я животное, ты же видишь, я животное. У меня нет слов, меня не научили словам, я не умею думать, эти гады не дали мне научиться думать. Но если ты на самом деле такой... Всемогущий, всесильный, всепонимающий... Разберись! Загляни в мою душу, я знаю – там есть все, что тебе надо. Должно быть. Душу–то ведь я никогда и никому не продавал! Она моя, человеческая! Вытяни из меня сам, чего же я хочу, – ведь не может же быть, чтобы я хотел плохого!.. Будь оно все проклято, ведь я ничего не могу придумать, кроме этих его слов, – счастье для всех, даром, и пусть никто не уйдет обиженный!"

Оглавление